

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ УРАЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

ЧЕЛЯБИНСК – 1983

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ 40-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ УРАЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Челябинск 1983

Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. Уфа, изд. Башкирского ун-та (подготовлен Челябинским ун-том), 160 с.

/

Сборник содержит статьи, посвященные основным проблемам андроновской культурно-исторической общности, в которых отражены новые источники и точки зрения по вопросам происхождения и развития древних обществ эпохи бронзы одного из крупнейших регионов степной Евразии.

Редакционная коллегия:

проф. *Мерперт Н. Я.*, доцент *Зданович Г. Б.* (отв. редактор), доцент *Машин М. Д.*, канд. ист. н. *М. Ф. Обыденнов*, м. н. с. *Иванова Н. О.*

© Башкирский госуниверситет, 1983 г. (подготовил Челябинский госуниверситет)

М. Ф. Косарев

АНДРОНОИДНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В последние века II тысячелетия до н. э. на юге зауральско-западносибирской тайги и, отчасти, в смежной предтаежной полосе складывается огромнейший массив так называемых андроноидных культур, из которых лучше всего известны сейчас черкаскульская в Зауралье [1, с. 353—374], сузгунская в Прииртышье [2] и еловская в Томско-Нарымском Приобье [3, с. 95—120, рис. 26—34]. Археологически сложение сузгунской и еловской культур в Обь-Иртышье прослеживается как процесс слияния **местной** гребенчато-ямочной орнаментальной (культурной) традиции и **южной** — андроновской. Около начала I тысячелетия до н. э. здесь улавливается еще одна волна южных воздействий — карасукско-ирменская, придавшая сузгунской и еловской культурам в конце их существования определенный карасукский (ирменский) колорит, особенно выраженный на юго-востоке сузгунско-еловского ареала.

Расцвет андроноидных культур южнотаежного и предтаежного Объ-Иртышья в общем совпадает со временем упадка собственно андроновской (федоровской) культуры на юге Западно-Сибирской равнины. Этот факт необходимо учитывать при разработке проблем, касающихся исторических судеб андроновского (федоровского) населения. В этой связи интересно, что исчезнув в степной и лесостепной полосе Западной Сибири, андроновские орнаменты, обычно в трансформированном виде, продолжают существовать на севере Западной Сибири в орнаментации керамических и бронзовых изделий железного века и средневековья, доживая в изобразительном искусстве обско-угорских и, отчасти, некоторых других сибирских народов до этнографической современности [4, рис. 100].

Сложение черкаскульской культуры шло несколько иным путем. Если сузгунская и еловская культуры Обь-Иртышья сочетали в себе элементы двух культурных традиций — местной гребенчато-ямочной и пришлой андроновской, то черкаскульская культура лесного Зауралья явилась прямым результатом развития **местной** андроноидной культурной традиции, корни которой

уходят здесь в энеолитическую эпоху (суртандинский и аятский культурные комплексы). На коптяковском этапе (примерно XVI—XIV вв. до н. э.), непосредственно предшествующем сложению черкаскульской культуры, декоративное оформление сосудов в лесном Зауралье — по элементам узоров, орнаментальным мотивам и в значительной мере по композиционной схеме — предвосхищает не только черкаскульские, но и андроновские (федоровские) черты, обнаруживая в то же время значительное сходство с отдельными элементами баланбашского декоративного комплекса Южного Урала. Это дает основание предполагать, что ранние этапы андроновской (федоровской) культуры локализовались и получили свое первоначальное оформление скорее всего в непосредственном соседстве с раннечеркаскульским и позднебаланбашским ареалами; во всяком случае, мы пока не знаем другого района, где бы элементы андроновского орнаментального комплекса прослеживались столь выраженно еще в доандроновскую эпоху. Поэтому нам представляется, что на данном этапе археологической изученности Урала, Сибири и Казахстана поиски района предполагаемого генезиса андроновской (федоровской) культуры должны быть направлены в первую очередь в полосу пограничья тайги и лесостепи между Уральским хребтом и р. Тобол.

Ниже мы коснемся лишь одного аспекта андроноидной проблематики, а именно некоторых особенностей экономического и социального развития андроновского ареала.

Для андроноидного населения Зауралья и Западной Сибири было характерно многоотраслевое хозяйство, сочетавшее скотоводство, охоту, земледелие и рыболовство. Историю многоотраслевого хозяйства в Западной Сибири почему-то принято начинать со времени сложения здесь андроноидных культур. Однако многоотраслевая экономика как особый тип хозяйства возникла видимо, значительно раньше и на более широкой территории, чем собственно пограничье тайги и лесостепи. Ведь переходная стадия от рыболовческо-охотничьих занятий **в степях** к оседлому пастушеско-земледельческому хозяйству являлась по существу стадией многоотраслевого хозяйства. На самом деле, в рыболовческо-охотничий быт древнего населения **степей**, с переходом от неолита к бронзовому веку, все более внедрялись пастушеские и земледельческие навыки. В какой-то период присваивающие и производящие занятия здесь находились, наверное, даже в состоянии равновесия, а после того, как окончательно выяснилось, что в условиях усыхания степной зоны многоотраслевое хозяйство нерационально, **в степи** окончательно победили пастушество и земледелие. Это произошло, видимо, где-то ближе к средине II тысячелетия до н. э.

На севере лесостепи и на юге таежной зоны многоотраслевое хозяйство, напротив, оправдало себя, так как наиболее полно отвечало экологическим условиям этого географического пояса.

Многоотраслевая экономика в Западной Сибири могла утвердиться и существовать именно в пограничье тайги и лесостепи, то есть в таких ландшафтно-климатических условиях, где, с одной стороны, имелись определенные возможности для скотоводства, земледелия, охоты и рыболовства, а с другой стороны, отсутствие хотя бы одной из этих отраслей нарушило бы целостность хозяйственного организма, лишило бы его надежности и стабильности. Рациональность многоотраслевого хозяйства этого региона проявилась, в частности, в том, что оно обладало бóльшими адаптивными возможностями, чем охотничье-рыболовческое хозяйство в тайге и пастушеско-земледельческое в степной зоне, которые отличались большей односторонностью.

В плохие для охотничье-рыболовческих занятий годы носители многоотраслевого хозяйства могли сравнительно легко переориентироваться на преимущественно пастушеско-земледельческий образ жизни и наоборот. Недостаток, скажем, заготовленного на зиму рыбного продукта мог быть возмещен хлебным запасом; уменьшение количества домашнего скота можно было в какой-то мере компенсировать интенсификацией охоты и т. д.

Ведущиеся иногда среди археологов разговоры о необходимости строго и точно определить удельный вес разных хозяйственных занятий в пределах ареала многоотраслевой экономики для той или иной культуры отражает, на наш взгляд, некоторое недопонимание **сути** многоотраслевого хозяйства, которое потому и **рационально**, что способно постоянно менять количественное соотношение и производственную значимость разных своих сторон и звеньев.

Однако сводить этот **динамизм** лишь к способности более чутко и мобильно реагировать на плохие и хорошие годы было бы не совсем правильно. Этот динамизм был одновременно путем поиска наиболее оптимального соотношения и совершенствования различных хозяйственных занятий внутри ареала многоотраслевой экономики в локальном и хронологическом плане. **Локальная** тенденция проявлялась, в частности, в том, что на юге ареала был более высок удельный вес производящих отраслей хозяйства, а на севере — присваивающих промыслов. **Хронологическая** тенденция прослеживается в изменении процентного соотношения разных видов скота в стаде. Если в конце бронзового века в южной части андроноидного ареала первое место по численности занимал крупный рогатый скот, второе — мелкий и третье — лошадь [1, с. 368; 5, с. 92], то в начале железного века лошадь выходит на первое место, крупный рогатый скот перемещается на второе, а мелкий — на третье [6, с. 178; 7, с. 154]. Впрочем, похожая хронологическая тенденция имела место и в степной зоне, где по мере приближения к эпохе железа также наблюдается уменьшение доли крупного рогатого скота и увеличение доли лошади [8, с. 21; 9, с. 18].

Видимо, отмеченные изменения в составе стада были вызваны

тем, что основной системой зимнего выпаса скота становится «тебеневка», непременным условием которой было преобладание лошади над крупным рогатым скотом. Переход к «тебеневке», в свою очередь, был вызван двумя основными причинами: 1) накоплением и развитием элементов кочевого хозяйства (прежде всего, в степной зоне); 2) увеличением мощности снежного покрова вследствие увлажнения климата в начале железного века, в результате чего в стаде начинают закономерно преобладать те виды скота, которые способны добывать корм из-под снега (лошадь, овца).

Пограничье тайги и лесостепи было более многолюдным и, видимо, более развитым в культурном отношении, чем степь и глубинные таежные районы. Здесь издревле локализовались самые богатые и колоритные культуры Зауралья и Западной Сибири: боборыкинская, суртандинская, липчинская (энеолит), балан-башская, коптяковская, самусьская (развитой бронзовый век), черкаскульская, еловская (эпоха поздней бронзы) и др. В начале освоения Сибири русскими здесь жили тобольские, иртышские и томско-чулымские татары, хорошо владевшие кузнечным ремеслом, знавшие, наряду с охотой и рыболовством, скотоводство и земледелие, осуществлявшие посреднические экономические и культурные связи между югом и севером, достигшие в политическом отношении уровня государственности. Вряд ли случаен тот факт, что столица Сибирского ханства Искер находилась не в степи и даже не в лесостепи, а на юге таежной зоны, где, видимо, существовала наиболее подходящая социальная среда для возникновения центра политических объединений.

Рассматриваемая территория, являясь зоной контактов ареалов производящей и присваивающей экономики, была местом, где издревле концентрировался культурный, производственный и социальный опыт населения разных культур — охотников, рыболовов, земледельцев и скотоводов. К. Маркс подчеркивал, что области, сочетавшие разные природные условия, дают лучшие возможности для экономического, а следовательно, и социального развития. Он, в частности, замечает: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей и способов труда» [10, с. 552].

Все это дает основание предполагать, что со времени сложения в пограничье тайги и лесостепи многоотраслевого хозяйства, сочетавшего присваивающие промыслы и производящие отрасли, население этой территории по потенциальным возможностям своего социального и экономического развития находилось в более выгодном положении, чем население степей и более северных таежных районов. Как эти возможности реализовались у носи-

телей андроноидных культур, реализовались ли вообще, а если не реализовались, то почему — должно, видимо, явиться в будущем темой особого исследования.

1. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.

2. *Мошинская В. И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 1957, № 58.

3. *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья.— М.: Наука, 1974.

4. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник.— М.—Л.: Наука, 1963.

5. *Матющенко В. Н.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 4.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1974, вып. 12.

6. *Могильников В. А.* Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1977, вып. 21.

7. *Стоянов В. Е.* Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1977.

8. *Потемкина Т. В.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.

9. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.— Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.

10. *Маркс К.* Капитал, т. I.— Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 23.

Т. М. Потемкина

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИТОБОЛЬЕ

Вопрос о происхождении любого историко-культурного образования, в том числе археологической культуры или ее варианта, является одним из наиболее сложных. Как правило, он решается исследователями в зависимости от существующего представления о рассматриваемой культуре, ее окружении и предшествующих ей комплексах. С изменением этого представления изменяется и подход к исследуемому вопросу. Это положение хорошо иллюстрируется на примере андроновской культуры.

Когда андроновская культура была выделена С. Теплоуховым в Минусинской котловине и воспринималась как единое целое, вопрос о ее происхождении решался на основе преемственности с более ранними на данной территории афанасьевскими комплексами [1, с. 83—84, 90]. С открытием М. П. Грязновым андроновских памятников в Западном Казахстане выявились, при наличии определенного сходства, различия западного и восточного вариантов андроновского ареала [2, с. 199, 201]. Тем самым было положено начало выделению в пределах андроновской культуры ее локальных вариантов, хотя андроновская культура все еще воспринималась как единое целое [3, с. 147, 150]. С накоплением нового обширного материала, в том числе на ранее практически неисследованных территориях (юг Западной Сибири, Северный и Центральный Казахстан), представления о локальных различиях андроновской культуры укреплялись, последняя стала рассматриваться как культурно-историческая общность [4, с. 18; 5, с. 89]. В настоящее время у большинства исследователей не вызывает возражения факт существования в пределах андроновской общности таких самостоятельных культур, как федоровская и алакульская, с присущими им специфическими культурными признаками, представляющими собой две параллельные ветви развития на смежных территориях, активно взаимодействующих на всем протяжении своего существования [6; 7, с. 244; 8, с. 63—64; 9, с. 192/. Следовательно, наши поиски должны быть направлены на выявление истоков каждой

из этих культур в отдельности в тех регионах, где они имеют место.

При рассмотрении вопроса о происхождении андроновской культуры исследователи выделяют два основных направления. Представители первого полагают, что андроновская культура возникла в каком-то одном центре, из которого впоследствии распространилась на другие территории. Так, Г. Ф. Дебец, характеризуя афанасьевский и андроновский антропологический тип, предполагает формирование последних в казахстанских степях и дальнейшее расселение их в степи Минусинской котловины [10, с. 70, 76]. О вероятности складывания андроновской культуры в Казахстане, откуда она распространилась в Приуралье, Восточный Казахстан, Западную Сибирь и на Енисей, пишет Г. А. Максименков. Разные области распространения федоровских и алакульских памятников данный автор объясняет неодновременным их возникновением на разных территориях: на федоровском этапе андроновская культура появилась на востоке, на алакульском — в степях Западного Казахстана [11, с. 86, 89, 125].

Исследователи второго направления предполагают одновременное сложение андроновских культурных признаков на близкой энеолитической основе в каждом отдельном районе их распространения [12, с. 104; 4, с. 15; 13, с. 340; 14, с. 110—111]. Однако до последнего времени эти предположения носили гипотетический характер, поскольку на широкой территории отсутствовали или почти отсутствовали материалы предшествующего энеолитического периода.

В 60—70-е годы накоплена новая значительная информация как по самой андроновской культуре, так и по предшествующим ей периодам. Как уже отмечалось, новые археологические данные позволили говорить о неоднородности андроновских памятников, о выделении внутри них сосуществующих федоровских и алакульских комплексов, а значит, и о разной их подоснове. Предполагаемое место формирования федоровских групп населения — лесостепное Зауралье и Среднее Притоболье [7, с. 244], северная часть Южного Зауралья [13, с. 341]; алакульских — Западный Казахстан и Южное Приуралье [7, с. 244; 13, с. 307; 15, с. 92]. При этом, как полагал К. В. Сальников, в Южном Приуралье складывается при участии населения полтавкинской и абашевской культур лишь один вариант алакульских памятников. Второй вариант, синхронный первому, являлся генетическим продолжением федоровских комплексов в северной части Южного Зауралья, в свою очередь продолживших линию развития автохтонного населения [13, с. 309, 343, 346].

Важное значение для решения вопроса о происхождении алакульских древностей имеет открытие в Северном Казахстане памятников петровского типа, выделенных как раннеалакульские, генетически связанные с более ранними вишневскими. Северный

Казахстан рассматривается как один из районов формирования алакульской культуры, где этот процесс протекал на местной основе при постоянных контактах с населением Южного Урала и Поволжья [16, с. 40—41; 9, с. 191]. Как раннеалакульские, стратиграфически предшествующие алакульским и генетически с ними связанные, определяются памятники новокумакского хронологического горизонта в Приуралье и на Южном Урале. Выявляемое в памятниках новокумакского типа сильное воздействие полтавкинской, абашевской и многоваликовой керамики дает основание авторам предполагать, что стимулом для формирования алакульской культуры явился западный импульс [17, с. 34, 39, 51].

Таким образом, независимо от того, рассматриваются ли алакульские комплексы как этап андроновской культуры или как самостоятельная культура, большинство исследователей предполагает очаг становления алакульских древностей в западных районах андроновского ареала — Южном Приуралье и Зауралье, Западном и Северном Казахстане. Широкие исследования ямных, полтавкинских, срубных [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24, с. 24—56] и абашевских [13; 25; 26; 27, с. 7—32; 28] древностей в Поволжье и Приуралье показали, что в настоящее время ни одну из проблем алакульской культуры, в том числе и вопрос о происхождении, нельзя рассматривать в отрыве от культур эпохи бронзы Волго-Уральского междуречья, с территорией которого связаны как передвижения и контакты, так и процессы формирования крупных племенных групп и культурных общностей.

Территория Среднего Притоболья, о которой речь пойдет ниже, в эпоху развитой бронзы связана с распространением алакульских древностей. Именно на данной территории находится классический Алакульский могильник [29]. До последнего времени здесь практически не были известны памятники энеолита и ранней бронзы, что не позволяло ставить на конкретную основу вопрос о происхождении алакульской культуры. В последние годы накопился хоть и незначительный, но весьма выразительный материал, благодаря которому возможно проследить преемственность алакульских древностей, прежде всего керамики, с предшествующими культурными комплексами, начиная с периода неолита.

Керамика исследованных раскопками поздненеолитических стоянок лесостепного Притоболья: Охотино, Лисья гора, Убаган III [30], представлена преимущественно остродонными сосудами с прямыми стенками и приостренным венчиком со скосом с внутренней стороны, орнаментированными по всей поверхности, включая внутренний край, горизонтальными рядами из наклонных оттисков гребенчатого штампа, шагающей гребенки, реже — горизонтальными линиями и зигзагами. Незначительное место занимает керамика тех же форм, но с линейнонакольчатой орнаментацией.

Посуда эпохи энеолита изучена по материалам раскопок двух могильников — Убаган I и Верхняя Алабуга — и подъемных сборов ряда стоянок. Наиболее выразительные материалы по интересующему нас вопросу получены при исследовании могильника Верхняя Алабуга.

Памятник расположен у д. Верхняя Алабуга Притобольного района Курганской области в пойме р. Тобол на береговом останце диаметром 150 м, высотой 2 м. На южном и западном склонах культурный слой сильно нарушен пахотой и земляными работами. Раскопками 1977—1979 гг. вскрыто 1592 кв. м. Культурные остатки неодновременны. Типологически, планиграфически и стратиграфически выделяются три хронологических комплекса: энеолита, ранней и развитой бронзы.

Наиболее ранний связан с группой ям (более 30) овальной и близкой к прямоугольной формы размером 2,2—0,8×1—0,6 м, глубиной 0,4—1 м, расположенных в 3—4 нестройных параллельных ряда, протянувшихся через центр останца с запада на восток, частично захватывая северный склон. Продольной осью преобладающая часть ям ориентирована по линии СВ—ЮЗ, СВ—ЮВ; незначительное число ям — по направлению С—Ю, В—З. Заполнение их состоит из слабо окрашенной серой супеси, едва заметной на фоне подстилающего песка. В большинстве ям в верхнем заполнении прослежены пятна углистой супеси и отдельные угли. На дне некоторых углублений обнаружены кости плохой сохранности, маленькие кусочки охры, единичные фрагменты керамики и кремневые изделия. На участках, где культурный слой менее нарушен, у края ям и над ними обнаружены развалы сосудов, кремневые орудия преимущественно пластинчатых форм. В четырех случаях выявлены следы погребений. Одно из захоронений (погребение 5) совершено в прямоугльной могильной яме (0,95×0,6×0,25 м); кости скелета — на спине в сильно скорченном положении головой на СЗ. Слева у нижней челюсти находилось массивное медное шило, у изголовья — сосуд [31, с. 272—274] л. Сосуд полуяйцевидной формы со слабо выделенной шейкой, толстостенный, с расчесами на внутренней поверхности и примесью крупнотолченого шамота в глиняном тесте. Орнамент из наклонных оттисков крупнозубого гребенчатого штампа сплошь покрывает всю поверхность сосуда и внутренний край (рис. 1, 13). Аналогичные по форме, технике изготовления и орнаментации сосуды обнаружены у края ям без следов костяков, что позволяет относить их вместе с сосудом из погребения 5 к единому хронологическому комплексу. Нет необходимости доказывать, что данная керамика по целому ряду признаков (форме, орнаменту и технике его исполнения) сохраняет черты местной неолитической посуды. Остальные три погребения — безынвентарные: в одном случае умерший был захоронен в положении сидя в узкой и глубокой (более 1 м) могильной яме, где он был усажен на земляную ступеньку лицом на СЗ;

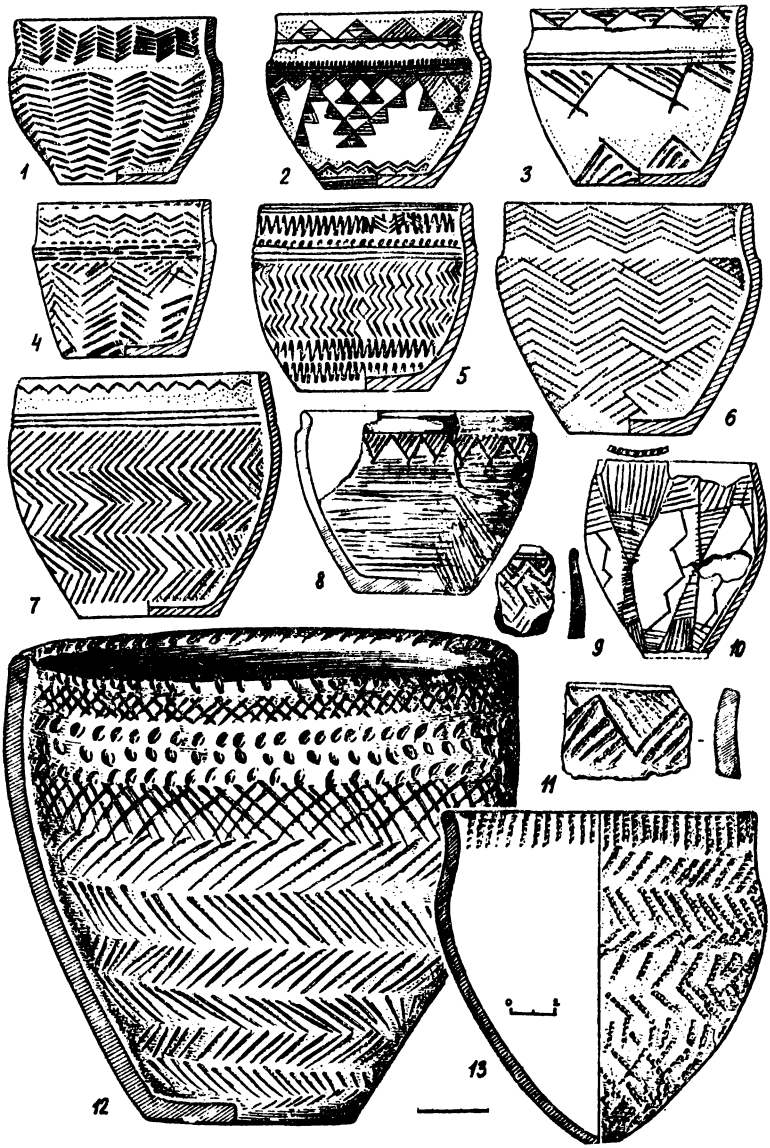

Рис. 1. Верхняя Алабуга. Керамика:

1—8 — из I группы погребений могильника периода развитой бронзы; *9—12* — из слоя поселения ранней бронзы; *13* — из энеолитического могильника (погребение 5)

в другом — сидя на корточках или на коленях; поза третьего неясна. Наличие в группе описанных ям достоверных погребений, в том числе и с инвентарем, позволяет считать, что в данном случае имеет место разрушенный могильник эпохи энеолита с определенным погребальным ритуалом. В обряде захоронений и инвентаре могильника прослеживаются черты как ямной, так и афанасьевской культур.

Более поздний по отношению к вышеописанному культурный комплекс Верхней Алабуги связан с существованием поселения периода ранней бронзы, которое занимало южный и западный склоны останца. Культурный слой поселения почти полностью разрушен. В двух случаях прослежены остатки слабоуглубленных жилищных сооружений, в пределах которых найдены керамика, в том числе развалы сосудов, немногочисленные кремневые и костяные изделия. Основная часть находок собрана на поверхности. Керамическая коллекция включает несколько реставрированных сосудов и более тысячи их фрагментов, среди которых значительное число венчиков и донышек. Сосуды баночного типа с плоским дном и слегка наклоненными внутрь прямыми стенками, во многих случаях со слабовыделенной, чуть отогнутой наружу шейкой (рис. 1,9—12). Венчик плоский, округлый, иногда заостренный. По составу глиняного теста, цвету, обработке поверхности и орнаментации выделяется керамика двух разновидностей. Первая, основная в коллекции, представлена толстостенными (8—12 мм) сосудами с примесью крупнотолченого шамота, иногда дресвы в глиняном тесте, с расчесами на внутренней стороне и выбивкой по всей внешней поверхности, напоминающей отпечатки грубой ткани. Орнамент из горизонтальных рядов наклонных насечек, решеточек, широких овальных, продолговато-овальных, треугольных ямок, реже — взаимопроникающих треугольников, ромбов, защипов наносился поверх ложнотекстильной выбивки узкой полосой под венчиком или по всей поверхности, часто включая дно, срез венчика или край с внутренней стороны (рис. 1, 9, 11, 12). Узоры выполнены грубо и небрежно крупнозубым гребенчатым или широким гладким штампом, щепой, в редких случаях — оттисками шнура. В единичных случаях под венчиком имеется налепной или формованный валик, орнаментированный насечками. Наиболее близкие аналогии этой посуде известны среди керамики ранней бронзы одиновского типа на р. Тобол [32, с. 74—77], крохалевского в Новосибирском Приобье [33, с. 43—44; 34, с. 45—49] и вишневского в Северном Казахстане [35, с. 106—113; 36, с. 242—250].

Сосуды другой разновидности изготовлены более тщательно: тонкостенны (5—7 мм), внутренняя и внешняя поверхность хорошо заглажена, орнаментированы по всей поверхности или только в верхней половине заштрихованными взаимопроникающими треугольниками, зигзагами, выполненными путем прочерчивания острой палочкой, иногда с легким нажимом, так назы-

ваемой линейно-накольчатой техникой. Характерная особенность — ряд насечек по срезу венчика и у края дна. Данная керамика имеет значительное сходство с боборыкинской посудой периода ранней бронзы в бассейне р. Тобол [37, с. 3—10; 38, с. 21—29; 39, с. 91—97]. Обе разновидности керамики — одиновскокрохалевского и боборыкинского типов — существовали, по-видимому, одновременно, поскольку обнаружены в пределах одного углубления. В их орнаментации находят свое дальнейшее развитие мотивы, известные в лесостепном Притоболье в неолите.

Следующий хронологический этап на многослойном памятнике Верхняя Алабуга представлен могильником раннеалакульского времени. Могильник занимал центральную, наиболее возвышенную, часть останца и его западный склон, частично перекрывая как энеолитический могильник, так и поселение ранней бронзы. Прослежены случаи прямой стратиграфии, когда раннеалакульские погребения прорезают ямы энеолитического времени и жилищные углубления периода ранней бронзы. Исследовано 76 погребений и около 30 жертвенных ям, в большинстве случаев с костями черепов и конечностей домашних животных, сосудами. Погребения и ямы концентрируются двумя группами.

Первая группа насчитывает 64 погребения и около 20 ям в большинстве случаев с костями барана, расположенных в 2—3 ряда вокруг большой (3,2×2,2×0,8 м) могильной ямы с массивными деревянными конструкциями, без следов костяка, по всей вероятности кенотафа. Остальные могильные ямы почти исключительно малых (0,8—0,4×0,5—0,3 м) размеров, незначительное число средних (2—1,2×1,4—0,4 м), ориентированных продольной осью по линии СЗ—ЮВ, СВ—ЮЗ. Форма могил — прямоугольная, во многих случаях (21) отмечены следы деревянной обкладки стенок и перекрытия. Кости скелетов сохранились лишь в двух глубоких могилах, скорченно на правом боку, черепом на северо-запад и восток. В остальных случаях по положению сосудов и сохранившихся зубов ориентировка большинства погребений определяется как восточная с отклонением к северу и югу. По сохранившимся костям скелета (определение Г. П. Романовой) и размерам могильных ям можно считать, что захоронения принадлежат исключительно детям и подросткам. Погребальный инвентарь состоит главным образом из сосудов, которые ставились в могильные ямы по одному (35 погребений), два (12), три (4), четыре (1). Ряд сосудов найден за пределами могил (21) и в жертвенных ямах (12). Прочие вещи немногочисленны: бронзовые желобчатые браслеты с несомкнутыми концами (6), височная подвеска (1), шилья (2), бусы, слиточки бронзы (3); кремневые скребки (5) и пластины, пастовая четырехрожковая бусина, альчики барана. Коллекция керамики насчитывает 108 целых сосудов, среди которых выделяются следующие типы: 1) банки — 14 экз. (рис. 1, 7); 2) банки с намечающимся уступчиком на плечиках — 27 экз. (рис. 1, 4, 5, 8); 3) горшки с

уступчатым плечом — 35 экз. (рис. 1,1—3,6); 4) горшки с ребристым плечом — 10 экз.; 5) горшки со слабо выраженным ребром на плечиках, являющимся чем-то средним между ребром и уступом — 22 экз. В орнаменте преобладают ряды из насечек или оттисков штампа, образующие горизонтальную и вертикальную елочку, зигзаги, горизонтальные линии. Геометрические узоры, в основном из заштрихованных треугольников, составляют сравнительно небольшой процент. Рисунок располагается по всей поверхности сосудов, иногда включая дно, или по шейке и плечикам. Орнаментальная зона у дна встречается относительно редко.

Вторая группа состоит из двенадцати погребений и четырех ям. Могильные ямы почти исключительно крупных (2,8—2××2,2—1,6 м) и средних (2—1,4×1,2—0,9 м) размеров, прямоугольной и близкой к квадратной формы, ориентированные продольной осью по линии З—В, СЗ—ЮВ. Во всех могилах обнаружены остатки бревен или плах в 1—2 венца, ограничивающих дно могильной ямы и образующих перекрытие. Погребения концентрируются вокруг могилы с захоронением двух подростков 12—16 лет с богатым инвентарем. Среди окружающих погребений, где это удалось определить, имеются захоронения людей зрелого возраста (2) и детей (1). Ориентировка сохранившихся костяков определяется как восточная (3) и северо-западная (1). Рядом с центральным погребением находилась жертвенная площадка: здесь обнаружены сосуд, кости черепа и конечностей лошади (5 особей), крупного (5) и мелкого (3) рогатого скота (определение В. П. Данильченко). Кости крупного и мелкого рогатого скота найдены также в одной из ям. Достаточно разнообразен набор бронзовых изделий: двулезвийные ножи-кинжалы с обособленной рукоятью (3), плоское тесло с параллельными гранями, шилья (2), желобчатые браслеты с несомкнутыми концами (12), перстни со щитком в виде закрученных в противоположные стороны спиралей (6), височные привески с заходящими концами из выпукло-вогнутой пластины, покрытые золотой фольгой (2), набор украшений из двух овальных бляшек с парными отверстиями в центре и ребристых обойм, бляшки полусферическая и с концентрическими кругами, многочисленные бусы различных форм. Следует отметить также каменные наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (10), клыки кабана, альчики барана, крупную бусину из бирюзы. Керамическая коллекция состоит из 22 сосудов. Это почти исключительно горшки с острым ребром на плечиках и воротничком на шейке (18 экз.) (рис. 2). Единичны горшки со слабовыделенным ребром (3) и банки (1). Орнамент расположен, как правило, зонально — по шейке, плечикам, реже у дна — и состоит в основном из сочетания трех элементов: горизонтальных линий, зигзагов, заштрихованных треугольников. В центральном погребении (№ 6) вместе с остроребериыми сосудами находились два горшка, сходные с абашевскими — с резко выделенным острым

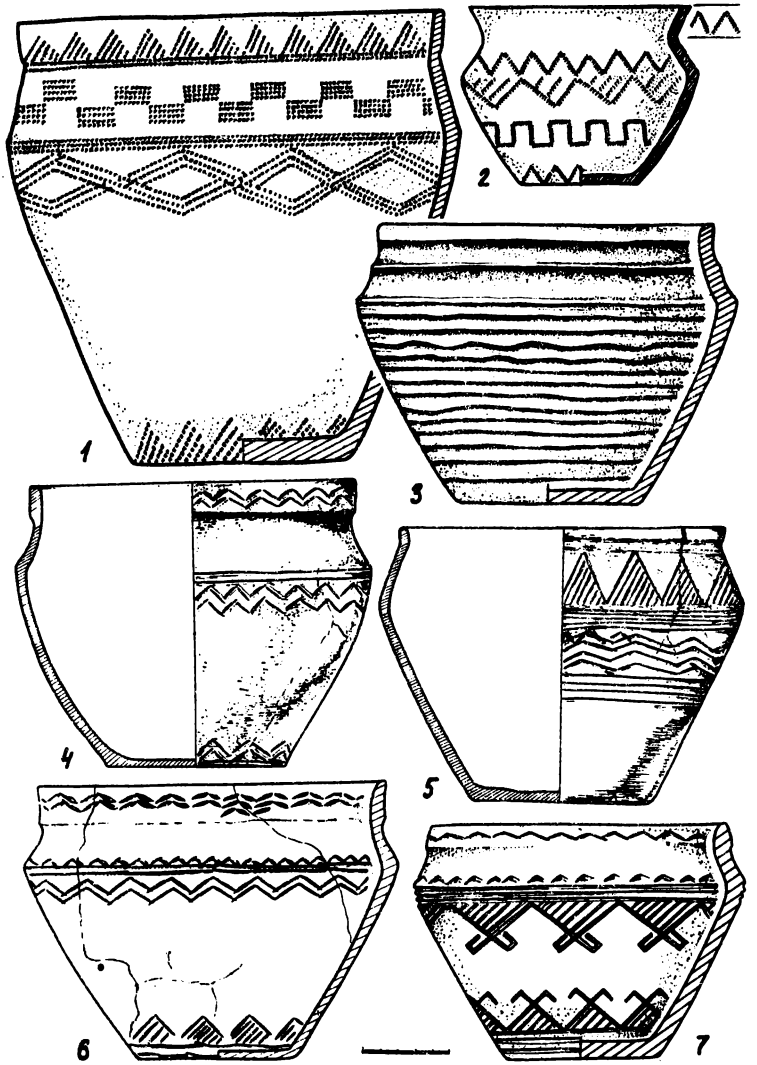

Рис. 2. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика из II группы погребений могильника периода развитой бронзы:

1—3 — погребение 3; *6* — погребение 10; *7* — жертвенная площадка

ребром и отогнутой наружу шейкой, орнаментированной с внутренней стороны, с примесью раковины в глиняном тесте (рис. 2,2). Примесь раковины имеется в тесте еще нескольких сосудов этой группы погребений.

Итак, I группа погребений характеризуется: 1 — наличием могильных ям малых, редко средних размеров; 2 — небольшим числом могил с деревянными конструкциями; 3 — присутствием в жертвенных ямах главным образом костей мелкого рогатого скота (17 особей из 20, остальные 3 — крупный рогатый скот); 4 — единичными находками мелких бронзовых украшений и кремневых изделий; 5 — подавляющим числом сосудов с уступчатым плечом, банками и близкими к ним формами. Для II группы погребений характерны следующие черты: I могильные ямы крупных, реже средних размеров; 2 — во всех случаях остатки деревянных конструкций; 3 — абсолютное преобладание среди остатков жертвоприношений костей лошади и крупного рогатого скота; 4 — богатый и разнообразный набор бронзовых изделий; 5 — наличие сосудов исключительно остроребериых форм, среди которых имеются горшки, аналогичные абашевским.

Таким образом, при значительном сходстве между I и II группами погребений могильника Верхняя Алабуга имеются определенные различия, особенно заметные в керамике. Отличны форма сосудов, набор элементов орнамента и их расположение, дополнительные примеси к глиняному тесту. Керамика I группы погребений выявляет многие черты преемственности с более ранней посудой одиновско-крохалевского типа. Продолжают сохраняться близкие раннебронзовым формы сосудов, что особенно заметно на примере банок и горшков со слабовыделенным уступчиком; в орнаментации широко используются распространенные ранее ряды из наклонных насечек и оттисков штампа, образующие вертикальную и горизонтальную елочку, ряды шагающей гребенки и гладкого штампа (рис. 1). В то же время дальнейшее развитие получают зародившиеся в период ранней бронзы мотивы: заштрихованные треугольники, ромбы, зигзаги. Ямки прежних форм полностью исчезают; они становятся мелкими и наносятся, как правило, в один ряд на месте перехода от шейки к плечикам (рис. 1, 2, 4, 5). Посуда становится менее грубой, тонкостенной, исчезает ложнотекстильная выбивка, расчесы щепой встречаются редко (рис. 1,8). Поверхность обрабатывается гладким предметом. Посуда приобретает облик, характерный для эпохи развитой бронзы. Основная часть керамики из I группы погребений по форме и орнаментации аналогична посуде алакульских памятников лесостепного Зауралья [29, с. 64, рис. 9, 10, 11; 13, с. 245, рис. 32], причем более раннего их этапа, когда сосуды с четко выраженным уступчатым плечом и зонально расположенным геометрическим орнаментом еще не являются господствующей формой, как это имеет место на памятниках развитого этапа алакульской культуры (могильники Царев Курган,

Субботино и др.) [13, с. 262, рис. 36; 8, рис. 3, 4].

Керамика II группы погребений, представленная исключительно сосудами с ребристым плечом (рис. 2), не имеет корней в более ранних памятниках лесостепного Притоболья, по крайней мере по тем материалам, которыми мы в настоящее время располагаем. Наибольшее сходство данная посуда проявляет с керамикой новокумакского хронологического горизонта Южного Урала и Приуралья [17, с. 19—25]. Сопоставима она и с керамикой петровского типа Северного Казахстана [16, с. 26, рис. 2]. Близость II группы погребений с новокумакскими древностями хорошо заметна не только в керамике, но и в деталях погребального обряда и инвентаря, в первую очередь бронзовых изделий. Такое значительное сходство по целому ряду признаков изолированной группы погребений, прежде всего наличие однородного и «чистого» комплекса керамики, вероятно, свидетельствует не только о контактах населения лесостепного Притоболья со своими западными соседями, но и о продвижении отдельных групп населения Южного Урала на Тобол. Керамика, сходная с новокумакской, известна в ряде других памятников рассматриваемого района (могильники Раскатиха, Камышное I, Царев Курган, поселение Камышное II), но нигде больше она не представлена в столь чистом виде, как в указанном случае. Сосуды с ребристым плечом присутствуют в керамических коллекциях этих памятников, как и в I группе погребений могильника Верхняя Алабуга, в сравнительно небольшом количестве (8—15%) совместно с посудой других форм*. Значительный процент составляют горшки смешанных уступчато-остроребериых форм. При этом нередки случаи, когда сосуды с ребристым и уступчатым плечом найдены в одном погребении. Такое соотношение разнотипной посуды в одном культурном комплексе можно рассматривать как результат контактов местного населения с пришлыми группами населения и их постепенного смешения. В пользу южноуральского происхождения остроребериых сосудов говорит и присутствие в комплексе с ними горшков, аналогичных абашевским [13, с. 33, 34, рис. 13, 9; 40, с. 9, рис. 4, 2). На западное направление связей указывают также результаты спектрального анализа бронзовых изделий. Подавляющая часть предметов из могильника Верхняя Алабуга изготовлена из меди группы ЕУ, единицы — из меди группы ВУ. Все бронзовые изделия остальных памятников, где присутствуют сосуды, сходные с новокумакскими и абашевскими,

---

* Могильник Раскатиха, 110 сосудов: банки — 13 экз., горшки с уступчатым плечом — 61 экз., горшки с ребристым плечом — 12 экз., переходные между указанными формами — 24 экз.; могильник Камышное I, 22 сосуда: соответственно — 5, 14, 2, 1; поселение Камышное II, 78 реконструируемых по форме сосудов: соответственно — 6, 36, 29, 7.

относятся по химическому составу к группе меди ЕУ, редко — ТК*.

Таким образом, материалы раскопок целого ряда памятников лесостепного Притоболья, в первую очередь могильника Верхняя Алабуга, свидетельствуют о сосуществовании здесь в раннеалакульское время двух разновидностей керамики: первой, где ведущей формой наряду с банками являются горшки со слабовыраженным и оформившимся уступчатым плечом, сохраняющие черты керамики местного энеолита и ранней бронзы; второй, пришлой, представленной сосудами с ребристым плечом. Вторая появилась позже первой, что подтверждается данными стратиграфии поселения и могильника Камышное I [41, с. 44—55]. В культурном слое поселения обнаружено одно из погребений расположенного вплотную могильника. Керамика поселения состоит только из сосудов типа банок, горшков с уступчиком на плечиках и переходных между ними форм. Могильный комплекс включает преимущественно сосуды с уступчатым плечом, наряду с которыми имеются горшки с ребром. Керамика, тождественная могильнику, обнаружена в раннем слое поселения Камышное II [42, с. 101, 104—105, рис. 2, 5, 6, 10, 11, 16, 17, 20, 26], расположенном на расстоянии 1 км от первых двух памятников, что позволяет предполагать принадлежность раннего поселения Камышное II и могильника Камышное I одной группе населения.

Что касается характера взаимоотношений местного и пришлого населения, то они не всегда складывались мирно, на что указывают гибель от пожара поселения Камышное I и остатки оборонительных рвов на поселении Камышное II. Однако, учитывая этническую и культурную близость населения Южного Урала и лесостепного Притоболья, наличие на территории последнего в основном смешанных комплексов, где преобладают местные традиции, следует предполагать мирные взаимоотношения аборигенов с пришлыми группами и относительно скорое смешение их культурных признаков. В рассматриваемом районе местная алакульская тенденция являлась доминирующей, что привело к полному растворению пришлых элементов в местной среде. На развитом этапе алакульской культуры мы встречаем лишь реминисценции новокумакского и абашевского проникновения.

Итак,

1. В лесостепном Притоболье раннеалакульские комплексы отличаются от новокумакских в Приуралье от собственно петровских в Северном Казахстане.

2. Они имеют местную подоснову, развиваются параллельно

---

* Анализ металлических изделий из могильника Верхняя Алабуга и поселения Камышное II произвоеден в Лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, образцы №№ 17904—17906, 27860—27898, 28293—28324; из могильников Камышное I, Раскатиха, Царев курган — в Лаборатории технических средств ЛОИА АН СССР, регистрационный номер 4—73, образцы №№ 293—296, 301, 302, 306, 308, 309—311.

новокумакским, абашевским, петровским и тесно с ними взаимодействуют при постоянном доминировании местных тенденций. Керамика типа новокумакской генетически с алакульской не связана, а является лишь одним из компонентов ее сложения.

3. На всем протяжении формирования и существования алакульской культуры тесные контакты наблюдаются не только с населением западных и южных районов, но и северных, южнотаежных (федоровским, черкаскульским). Местная подоснова и характер взаимосвязи с населением окружающих территорий определили специфику алакульской культуры лесостепного Притоболья, являющегося северной окраиной алакульского ареала.

Так на основании имеющихся в настоящее время материалов рисуется картина становления алакульской культуры в одном из регионов ее распространения. Выявление вертикальных и горизонтальных связей в отдельных районах постепенно должно привести к выяснению единства подосновы алакульской культуры, на основе чего можно будет выделить конкретную территорию, где она сформировалась и куда распространилась. Исследования в этом направлении ведутся. Наиболее значительные результаты получены в Северном Казахстане [43]. Разумеется, что в решении такого сложного и многогранного вопроса, как происхождение культуры, не может быть однозначного подхода. Используются и будут использоваться различные пути поисков.

---

1. *Теплухов С.* Древние погребения в Минусинском крае.— В кн.: Материалы по этнографии. Л.: Изд-во Гос. Русского музея, 1927, т. III, вып. II.

2. *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— В кн.: Казаки. Материалы особого комитета по обследованию союзных и автономных республик, вып. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.

3. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. 17.

4. *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры.— КСИИМК, 1951, № 34.

5. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА, 1962, № 120.

6. *Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры).— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.

7. *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири.— СА, 1965, № 2.

8. *Потемкина Т. М.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1973, вып. 7.

9. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.

10. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР.— Тр. ИЭ, новая серия, 1948, т. IV.

11. *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее.— Л.: Наука, 1978.

12. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— М.: Наука, 1951.

13. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.

14. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.

15. *Федорова-Давыдова Э. А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье.— АЭБ, 1964, т. II.

16. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
17. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М.: Наука, 1977.
18. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.
19. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья.— М.: Наука, 1974.
20. *Качалова Н. К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа.— АС ГЭ, 1962, вып. 5.
21. *Качалова Н. К.* Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. канд. дис.— Л.: ЛО ИА АН СССР, 1965.
22. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья.— Л.: Наука, 1975.
23. *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
24. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена).— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
25. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности.— Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976.
26. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники.— Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977.
27. *Пряхин А. Д.* Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь.— В кн.: Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980.
28. *Горбунов В. С.* История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
29. *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль.— МИА, 1952, № 24.
30. *Потемкина Т. М.* Отчет об археологических раскопках на территории Курганской области в 1968 г. Архив ИА АН СССР, р-I, №№ 3804, 4189, 4189а, 6808, 6808а.
31. *Потемкина Т. М.* Работы Тоболо-Иртышского отряда.— АО — 1977. М., 1978.
32. *Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я.* Одино — поселение эпохи ранней бронзы в западносибирском лесостепье.— КС ИА АН СССР, 1971, № 127.
33. *Полосьмак Н. В.* Керамический комплекс Крохалевк-7.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
34. *Полосьмак Н. В.* Крохалевка-17 — новый памятник крохалевского типа.— В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979.
35. *Зайберт В. Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим.— КС ИА АН СССР, 1973, № 134.
36. *Зайберт В. Ф., Плешаков А. А.* Результаты исследования памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинке.— СА, 1978, № 1.
37. *Сальников К. В.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья.— КС ИА АН СССР, 1961, № 85.
38. *Ковалева В. Г., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
39. *Ковалева В. Г., Потемкина Т. М.* Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол.— КС ИА АН СССР, 1980, № 161.
40. *Потемкина Т. М.* Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол.— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969, вып. IV.
41. *Потемкина Т. М.* О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье (по материалам поселения и могильника Камышное I).— КС ИА АН СССР, 1982, № 169.
42. *Потемкина Т. М.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол.— КС ИА АН СССР, 1976, № 147.
43. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.

Н. Л. Членова

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ АНДРОНОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ФЕДОРОВСКОГО ТИПА

Работами Э. А. Федоровой-Давыдовой, С. В. Зотовой, В. С. Стоколоса, Г. Б. Здановича, Т. М. Потемкиной [1; 2; 3; 4; 5, с. 20—21, 23—24; 6; 7, с. 13, 17] и других археологов доказана несостоятельность схемы К. В. Сальникова, подразделявшего андроновскую культуру на три последовательных стадии: федоровскую (XVIII—XVI вв. до н. э.), алакульскую (XV—XII вв. до н. э.) и замараевскую (XII — начало VIII в. до н. э.) [8, 9, 10]. Перечисленные археологи доказали, что федоровские и алакульские памятники представляют собой не последовательные этапы, а различные типы андроновской культуры (или культурно-исторической общности), распространенные в основном на разных территориях. Лишь в Южном Зауралье, Центральном Казахстане и некоторых других районах распространены как федоровские, так и алакульские памятники и хронологические их отношения могут быть различны: либо они синхронны, либо федоровская керамика перекрывает алакульскую, либо, наконец, алакульская керамика перекрывает федоровскую.

Этими работами по относительной хронологии андроновских памятников подготовлена почва для создания абсолютной их хронологии. Если федоровские и алакульские памятники представляют собой не этапы, а самостоятельные типы памятников, то каждый из этих типов должен датироваться независимо от другого.

Поскольку радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА для федоровских памятников Минусинской котловины дают колоссальный разброс — от III тыс. до н. э. до V в. до н. э * — и резко

* Ужур, Курган 14, могила 2 — 4600±250; Пристань I, ограда 6, могила 2 — 3750±60; Ланин лог, курган 2, могила 1 — 3970±70; Ланин лог, курган 1 — могила 3 — 3660±65; Каменка II, ограда 24, могила 1 — 3910±75; Каменка II ограда 24, могила 2 — 2540±65; Ярки II, могила 2 — 2970±70; Ярки II, могила 1 — 2370±95. Даты двух соседних могил в одной ограде или кургане отличаются друг от друга на 320 лет (Ланин лог), 800 лет (Ярки) или 1370 лет (Каменка II).

противоречат археологическим датам, желательно ими не пользоваться вообще. Известны, кроме того, еще три даты — две для могильника Туктубаево в Южном Зауралье (1230±70 и 1070±±60) [11, с. 163] и одна — для могильника Предгорное в Восточном Казахстане (810 г. до н. э.) [12, с. 19; 13; с. 258]. Поэтому датировать памятники федоровского типа следует с помощью стратиграфии, планиграфии и цепочки датированных аналогий, последнее звено которых связывает их с письменными источниками. Так как андроновская культура — бесписьменная, то особое значение для датировки имеют отношения между федоровскими и тагарскими памятниками (тагарские находки имеют точнейшие аналогии в скифских категориях вещей, скифские же памятники датируются посредством ассирийских, урартских и греческих импортных вещей), а также между федоровскими, карасукскими и ирменскими (датированными посредством китайских, предскифских и западноевропейских вещей).

1. Стратиграфия и планиграфия

Известно 10 случаев тесной связи андроновско-федоровских памятников с памятниками более поздних эпох.

1. Поселение Объюл на р. Объюл в системе Чулыма, граница Красноярского края и Кемеровской обл., где андроновский слой перекрыт тагарским VI—V вв. до н. э. [14, с. 15—16].

2. Поселение Клепиково на р. Курья, притоке Оби, Усть-Пристанский р-н Алтайского края (рис. 1), где андроновский слой перекрыт стериальной прослойкой намытого песка мощностью от 50 до 180 см, а выше идет бийский слой V—III вв. до н. э. [15, с. 16—17].

3. В одном случае андроновский памятник, видимо, перекрыт тагарским памятником VII или VII—VI вв. до н. э. Курганный могильник Пичугино на р. Урюпе, притоке Чулыма, раскопки А. И. Мартынова 1957 г.: из одних и тех же курганов происходят как андроновская керамика, так и тагарская VII—VI вв. до н. э. и тагарские вещи [16, с. 236, 237]. Качество раскопок было низким, и факт перекрывания андроновских могил тагарскими не зафиксирован автором раскопок. А. И. Мартыновым [17, с. 277—278].

4. В одном случае федоровские могилы окружены тагарскими VII в. до н. э. Улус Орак-Красная гора, раскопки Г. П. Сосновского. На плане этого могильника, опубликованном М. Н. Комаровой, видно, что андроновские и карасукские курганы окружены тагарскими [18, с. 59]. Дата тагарских курганов определяется материалом кургана «Л» в этом могильнике, содержавшем архаический тагарский нож с валиком VII в. до н. э. [19, с. 174, табл. 37, 8].

5. В одном случае федоровское погребение синхронно карасукским VIII—VII вв. до н. э. Улус Орак, Красная гора. Три карасукские детские оградки (№№ 41—43) пристроены к андро-

новской ограде «А». В ограде 43 карасукский ящик перестроен из андроновской цисты [18, с. 46—54].

Карасукские детские оградки датируются позже основной андроновской, но не намного: пристройка дополнительных оград к основной возможна лишь тогда, когда эта основная ограда еще не задернована и видна на поверхности [20, с. 35].

6. Улус Орак — Красная гора. Карасукские оградки №№ 41—43 и оградка «Е» находятся в центре могильника и

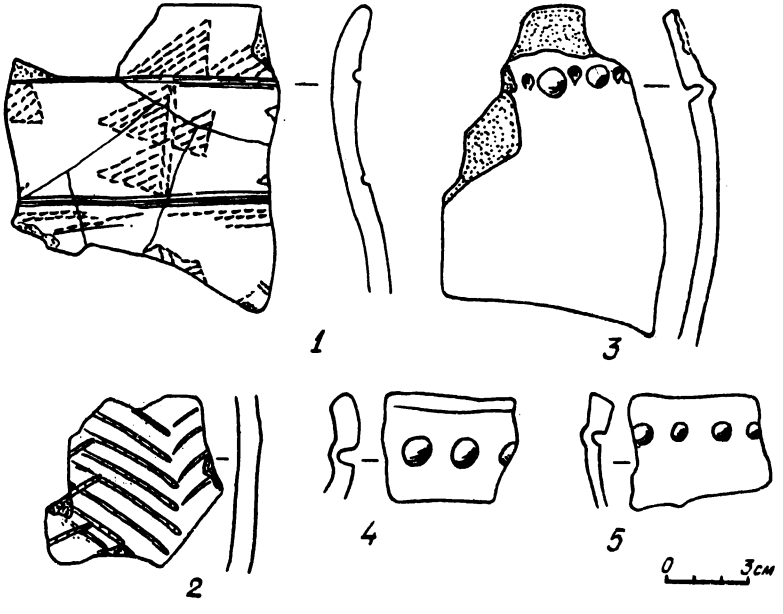

Рис. 1. Поселение Клепиково. Керамика:
1—2 — андроновская керамика; 3—5 — бийская керамика

окружены андроновскими оградками №№ 14, 20, 24, 25, 26, 27, 28 и «В», построенными явно позже карасукских [18, с. 59].

Дата карасукского могильника у Красной горы — VIII—VII вв. до н. э.— определяется ирменскими чертами в орнаментации керамики [20, с. 56, 63] и подтверждается планиграфией могильника (он окружен тагарскими курганами VII в. до н. э.).

В трех случаях федоровские памятники перекрыты ирменскими VIII—VII вв. до н. э.

7. Ирмень I. Нижний, андроновско-федоровский слой поселения перекрыт ирменским [21, с. 32—34, рис. 9].

8. Корчажка V, поселение на оз. Иткуль, Красноярский край, правый берег Оби, раскопки Б. Х. Кадикова. Слой с андроновской керамикой перекрыт слоем с керамикой типа еловской и ирменской (по данным Б. Х. Кадикова).

9. Могильник Змеевка, Алтайский край, речка Каменка, левый приток Катуни, раскопки С. М. Сергеева. В курганах 1, 2 и 3 были детские андроновские погребения, причем в кургане 1 — только детские андроновские, а в кургане 3, кроме того, впускные сросткинские. В кургане 2 наряду с детскими андроновскими погребениями III и IV обнаружено погребение молодой женщины с сосудами и вещами ирменской культуры. Судя по этим данным, памятник был первоначально детским андроновским кладбищем, ирменское погребение сооружено либо синхронно, либо позже [22, с. 76—78, рис. 2, 3].

10. Могильник Кытманово, Алтайский край, р. Чарыш, раскопки А. П. Уманского. Единственная ирменская могила 17 окружена андроновскими [23, рис. 5^6, с, 38].

Судя по тому, что ирменские памятники в трех случаях датируются более ранним временем, чем федоровские, а в одном случае более поздним, ирменские и андроновские памятники в Западной Сибири (Барабинская степь, Северный Алтай) близки по времени или синхронны (о чем свидетельствует и погребение 2 в кургане 21 могильника Преображенка-3, см. ниже).

II. Сходство андроновских и тагарских погребальных сооружений

Известно 2 случая, когда андроновское сооружение — ящик-циста — было воспроизведено в тагарских курганах: курганы 5 и 6 в могильнике Ужур (Красноярский край). У цисты в кургане 5 боковые стенки были сложены из плит, положенных плашмя друг на друга (как обычно в андроновских могилах), а стенки могилы в головах и ногах были из плит, врытых на ребро. У цисты в кургане 6 все стенки были из плит, положенных плашмя, но в отличие от андроновских, циста была сложена довольно небрежно. Цисты в курганах 5 и 6 содержали обычную тагарскую керамику, а циста кургана 6 — еще и тагарский кинжал VII в. до н. э. [24, л. 21—23, 28, 30—32; 25, с. 226, рис. 8]. В том же Ужурском могильнике имеется и целая группа андроновских курганов, содержащих цисты и андроновскую керамику. В кургане 40 Ужурского могильника в цисте найден фрагмент карасукского сосуда. Существование в Ужурском могильнике андроновских, карасукских и тагарских цист свидетельствует о небольшой хронологической разнице между ними: карасукское и тагарское население не могло бы воспроизвести это сложное сооружение, чуждое карасукской и тагарской культурам, если бы не было с ним знакомо по андроновским могилам.

III. Сходство андроновской и тагарской керамики

Мне приходилось неоднократно писать об этом сходстве в связи с вопросом о происхождении тагарской культуры, которое позволяет судить и об относительной дате андроновской культуры. Среди андроновских, федоровских, сосудов очень много та-

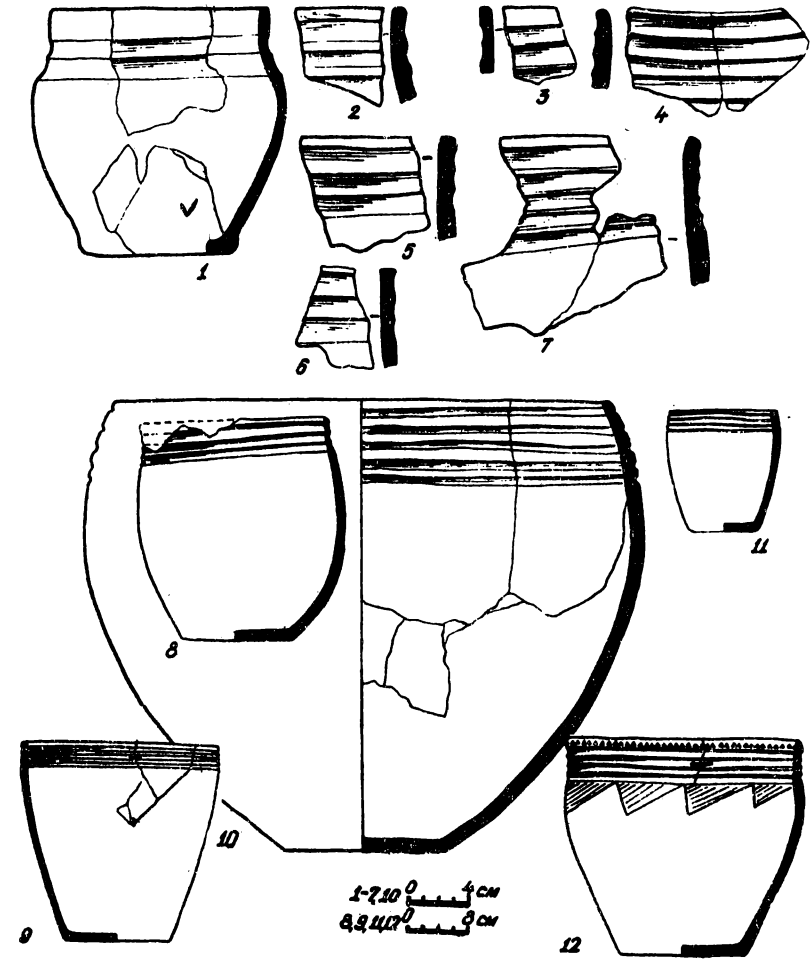

Рис. 2. Андроновская керамика:
1 — Актюбинская область; *2* — Алексеевское поселение; *5* — поселение Явленка; *6—10, 12* — могильник Былкылдак I; *11* — могильник Алеп-аул

ких, которые опоясаны несколькими широкими желобками по шейке и тулову и, кроме того, еще украшены гребенчатым орнаментом, образующим елочку, треугольники, меандровые фигуры. Наряду с сосудами с такой богатой орнаментацией есть и андроновские сосуды, орнаментированные более бедно, только одними желобками. Последние известны на всей территории распространения андроновской культуры [26, с. 161, рис. 1,2; 27; табл. XLVII, 11]. Сосуды эти бывают разного цвета — и светлые, и черные, часто лощеные. Форма их также различна, но чаще всего это банки (рис. 2,2—11). Такие андроновские банки, черного

цвета, лощеные, с орнаментом из нескольких широких желобков по верхней части сосуда, почти неотличимы от самых типичных тагарских сосудов VII—VI вв. до н. э. Отличаются они лишь по венчику: у тагарских сосудов край венчика обычно скошен наружу и скруглен. Обеднение орнаментации керамики при переходе от бронзового к железному веку — общее явление, свойственное многим культурам на самых разных территориях. Развитие андроновской, федоровской, орнаментации вело к тому, что пышные гребенчатые орнаменты исчезали и сохранялась одна желобчатая орнаментация. В таком виде андроновская орнаментация (вместе с формой) непосредственно наследуется тагарской культурой. Естественнее всего предположить, что они непосредственно смыкались и во времени.

IV. Сходство андроновских и тагарских украшений

Андроновские бронзовые круглые бляшки из листа, иногда с точками по краю известны как в Казахстане, например, могильник Боровое, так и в Минусинской котловине — улус Орак, раскопки Г. П. Сосновского, Сухое озеро I А [27, табл. LII—10], Каменка II [27, табл. LIV, 9]. Они различаются расположением отверстия для нашивания: у тагарских одно в центре, у андроновских — два по краям.

Почти идентичность андроновских и тагарских цист, названных форм и орнаментов керамики и бляшек показывает генетическую преемственность между ними и непосредственную связь во времени. Такая связь тем более вероятна, что, по данным антропологов (Г. Ф. Дебец, В. П. Алексеев, А. Г. Козинцев), андроновцы — одни из прямых предков тагарцев наряду с афанасьевцами и лугавцами [28; 29, с. 384; 30; 31].

V. Сходство андроновско-федоровской и черкаскульской керамики

Андроновская культура оказала большое влияние на культуру черкаскульскую. Керамика черкаскульской культуры заимствовала от андроновско-федоровской многие элементы орнамента, в том числе меандроидные фигуры, косоугольные треугольники и прочие элементы в сильно искаженном виде (рис. 3). Существует даже мнение, что черкаскульская культура — вариант андроновской [32, с. 77]. В целом черкаскульская культура должна датироваться по андроновской, но в некоторых случаях в черкаскульских памятниках находят хорошо датированные вещи, которые могут иметь значение и для датировки андроновско-федоровской культуры. К наиболее поздним черкаскульским памятникам относится поселение Юкаликуль в Башкирии, где найдены трехгранный бронзовый наконечник стрелы скифского типа VI—V в. до н. э., железные нож, мотыга, орудие наподобие косаря [33, рис. 147; 34, с. 164—165). Эти вещи найдены с керамикой межовского типа (рис. 4, 6—9). По данным В. С. Стоколоса,

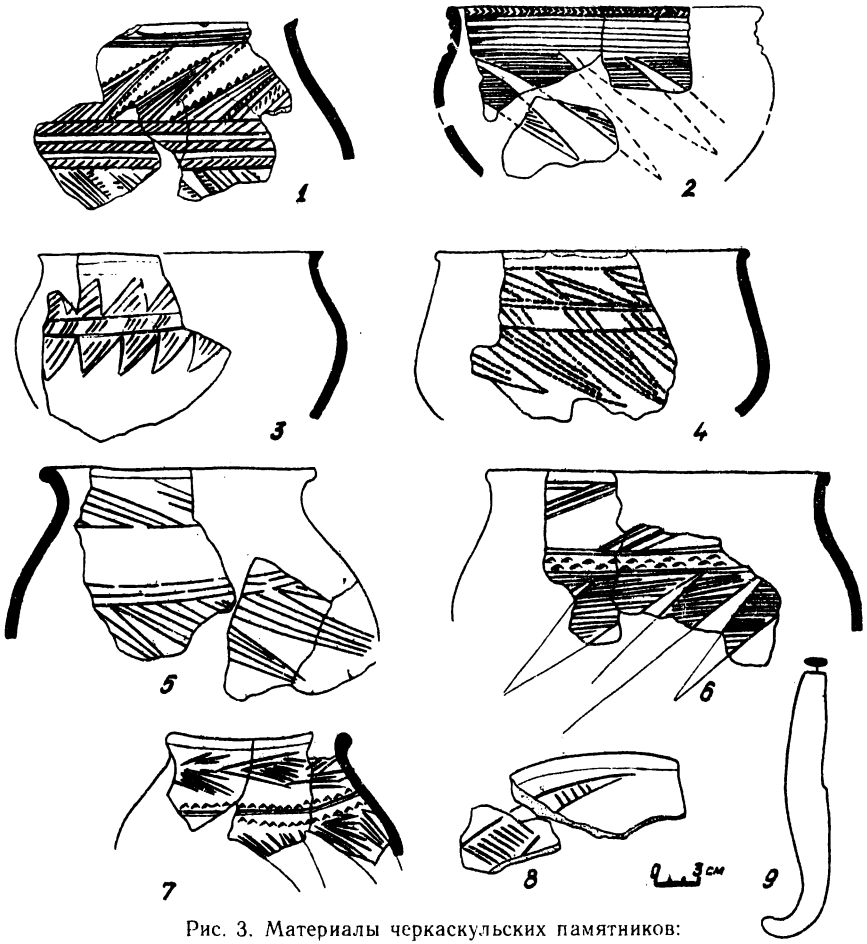

Рис. 3. Материалы черкаскульских памятников:
1 — поселение Старо-Кабаново; *2* — поселение Симониха; *3—5* — поселение Кокча 15; *6—7* — Вахшская стоянка; *8—9* — поселение Кан-гурт-тут. *1—8* — керамика, *9* — бронза

эти два типа керамики стратиграфически не разделяются, по данным В. С. Горбунова и М. Ф. Обыденнова, черкаскульская керамика залегает ниже межовской. VI—V вв. до н. э.— это, видимо, поздний предел бытования черкаскульской керамики. Ряд других черкаскульских памятников содержит другие датированные вещи, из которых назовем копье с прорезями из Красногорских курганов в Башкирии (рис. 4, 10), подобное копьям с ирменского поселения Черноозерье VIII севернее Омска (рис. 4, 11) и копью и матрице литейной формы с ирменского поселения Еловка в Томской области, которые сопровождались стрелами и роговыми псалиями предскифского или раннескифского типа (рис. 4,12—19). Дата ирменской культуры западносибирской лесостепи — VIII—VII вв. до н. э.

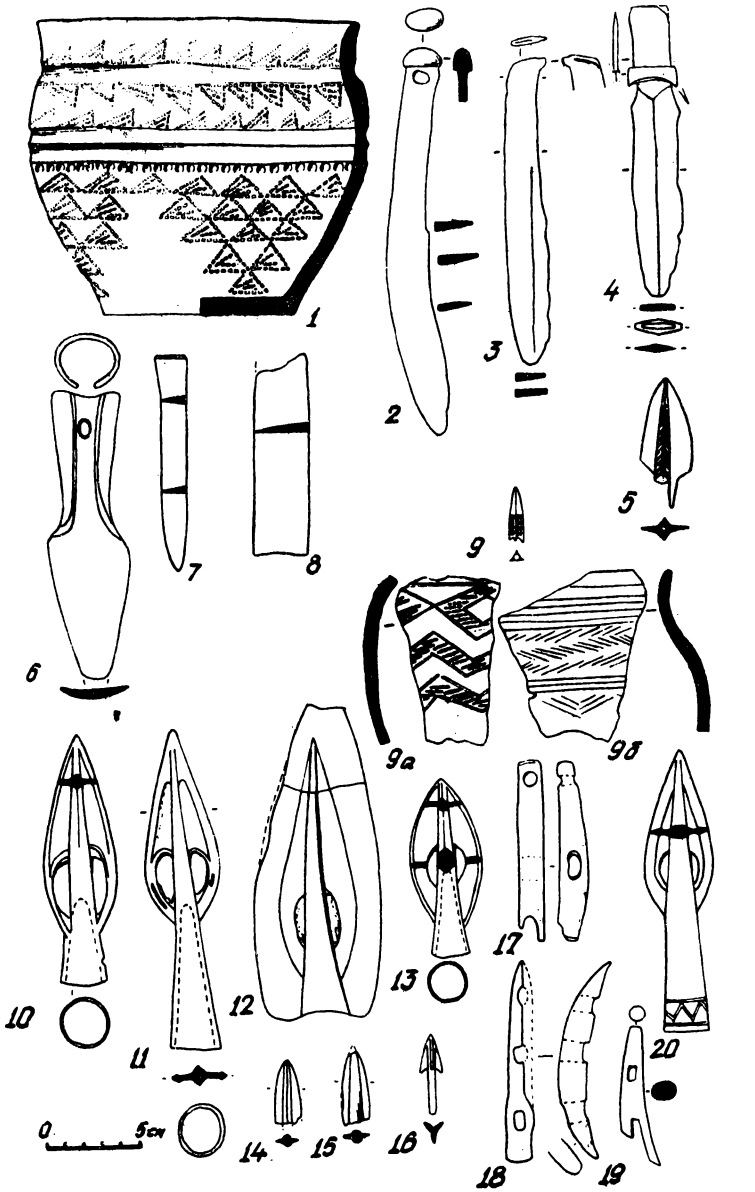

Рис. 4. Датирующие материалы из могильника Зевакино (1—5), черкаскульских памятников Башкирии (6—10) и их аналогии:

1—3 — могильник Зевакино, ограда 160; *4* — могильник Зевакино, могила 87; *5* — могильник Зевакино, ограда 4; *6—9* — поселение Юкаликуль; *10* — Красногорские курганы, курган 4; *11* — поселение Черноозерье VIII; *12—19* — поселение Еловка; *20* — Акозинский могильник

Наиболее раннюю дату черкаскульской культуры, обоснованную вещами и стратиграфией, дает поселение Кангурт-тут в Южном Таджикистане (Дангаринский р-н), раскопки Н. М. Виноградовой, 1978. Основную массу керамики этого поселения составляет керамика типа Намазга VI, но в том же слое, равномерно во всех штыках, найдены небольшое количество черкаскульской керамики и бронзовый нож раннего карасукского типа*, XIII—XII вв. до н. э. Таким образом, на основании даты керамики Намазга VI (по радиоуглеродным датам 1330±95 для Улуг-депе и 1030±60 для «Вышки Намазга-депе») [35, с. 59—60) и даты раннекарасукского ножа [20, табл. 30, 22, с. 40, 41) черкаскульская керамика поселения Кангурт-тут датируется, вероятно, временем не позже XII в. до н. э. Керамика типа конца Намазга V и Намазга VI встречена и в доме 2 на поселении Кокча 15 в низовьях Аму-Дарьи [36, с 145], где найдено, кроме тазабагъябских, несколько черкаскульских сосудов (рис. 5,3—5). Поскольку на черкаскульской керамике весьма заметно влияние керамики федоровской, то эта дата косвенно свидетельствует и о существовании федоровской керамики в эпоху Намазга VI.

VII. Датированные вещи в андроновско-федоровских памятниках

Этих вещей немного. Наиболее выразительные из них найдены в следующих памятниках:

1. Могильник Зевакино на р. Иртыш, Восточный Казахстан [37]. В ограде 160 найден андроновский сосуд (рис. 4,1), а в двух оградках-пристройках к ней — 2 ножа: с глаголевидным навершьем и со шляпкой, оба карасук-тагарского времени, VIII—VII вв. до н. э. (рис. 4,2,3). Поскольку ножи эти найдены в пристройках к основной ограде 160, они датируются более поздним временем. Археологически основная ограда и пристройка одновременны.

2. Могильник Зевакино, андроновская ограда 4; в ней найден крупный бронзовый двулопастной втульчатый наконечник стрелы с шипом и выпуклым орнаментом на втулке (рис. 4, 5). Длина наконечника — около 5 см — соответствует длине шипастого наконечника из могильника Бегазы в Центральном Казахстане, дата которого VIII—VII вв. до н. э. По форме и наличию шипа этот наконечник очень близок к архаическим скифским стрелам, но его крупные размеры заставляют считать его предскифским Издавшая этот наконечник Н. А. Аванесова отнесла его к XIV—XII вв. до н. э. «по федоровской керамике, литым серьгам с раструбом и кинжалом с двойным перехватом и киммерийского типа» [38, с. 44, табл. 2, XV, с. 35—36], хотя совершенно ясно, что не стрелы должны датироваться по керамике и серьгам, а на-

* Благодарю Н. М. Виноградову, показавшую мне материал поселения Кангурт-тут и сообщившую о стратиграфии этого поселения.

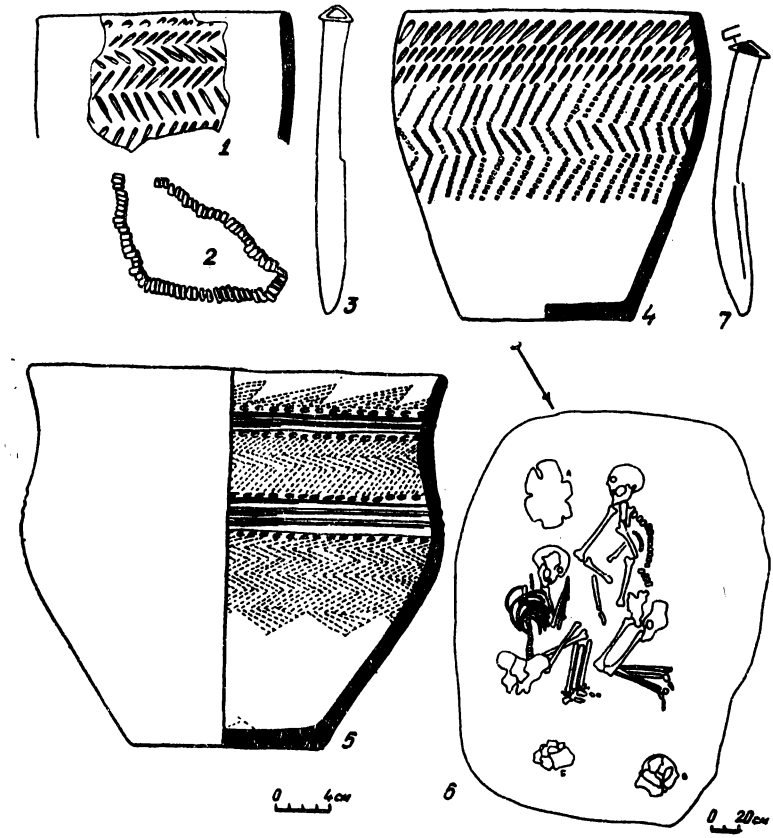

Рис. 5. Комплекс могилы 2 кургана 21 могильника Преображенка 3 (1—6) и нож с Андреевского озера (7):
1, 4, 5 — керамика; *2, 3, 7* — бронза

оборот, керамика и серьги — по стрелам. В составленной Н. А. Аванесовой таблице стрелы типичных скифских форм, в том числе и шипастая стрела из Бегазы, отнесены к XII—XI вв. до н. э., с чем согласиться, конечно, невозможно.

3. В ограде 87-а того же могильника найден бронзовый кинжал [26, с. 167], размеры и форма которого — андроновского типа (рис. 4,4), но кинжал этот имеет перекрестье с лопастями, что абсолютно нехарактерно для кинжалов срубных и андроновских, но является типичной чертой кинжалов карасукского типа в Азиатской части СССР и кабардино-пятигорского, или киммерийского,— в Европейской части СССР, датируемых VIII—VII вв. до н. э. (это видно по сводке карасукских кинжалов на всей территории их распространения [39] и по многочисленным публикациям кинжалов киммерийского типа).

Совокупность этих датированных вещей — ножей предтагарского времени, предскифского наконечника стрелы и андроновского кинжала с перекрестьем киммерийского типа — позволяет отнести могильник Зевакино к VIII—VII вв. до н. э.

4. Комплекс могилы 2 кургана 21 могильника Преображенка-3 в Барабинской степи, раскопки В. И. Молодина, где в парном погребении при женском скелете найдены три федоровских сосуда и бронзовые бусы, а при мужском — нож с аркой на кронштейне VIII—VII или VII вв. до н. э. (рис. 5, 1—6) [40, рис. 34, 37]. Мужской скелет лежит несколько ниже женского, и нож лежит поверх костей рук женщины, т. е. мужчина похоронен в могилу женщины, при этом костяк женщины не потревожен, т. е. оба погребения археологически одновременны.

Ножи «с аркой на кронштейне» широко распространены в Сибири и Монголии, дата их довольно узкая — VIII—VII вв. до н. э., в Минусинской котловине они характерны исключительно для памятников карасук-тагарских [20]. Как сообщил мне В. И. Молодин, такой же нож найден им на поселении Чича в Барабинской степи с позднеирменской керамикой. «Арки» таких ножей обычно полукруглые; «подтреугольные» встречаются редко: они известны на ножах из Преображенки, Чичи и на ноже с Андреевского озера, раскопки С. В. Зотовой (рис. 5, 7).

Поскольку в могильнике Преображенка-3 наряду с андроновскими курганами есть ирменские и андроновско-ирменские, то весьма возможно, что мужчина в парном погребении могилы 2 кургана 21 — один из представителей ирменской культуры; на это указывает его положение на правом боку и слабая скорченность, что характерно для ирменских погребений, а также то, что в погребении нет ирменской керамики: в парных ирменских погребениях сосуды находились при женщине, а в данном случае женщина была представительницей андроновской культуры. На основании ножа с аркой могильник Преображенка-3 можно отнести к VIII—VII до н. э.

Все приведенные данные говорят о дате андроновских памятников федоровского типа, по крайней мере в Восточном Казахстане и Сибири, около VIII—VII вв. до н. э. Как уже говорилось, о том, что памятники федоровского типа существовали и раньше, есть два косвенных свидетельства:

1. Находки черкаскульской керамики со следами влияния Федоровской на стоянке Кангурт-тут в Южном Таджикистане в слое с керамикой типа Намазга VI и с «хвостатым» карасукским ножом XIII—XII вв. до н. э.;

2. Находки черкаскульской керамики вместе с керамикой типа конца Намазга V и Намазга VI в доме 2 на поселении Кокча 15 в низовьях Аму-Дарьи. Это позволяет думать, что федоровские памятники, повлиявшие на черкаскульскую керамику этих

поселений, существовали где-то в западной части федоровского ареала, может быть, на Южном Урале и что там можно ожидать открытия раннефедоровских памятников.

1. *Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры).— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
2. *Зотова С. В.* Ковровые орнаменты андроновской керамики.— МИА, 1965, № 130.
3. *Стоколос В. С.* О стратиграфии поселение Кипель.— СА, 1970, № 3.
4. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья.— М.: Наука, 1972.
5. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
6. *Потемкина Т. М.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1973, вып. 7.
7. *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего притоболья в эпоху бронзы.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
8. *Сальников К. В.* К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья.— В кн.: Первое Уральское археологическое совещание, Молотов, 1948.
9. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21.
10. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.
11. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
12. *Бутано С. В.* Ароматические углеводороды в радиоуглеродном датировании.— Автореф. канд. дис. Л.: ЛО ИА АН СССР, 1966.
13. *Семенцов А. А., Романова Е. Н., Долуханов П. М.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛО ИА.— СА, 1969, № 1.
14. *Членова Н. Л.* Отчет за 1957 год. Архив ИА АН СССР, р.-1, № 2197.
15. *Членова Н. Л.* Отчет за 1979 год. Архив ИА АН СССР, р.-1, № 6051-а.
16. *Мартынов А. И.* Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье.— В кн.: Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964.
17. *Косарев М. Ф., Членова Н. Л.*— СА, 1970, № 2.— Рец. на сб.: Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Кемерово, 1967, вып. 1.
18. *Комарова М. Н.* Памятники андроновской культуры близ улуса Орак.— АС ГЭ, 1961, вып. 3.
19. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М.: Наука, 1967.
20. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи.— МИА, 1972, № 182.
21. *Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КС ИА АН СССР, 1956, № 64.
22. *Членова Н. Л.* Андроновские и ирменское погребения могильника Змеевка (Северный Алтай).— КС ИА АН СССР, 1976, № 147.
23. *Уманский А. П.* Отчет за 1964 год. Архив ИА АН СССР, р.-1, № 2777.
24. *Членова Н. Л.* Отчет за 1955 год. Архив ИА АН СССР, р.-1, № 1169.
25. *Членова Н. Л.* Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины.— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966, вып. 2.
26. *Арсланова Ф. Х.* Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области.— СА, 1973, № 4.
27. *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее.— Л.: Наука, 1978.
28. *Дебец Г. Ф.* Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя.— АЖ, 1932, № 2.

29. *Алексеев В. П.* Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961.
30. *Алексеев В. П.* Палеоантропология Хакасии эпохи железа.— Сб. МАЭ, М.—Л., 1961, т. 20.
31. *Козинцев А. Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры.— Л.: Наука, 1977.
32. *Сальников К. В.* Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии.— АЭБ, 1964, т. 2.
33. *Стоколос В. С.* Отчет за 1970 г. Архив ИА АН СССР, р.-1, д. 4358-а.
34. *Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф., Юсупова Г. Т.* Исследования у д. Юкаликулево в северо-восточной Башкирии.— АО—1978. М., 1979.
35. *Романова Е. Н., Семенцов А. А., Тимофеев В. И.* Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛО ИА АН СССР.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1972, вып. 2.
36. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.).— М., Наука, 1977.
37. *Арсланова Ф. Х.* Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 1.
38. *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.— В кн.: Материалы по археологии Узбекистана. Тр. Самаркандского университета, нов. сер., Самарканд, 1975, вып. 270.
39. *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы.— М.: Наука, 1976.
40. *Молодин В. И.* Отчет за 1975 год. Архив ИА АН СССР, р.-1, № 5754.

В. В. Евдокимов

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ КУСТАНАЙСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

В Кустанайском Притоболье до семидесятых годов были исследованы лишь Алексеевский культурный комплекс и Садчиковское поселение [1, с. 59—172; 2, с. 152—182]. В семидесятые годы экспедициями Кустанайского пединститута и Карагандинского университета под руководством автора было стационарно исследовано 10 поселений и 4 могильника (рис. 1), что позволяет наметить периодизацию и хронологию памятников развитой и поздней бронзы этого района.

Памятники петровского этапа (по Г. Б. Здановичу) [3] представлены поселением Семиозерное II [4, с. 289; 5, с. 484—485], нижним слоем поселения Конезавод III [6, с. 229—230; 7, с. 86] и разрушенным могильником (?) Конезавод I. Остатки пяти жилых сооружений зафиксированы на поселении Семиозерное II и двух жилищ на поселении Конезавод III. Они представляют собой полуземлянки площадью 95—114 кв. м прямоугольной формы, углубленные на 0,5—1 м. Жилища 1—4 поселения Семиозерное II двухкамерные. Большая по размеру камера, судя по остаткам печей, очагов, хозяйственных ям, была производственной бронзолитейной мастерской; меньшая — жилой или подсобным помещением. Пятое, однокамерное сооружение, где зафиксированы трехсекционная печь и ямы производственного назначения, было мастерской. Два жилища поселения Конезавод III — однокамерные. Одно, частично разрушенное котлованом жилища поздней бронзы, содержало кострища и хозяйственные ямы. Другое, неразрушенное жилище, имело двухслойную глиняную обмазку пола. В коллекциях поселений выделено 4 разновидности керамики: горшковидные сосуды с плавной линией профилировки (рис. 2,10), горшковидные с ребром (рис. 2, 1,2,8), горшечно-баночные (рис. 2, 4, 5) и банковидные (рис. 2,3,6,7). В тесте примесь песка, шамота, раковины, талька, слюды. Многие сосуды орнаментированы по всей поверхности. Узоры представлены горизонтальным зигзагом, заштрихованными треугольниками, желобками, наклонными и вертикальными отрезками. Характерны-

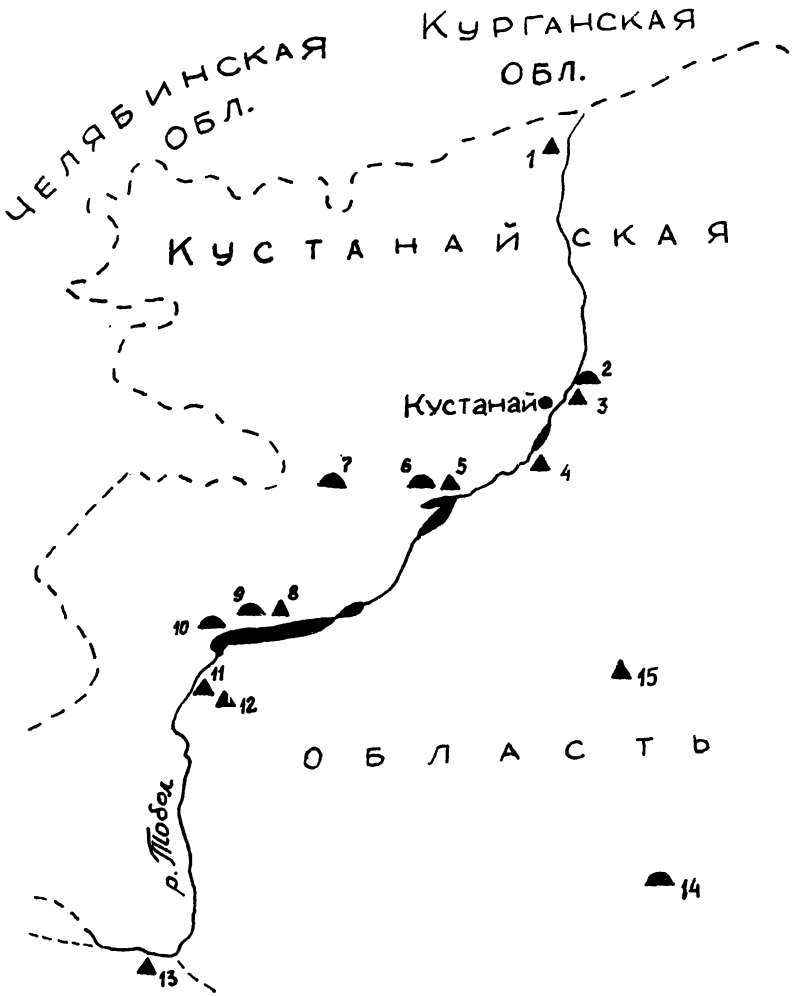

Рис. 1. Карта исследованных памятников Кустанайского Притоболья:

1 — поселение Загаринское; *2* — могильник Конезавод; *3* — поселение Конезавод III; *4* — поселен Садчиковское; *5* — поселение Алексеевское; *6* — могильник Алексеевский; *7* — могильник Евгень ский; *8* — поселение Перелески II; *9* — могильник Перелески; *10* — могильник Перелески II; *11* поселение Шукубай I; *12* — поселение Шукубай II; *13* — поселение Верхнетобольское; *14* — м гильник Наурзум; *15* — поселение Семиозерное II

ми элементами являются широкие желобки (до 3 см шири под венчиком) и широкий пальцевый зигзаг, покрывающий по все тулово сосуда. Несколько сосудов орнаментировано дву тремя валиками с треугольным сечением (рис. 2,7). Орнам наносился зубчатым штампом, гребенкой, резными линия каннелюрами, желобками, вдавлениями. Сочетание и процент соотношение техники выполнения орнамента на сосудах раз типов различное: тщательно выполненной гребенки нет на го

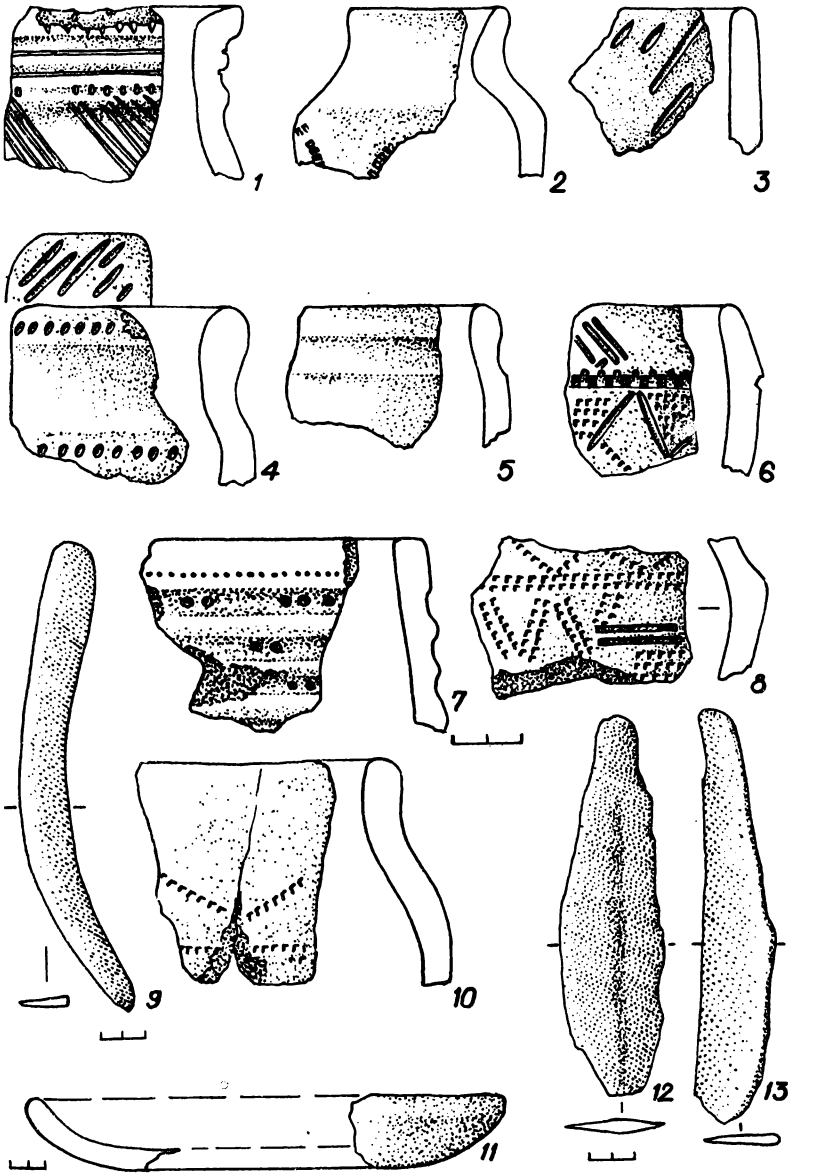

Рис. 2. Вещи и керамика памятников петровского типа:
1—8, 10—11 — поселение Семиозерное II; *9, 12, 13* — поселение Конезавод III; *9, 12, 13* — бронза, остальное глина

ках с ребром и горшечно-баночных сосудах, зубчатого штампа нет на горшечно-баночных сосудах и пр.

Керамика поселений Семиозерное II и Конезавод III находит аналогии в керамике памятников петровского типа Петропавловского Приишимья [8, с. 26, рис. 1,1—12], керамика могильника Раскатиха [9, с. 196, рис. 2], поселении Кипель [10, с. 196, рис. 2], Черноозерье [11, с. 197], могильника Новый Кумак [12, с. 34—39, рис. 9,1—8].

На поселении Семиозерное найдена литейная форма для отливки плоского тесла, долота и небольшое зубило (?); на поселении Конезавод III — два ножа, серп-струг и серп.

Нож с поселения Конезавод III длиною 8 см, шириной 1,8 *см* прокован из однолезвийного в двулезвийный с плоским черешком и округлым концом лезвия (рис. 2, 12). Второй нож длиною 18,5 см, шириною 2—2,7 см имеет вогнутое, треугольное в сечении лезвие, слегка зауженный черенок (рис. 2, 13). Аналогичные ножи известны в памятниках Средней Азии, где они, по мнению Е. Е. Кузьминой, появляются в третьей четверти II тыс. до н. э. и доживают до I тыс. до н. э. [13, табл. IX, 30, 35].

Серп-струг пластинчатый со слабым изгибом рабочей чести, закругленной черенковой частью и приостренным рабочим концом, находит аналогии в памятниках абашевской культуры [14, табл. 13]. Е. Е. Кузьмина, называя подобные орудия серповидными ножами, датирует их третьей четвертью II тыс. до н. э. [13, с. 46], К. В. Сальников относил их к третьей четверти II тыс. до н. э. [15, табл. 21], Е. Н. Черных датирует их XIV—XII в. до н. э. [16, рис. 55,1—7].

Судя по аналогиям керамических изделий, описанные поселения относятся к кругу памятников петровского типа (по Г. Б. Здановичу) или памятников ново-кумакского хронологического горизонта (по К. Ф. Смирнову и Е. Е. Кузьминой), а металлические изделия дают нам верхнюю границу их существования, т. е. XV в. до н. э. Поселения Конезавод III и Семиозерное могут быть датированы концом XVI—XV веков до н. э. Следует отметить сосуществование позднепетровских и ранних памятников алакульского этапа.

Памятники алакульского этапа представлены могильниками: Алексеевский [1, с. 62—71], Евгеньевский [17, с. 47], Перелески, Перелески I, Конезавод [4, с. 288—289; 18, с. 39; 6, с. 229—230; 17, с. 46—48], Наурзум и ранним слоем поселения Шукубай I.

Могильники, за исключением Перелескинского, расположены на песчаных кручах, надмогильных сооружений не сохранилось. На могильнике Перелески отмечены насыпи курганов диаметром 7—12 м, высотой 0,3—1,2 м. Под насыпями на уровне древней поверхности фиксируется кольцевая оградка из камней. В неразрушенных грунтовых ямах могильников погребенные лежат в скорченном положении на левом боку, а частично на правом

(Перелески, курганы 2, 3; Евгеньевский — ямы 3, 6; Наурзум — 3; Алексеевский — ямы 1, 4, 9...).

Керамика могильников и поселения Шукубай I (вскрыта придонная часть котлована, разрушенного поздним жилищем) имеет характерные признаки алакульской посуды, выделенные К. В. Сальниковым: трехзональное расположение узоров, наличие неорнаментированной полосы в нижней части шейки, преобладание резного орнамента, наличие уступчика при переходе от шейки к тулову [19, с. 137; 20, с. 284]. Орнамент представлен заштрихованными треугольниками, меандрами, зигзаговыми полосами, горизонтальными линиями (рис. 3, 1,13,14).

В материалах памятников алакульского этапа обнаружено несколько бронзовых датирующих вещей. Пластинчатый нож из могильника Наурзум имеет листовидное лезвие с округлым концом, с коротким и плавным переходом от лезвия к короткому черешку (рис. 3,11). Е. Е. Кузьмина считает центром распространения этого типа ножей Южную Туркмению и прикаспийские части Северо-Восточного Ирана [13, с. 171, табл. 1]. подобные типы ножей из Восточного Казахстана С. С. Черников датировал первой половиной II тыс. до н. э. [21, с. 95—97]. Б. Г. Тихонов относит аналогичные ножи к концу III — первой половине II тыс. до н. э. [14, с. 71—73, табл. XXIII, 48]. Нож из Евгеньевского могильника (рис. 3, 10) имеет ромбическое в сечении лезвие, переходящее через плечики в черешок с расширяющейся пяткой. Такие ножи известны в памятниках срубной [16, с. 66, рис. 57], приказанской культур [22, с. 95—97], в Приуралье [16, с. 66, рис. 57,7]. Ю. С. Гришин считает, что аналогичные изделия бытуют со второй половины II тыс. до н. э. [23, с. 10].

Нож с намечающимся перекрестием, нервюрами по клинку и плоским массивным черенком из могильника Конезавод находит многочисленные аналогии. С. С. Черников датировал ножи с намечающимся перекрестием XVI—XII вв. до н. э. [21, с. 98]. Е. Е. Кузьмина определяет время их существования серединой и третьей четвертью II тыс. до н. э. [13, табл. VII]. А. А. Иессен подобные ножи из памятников Северного Кавказа датировал второй половиной II тыс. до н. э. [24, с. 172, табл. 4,4]. Е. Н Черных определяет хронологию данного типа ножей в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. [16, с. 52, рис. 57, 31—35]. Плоский, почти пластинчатый в сечении нож, с валиками вдоль клинка, с перехватом, с округлой пяткой черешка из могильника Перелески аналогичен ножам «срубного» типа, которые известны в памятниках срубной [16, с. 66, рис. 57], приказанской [22, рис. 11,56], баланбашской [25], абашевской [26, рис. 28,17—19] культур и датируются исследователями XV—XIII вв. до н. э.

Вислообушный топор из Евгеньевского могильника (рис. 3,15) аналогичен топорам из памятников Приуралья, Зауралья и Западной Сибири. В. Г. Тихонов датирует подобные топоры серединой и второй половиной II тыс. до н. э. [14, табл. III, 6,7],

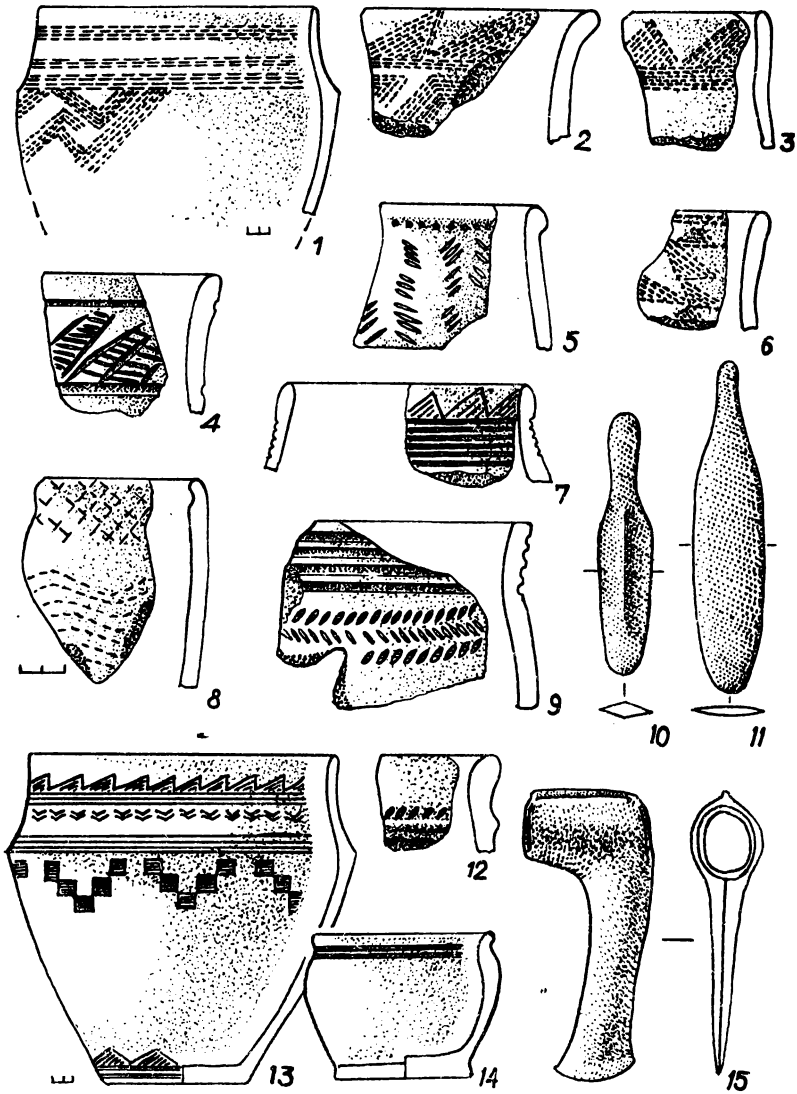

Рис. 3. Вещи и керамика памятников алакульского (1,11,13,14), федоровского (2—6,8) и черкаскульского (7,9,12) типов:

1, 13 — могильник Конезавод; *2—6,8* — поселение Загаринское; *7, 9, 12* — поселение Шукубай II; *10, 14, 15* — могильник Евгеньевский; *11* — могильник Наурзум: *10, 11, 15* — бронза, остальное глина

Е. Н. Черных — третьей четвертью II тыс. до н. э. [16, с. 56, рис. 50,19,20], Н. А. Аванесова — XVI—XIV вв. до н. э. [27, с. 24—25, табл. 1, рис. 1—5].

На основании этих датировок памятники алакульского этапа мы относим к третьей четверти II тыс. до н. э.

Алексеевский этап представлен материалами поселений Алексеевское [1, с. 59—172; 28, с. 65—67; 29, с. 163—172], Перелески II [4, с. 287—288; 30, с. 109—114], Упайс, поздним слоем поселения Конезавод III [31, с. 467; 6, с. 229—230]. Жилища — типа полуземлянок, площадью 180 и более кв. метров. [30, с. 103, 111, 112]. В жилищах отмечены кострища, очаги, выложенные из камней, хозяйственные ямы. Керамика представлена горшковидными сосудами (рис. 4,4—5). Шейка сосудов прямая, с плавным переходом к раздутому, иногда бомбовидному тулову. В тесте примесь песка, раковины, шамота, дресвы. Венчик сосудов округлый, реже уплощенный, появляется заостренный. Орнаментировались шейки, плечики и единично венчики. Орнамент по шейке иногда располагался тремя поясами: в верхней трети, посредине и в нижней трети. Орнаментировалось, как правило, два пояса, исключая сочетание среднего и верхнего поясов. Наряду с традиционными элементами узора в виде горизонтальных линий, заштрихованных треугольников, горизонтального зигзага наносились: «елочка», сетка, ромб, вертикальный зигзаг, пересекающиеся отрезки, «жемчужины». Преобладающей техникой нанесения узоров является резная, затем идут вдавления различных форм, зубчатый штамп, иногда выдавливание («жемчужины»). Керамика алексеевского типа (по Т. М. Потемкиной) имеет широкий ареал распространения [32, с. 28—29], охватывающий в том числе и Центральный Казахстан [33, с. 532].

Датировка памятников алексеевского типа остается дискуссионной. Бронзовый инвентарь памятников варьируется в широком хронологическом диапазоне. Долото, найденное на полу жилища I поселения Перелески II, цельнолитое, втульчатое, с желобчатым рабочим краем и валиком у края втулки (рис. 4,10). Близкие по форме долота встречаются на Северном Кавказе [34, рис. 54; 35, рис. 7,32], где они датируются второй половиной II тыс. до н. э., в памятниках срубной культуры [36, рис. 13, 6]. С. С. Черников считал такие долота общеандроновскими и датировал их XV—IX вв. до н. э. [21, с. 80, 104], а подобное долото из Восточного Казахстана датировал XIII—IX вв. до н. э. [21, табл. XXVII]. Б. Г. Тихонов долота с сомкнутой втулкой относит к XI—VIII до н. э. [14, с. 79]. Е. Н. Черных данный тип долот включил в группу «стамески криволезвийные желобчатые», которые синхронизируются со временем «позднего предананьинского хронологического горизонта», т. е. XII/XI—VIII/VII вв. до н. э. [16, с. 103]. Сибирские долота данного типа бытуют в карасукскую эпоху [23, с. 22, 27; 37, с. 41, табл. 17, 60]. А. П. Смирнов аналогичные предметы на территории Башки-

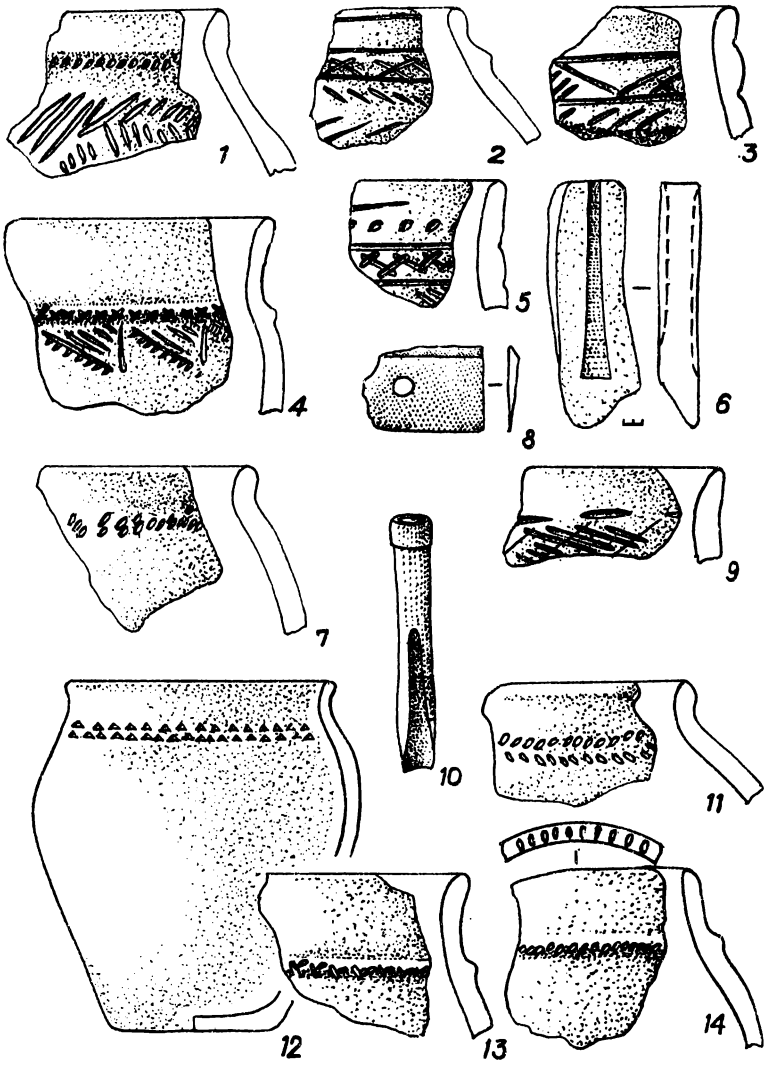

Рис. 4. Вещи и керамика памятников алексеевского (5,6,8,10) и загаринского (1—4,7,9,11—14) типов:

1—4,7,9,11,13,14 — поселение Загаринское; *8,5,12* — поселение Конезавод III; *6* — поселение Алексеевское; *10* — поселение Перелески II

рии относил к эпохе поздней бронзы [38, с. 20, табл. III-5].

Ближайшими аналогиями на сопредельных территориях являются литейная форма для отливки долота из поселения Липовая Курья в Южном Зауралье [39, рис. 1], и долото из Чупинского поселения на р. Ишим [40], датируемые концом эпохи бронзы [39, с. 236—240; 41, с. 152]. Опорными датами долот данного типа можно считать литейные формы Сосново-Мазинского клада и долото Дербеденевского клада. Даже с учетом новых дат Сосново-Мазинских бронз (XIII—XI вв. до н. э. или вторая половина XII — начало XI вв. до н. э.) [42, с. 132—135; 43, с. 181] нижняя граница датировок долот не выходит за пределы последней трети II тыс. до н. э.

Матрица плоского тесла с уступом на литейной форме (рис. 4,6) с Алексеевского поселения [29, рис. 6,8] имеет широкий круг аналогий. Подобные тесла на территории Урала датируются концом II — началом I тыс. до н. э. [14, с. 79—80]. Долото из Мало-Красноярки С. С. Черников датировал XIII—X вв. до н. э. [21, табл. 4]. Ю. С. Гришин, считая тесла казахстанскими, синхронизирует их с карасукским временем [23, с. 23], Е. Н. Черных датирует такие тесла XIII—IX вв. до н. э. [16, табл. Г]. Секач из Алексеевского поселения (раскопки О. А. Кривцовой-Граковой) и обломок секача из поселения Конезавод III (рис. 4,8), имеющие клиновидное сечение и отверстие на пятке, аналогичны секачам-серпам Сосново-Мазинского клада и могут быть датированы XIII—XI вв. до н. э. На основании вышеприведенных датировок алексеевский этап укладывается в рамках последней четверти II тыс. до н. э.

Загаринский этап представлен поздним слоем поселения Загаринка [39, с. 109—110, рис. 2]. Вскрыто одно жилище, имеющее котлован размером 24,8×12 м. В жилище отмечены каменные очаги, хозяйственные и столбовые ямы. Интерьер жилища в общем не отличается от интерьера жилищ алексеевского типа.

Коллекция керамики представлена горшковидными плоскодонными сосудами с прямой короткой или удлиненной шейкой, плавно переходящей в тулово (рис. 4,2,4,7,11,13,14). Удлиненные шейки, как правило, по основанию имеют налепной валик. Тулово части сосудов почти бомбовидное. Венчики трех разновидностей: округлые, уплощенные, заостренные. Сосуды орнаментировались по уплощенному венчику и плечикам, шейка не орнаментировалась. Такое расположение орнамента — характерная черта керамики данного типа. Узоры выполнены только резными линиями. По венчику наносились наклонные или пересекающиеся отрезки, по плечикам, кроме того, отмечены горизонтальные линии, зигзаг, заштрихованные треугольники. Отличительными признаками керамики загаринской от керамики алексеевской являются: отсутствие орнамента на шейке сосудов с сохранением полоски орнамента по верху тулова, наличие значительного количества сосудов с уплощенным орнаментированным венчиком,

размещение валика по основанию шейки при переходе к тулову, нанесение узоров исключительно резной техникой. Керамика, аналогичная загаринской, выделена В. С. Стоколосом как срубная на поселении Чернореченское I [44, с. 30], известна она и на поселении Мирный в Челябинской области*. Загаринская керамика является генетическим продолжением керамики алексеевского типа. Памятники загаринского этапа хронологически расположены между памятниками алексеевского этапа и савроматскими, т. е. в рамках первой четверти I тыс. до н. э.

К кругу памятников черкаскульской культуры относится поселение Шукубай II, расположенное на правом берегу р. Тобол, в 180 км к юго-западу от г. Кустанай (рис. 1). На поверхности фиксировались три впадины. Вскрыто одно жилище прямоугольной в плане формы, размером 11,1×9 м при глубине котлована 0,3—0,6 м. Прямоугольный в плане выход размером 2,2×1,7 м был со стороны водотока. На полу котлована зафиксированы кострища, хозяйственные и столбовые ямы.

Керамика представлена фрагментами горшковидных сосудов, орнаментированных в верхней трети. Такие черкаскульские элементы, как широкие желобки, меандр, оконтуренный желобками, ромбическая сетка, лесенкообразные наклонные колонки, ромб, треугольные вдавления, ряды сгруппированных отрезков, имеющихся на шукубаевской посуде (рис. 3,7,9,12], отмечены на керамике поселения Черкаскуль II [20, с. 355—358, рис. 57,1—24], Лужки [44, с. 57—64], Кокшарово I [45, с. 97—108], Липовая Курья [46, с. 79, рис. 37, 1—11], на памятниках Петропавловского Приишимья [8, с. 38—39, рис. 6, 1,3,7]. Но на шукубаевской керамике нет таких характерных элементов черкаскульского узора, как поперечно штрихованные полосы меандра, ряды насечек между каннелюрами, валики, ограниченные желобками, воротнички на шейке. Данные отличия свидетельствуют о локальном своеобразии керамического комплекса поселения Шукубай II, расположенного в степной зоне в 400 км к югу от зауральской группы черкаскульских памятников.

Керамика черкаскульского типа выделена Т. М. Потемкиной и на Алексеевском поселении [47, с. 44]. Среди исследователей нет единого мнения о хронологии черкаскульской культуры. Мы придерживаемся датировки, предложенной В. С. Стоколосом относящим поселение Черкаскуль II к последней четверти II тыс до н. э., и датировки Г. Б. Здановича для черкаскульских памятников Петропавловского Приишимья XI—X вв. до н. э. [44 с. 65; 3]. Черкаскульские памятники Кустанайского Притоболья могут быть отнесены к последней четверти II тыс. до н. э.

Федоровский тип керамики выделен визуально из комплекса поселения Загаринка (рис. 3,2—6,8). Керамика имеет характер

* Раскопки Уральской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Генинга.

ные признаки посуды федоровского (по К. В. Сальникову) типа: большой процент лощеных сосудов, преобладание зубчатого штампа, наличие сложного геометрического орнамента, косоугольные треугольники, желобки, орнаментация верхней половины сосудов и придонной части, наличие банковидных сосудов. Загаринский комплекс находит аналогии в памятниках Зауралья [44, с. 79], в федоровском типе керамики Петропавловского Приишимья [8, с. 35], определенное сходство наблюдается с погребальной посудой могильников Северного Казахстана [48, табл. 1], а также с керамикой первой группы из поселений Восточного Казахстана [21, табл. XVII, XVIII, XXVIII].

Культурная принадлежность и хронология федоровских памятников остается дискуссионной. Считая более приемлемой точки зрения В. С. Стоколоса и Г. Б. Здановича о проникновении федоровских элементов в Западную Сибирь и Казахстан в последней четверти II тыс. до н. э., мы не исключаем и вероятности сосуществования федоровских и алакульских племен.

Таким образом, эпоха развитой бронзы представлена в Кустанайском Притоболье памятниками петровского (XVI—XV вв. до н. э.) и алакульского (третья четверть II тыс. до н. э.) этапов алакульской культуры. Эпоха поздней бронзы представлена памятниками алексеевского (последняя четверть II тыс. до н. э.) и загаринского (первая четверть I тыс. до н, э.) этапов алексеевской культуры. В последней четверти II тыс. до н. э. появляются памятники черкаскульской и федоровской культур.

---

1. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. 17.
2. *Кривцова-Гракова О. А* Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21.
3. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
4. *Евдокимов В. В., Логвин В. Н.* Исследования в Кустанайской области.— АО—1971, М., 1972.
5. *Евдокимов В. В., Логвин В. Н., Бурнаева В. Д.* Исследования в Верхнем Притоболье.— АО—1974, М., 1975.
6. *Евдокимов В. В.* Раскопки в Верхнем Притоболье.— АО—1977. М., 1978.
7. *Евдокимов В. В.* Итоги работ Карагандинского археологического отряда в 1977—1978 гг.— В кн.: Тезисы V научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава, научных работников и аспирантов. Карагандинский государственный университет. Караганда, 1980.
8. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
9. *Потемкина Т. М.* Раскопки у села Раскатиха на р. Тобол.— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969, вып. 4.
10. *Стоколос В. С.* О стратиграфии поселения Кипель.— СА, 1970, № 3.
11. *Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* Археологическая экспедиция Уральского университета.— АЭБ, Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964, т. 2.
12. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М.: Наука, 1971.
13. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. В 4—9, 1966.

14. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 1960, № 90.
15. *Сальников К. В.* Абашевская культура на Южном Урале.— СА, 1954, № 20.
16. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— М.: Наука, 1970.
17. *Евдокимов В. В.* Новые алакульские могильники на территории Кустанайской области.— В кн.: Материалы XIII научно-методической конференции преподавателей Кустанайского пединститута. Кустанай, 1975.
18. *Евдокимов В. В.* Новые материалы к археологической карте Кустанайской области.— В кн.: Материалы VIII научно-методической конференции преподавателей Кустанайского пединститута. Кустанай, 1970.
19. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21.
20. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.
21. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.
22. *Халиков А. Х.* Приказанская культура.— СА, 1968, № 2.
23. *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, вып. В 3—12, 1971.
24. *Иессен А. А.* К хронологии больших Кубанских курганов.— СА, 1950, № XII.
25. *Сальников К. В.* Итоги изучения археологии Башкирии.— АЭБ, Уфа, Башкирское книжное издательство, 1964, т. 2.
26. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности.— Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976.
27. *Аванесова Н. А.* К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива.— В кн.: Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана.— Тр. Самаркандского университета, новая серия. Самарканд, 1978, вып. 348.
28. *Евдокимов В. В.* К вопросу о датировке и заселении Алексеевского поселения на р. Тобол.— В кн.: Материалы IX научно-методической конференции преподавателей Кустанайского пединститута. Кустанай, 1971.
29. *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тоболе.— СА,1975, № 4.
30. *Евдокимов В. В.* Новые поселения эпохи бронзы Верхнего Притоболья.— ВАУ, 1975, вып. 13.
31. *Евдокимов В. В.* Экспедиция Кустанайского педагогического института.— АО—1973, М., 1974.
32. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1979, № 2.
33. *Евдокимов В. В., Ткачев А. А.* Работы Карагадинского отряда.— АО—1978, М., 1979.
34. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки.— МИА, 1951, № 23.
35. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы 2 тыс. до н. э.— МИА, 1960, № 93.
36. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
37. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи.— М.: Наука, 1972.
38. *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии.— МИА, 1957, № 58.
39. *Хлобыстина М. Д., Хлобыстин Л. П.* Литейная форма из Южного Зауралья.— СА, 1967, № 2.
40. *Генинг В. Ф., Евдокимов В. В.* Отчет о раскопках Чупинского поселения. Отчет Ишимского археологического отряда Уральского государственного университета за 1965 г. КА УрГУ.
41. *Голдина Р. Д.* Городище Кучум-Гора.— ВАУ, 1969, вып. 8.
42. *Мерперт Н. Я.* О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы.— КС ИА АН СССР, 1966, № 108.
43. *Сафронов В. А.* Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века

Восточной Европы.— В кн.: VII международный конгресс антропологов. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1969.

44. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья.— М.: Наука, 1972.

45. *Старков В. Ф.* Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— СА, 1970, № 1.

46. *Хлобыстин Л. П.* Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья.— КС ИА АН СССР, 1968, № 114.

47. *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского комплекса.— СА, 1975, № 1.

48. *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы.— Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958, т. 5.

Г. Б. Зданович

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕТРОВСКИХ КОМПЛЕКСОВ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

(к вопросу о выделении петровской культуры)

Для истории изучения андроновской культуры последние 20 лет были годами самого активного накопления материалов. Значительно изменилась география исследований. Впервые была «поднята» археологическая целина во многих районах Западной Сибири, Северного и Центрального Казахстана. Новые материалы не всегда решают старые, зато часто рождают новые проблемы.

Одним из серьезных достижений в изучении бронзового века урало-казахстанских степей было выделение раннеалакульских (или доалакульских) памятников, которые получили название «петровские» по могильнику и поселению у с. Петровка Ленинского района Северо-Казахстанской области [1, с. 21—43; 2]. К настоящему времени по вопросу о культурной интерпретации комплексов петровского круга оформились различные точки зрения.

Автор статьи квалифицировал эти комплексы как ранний этап алакульской культуры [2, с. 22] и подчеркивал генетическую преемственность алакульских и петровских комплексов по всем культурообразующим признакам, считая, что процесс формирования алакуля протекал на местной энеолитической основе при тесных взаимосвязях и постоянных контактах с западным населением Южного Приуралья и Поволжья. К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина рассматривают памятники петровского типа в близком контексте, определяя их как ранний этап андроновской культуры в ее алакульском варианте [3, с. 26, рис. 8, с. 51]. По мнению исследователей, стимулом для сложения андрона послужил западный импульс. Памятники петровского типа несут в себе сильное влияние культур: абашевской, многоваликовой керамики, полтавкинской*.

---

* Е. Е. Кузьмина, справедливо объединяя петровские комплексы Казахстана и Южного Урала, вводит, с нашей точки зрения, неудачный термин «новокумакский хронологический горизонт». При существовании широко утвердившихся в науке понятий — досейменский, сейменский и постсейменский хронологические горизонты — введение дублирующего понятия для относительно ограниченной территории евразийских степей выглядит как искусственное построение.

В одной из своих последних работ Т. М. Потемкина пришла к выводу, что в лесостепном Притоболье петровская традиция является привнесенной из западных районов. Ведущая тенденция культурного развития — собственно алакульская — возникла на местной основе. Исходя из анализа керамики, она утверждает, что местная линия развития представлена посудой баночных форм и горшечных форм с уступчатым плечом, а пришлая — остроребериыми сосудами. Таким образом, исследователь видит два разнокультурных компонента (смещенных к тому же хронологически), которые определили специфику развития северной окраины алакульского ареала [4, с. 44—53].

Расхождение мнений в значительной степени связано с тем обстоятельством, что многочисленные коллекции последних двух десятилетий остаются почти не опубликованными. Фактически не освещены в литературе материалы Северо-Казахстанской (Урало-Казахстанской) археологической экспедиции, а так же экспедиций Кустанайского педагогического института и Карагандинского университета. О новых важных памятниках петровского круга Среднего Притоболья и Центрального Казахстана имеется только краткая информация в «Археологических открытиях» [5, с. 484—485; 6, с. 532; 7, с. 434; 8, с. 442—443].

Введение в научный оборот новых данных о бронзовом веке степной полосы Урало-Иртышского междуречья — дело ближайшего будущего. В настоящей статье автор, не претендуя на полноту приводимых сведений, поставил две задачи:

1) в развернутом тезисном плане охарактеризовать петровские комплексы;

2) в рамках постановки проблемы рассмотреть вопрос о возможном объединении доалакульских памятников в особую «петровскую культуру».

Остановимся на терминологии исследования.

При разработке вопросов культурной интерпретации памятников бронзового века урало-казахстанских степей мы опираемся на три основные классификационные единицы: культурно-историческая область (провинция), культурно-историческая общность и археологическая культура. Наиболее объемным является термин «культурно-историческая область (провинция)». Он обозначает археологическое образование, охватывающее значительную территорию, на которой отмечаются некоторые сходные типы орудий труда, предметов вооружения, украшений и т. д. Сходство обусловлено развитием единых форм хозяйства в близкой естественно-географической среде и в определенный исторический период. Термин «культурно-историческая общность» объединяет обширные области, занятые родственными про происхождению племенами. Между ними может и не быть прямых контактов. Значительная близость материальной культуры обеспечена здесь не только едиными путями развития в сходных географических условиях и одинаковым хозяйственным укладом, но и общими

корнями происхождения [9, с. 24]. Немногочисленные чуждые включения в такое археологическое образование снивелированы и имеют подчиненный характер по отношению к основному компоненту [10, с. 12].

Понятие «культурно-историческая общность» мы используем и для объединения группы родственных, параллельно развивающихся археологических культур, занимающих смежные территории, и для двух или нескольких культур, сменяющих друг друга во времени, генетически связанных между собой и динамически развивающихся в рамках одних и тех же территориальных границ.

Под археологической культурой подразумевается группа памятников, расположенных на относительно ограниченной территории, близость которых наиболее конкретна и проявляется в полном сходстве керамики, наборов женских украшений, погребальных обрядов, в планировке и архитектуре поселков. Такая группа памятников оставлена родственными племенами, которые связаны постоянными контактами между собой и находятся на определенном этапе социально-экономического развития.

Качественные отличия одной культуры от другой заключаются не в том, что в одной культуре больше одних вариантов какого-либо признака, а в другой — других, а в том, что каждая конкретная культура характеризуется комплексом признаков, присущих лишь ей одной [11, с. 20—21].

Эпоху бронзы восточного региона степной Евразии обычно подразделяют на три больших этапа — ранний, средний и поздний. В андроновскую культурно-историческую общность мы включаем две культуры средней бронзы — петровскую и алакульскую и две культуры поздней бронзы — федоровскую и саргаринскую. Выделенные культуры генетически связаны между собой. Наиболее наглядно переходные комплексы прослеживаются между петровской и алакульской, между алакульской и федоровской культурами. Однако каждая культура на определенном этапе своего развития имеет характерные, только ей присущие черты.

Памятники петровского типа занимают обширную территорию между р. Уралом и Иртышом, охватывая все Южное Зауралье, южную кромку Западной Сибири, большую часть Западного, Северного и Центрального Казахстана.

В настоящее время известно несколько однослойных поселений петровской культуры: Амангельды I — Северо-Казахстанская область, Кеноткель V — Кокчетавская область, Семиозерное — Кустанайская область. Два первых памятника сильно разрушены и непригодны для проведения стационарных работ. Единственным однослойным и достаточно кратковременным поселенческим объектом, на котором производились раскопки, является поселение Семиозерное [5, с. 484—485]. Все остальные раскопанные петровские поселения связаны с многослойными жилы-

ми площадками. Среди наиболее значительных поселенческих объектов, исследованных в Южном Зауралье, выделяется поселение Кулевчи III [12, с. 137—138; 34, с. 94—99]. В Северном Казахстане в Приишимье раскопки производились на трех поселениях, содержащих петровские слои: Новоникольское I [14, с. 61—68], Петровка II [15, с. 496—497], Боголюбово I. В Центральном Казахстане поселения с ярко выраженными петровскими материалами пока не обнаружены, хотя в конце 70-х годов здесь были открыты и исследованы замечательные погребальные комплексы позднепетровского облика [7, с. 434; 8, с. 442—443]. К востоку от Иртыша какие-либо находки, связанные с материалами петровского типа, нам неизвестны.

Жилые сооружения петровских поселений резко отличаются от построек других культурно-хронологических этапов андроновской исторической общности. Петровские жилища имеют площадь от 25 до 100 кв. м. Форма жилищ прямоугольная, в средней части торцовой стены иногда фиксируется короткий выступ — выход в виде тамбура. Конструкции петровского типа с полным основанием можно назвать наземными, так как котлован жилища углублен в грунт не более чем на 15—20 см. Полы обмазаны слоем глины, перемешанной с крупным речным песком. Ямки от столбов единичны и в их расположении нет закономерности. Исключение составляют ямки у входа — здесь фиксируется обычно от 1 до 4 углублений. Прямоугольная форма помещений, специфическое оформление входов, почти полное отсутствие столбовых углублений убеждают в том, что стены жилищ сооружались из бревен, образующих срубы примитивной вязки. Здесь могли применяться оригинальные соединения бревен, хорошо известные по погребальным комплексам бронзового века. В жилищах зафиксировано по 1—2 круглых очага наземного типа с каменными выкладками. В отдельных случаях сохранились остатки от более сложных очажных конструкций — ямки, канавки, куски прокаленной глиняной обмазки.

Характерной чертой петровских поселений является наличие оборонительных сооружений. Они представляют собой рвы глубиной от 1,5 до 2,5 м при максимальной ширине 3,5 м. С внутренней и внешней сторон, вдоль рвов, фиксируются развалы валов — небольших насыпей из глины. Иногда прослеживаются остатки столбовых конструкций, которые когда-то укрепляли и усиливали вал. Примерные площади, ограниченные рвами, на наиболее исследованных памятниках — поселениях Новоникольское I и Петровка II — равны 5700 и 8400 кв. м. (рис. 1,1,7).

С точки зрения планиграфии и топографической ситуации можно выделить два вида петровских оборонительных сооружений. К первому мы относим замкнутую систему валов и рвов, прямоугольником опоясывающую жилую площадку поселения. Второй вид укреплений создан прямыми или слегка изогнутыми

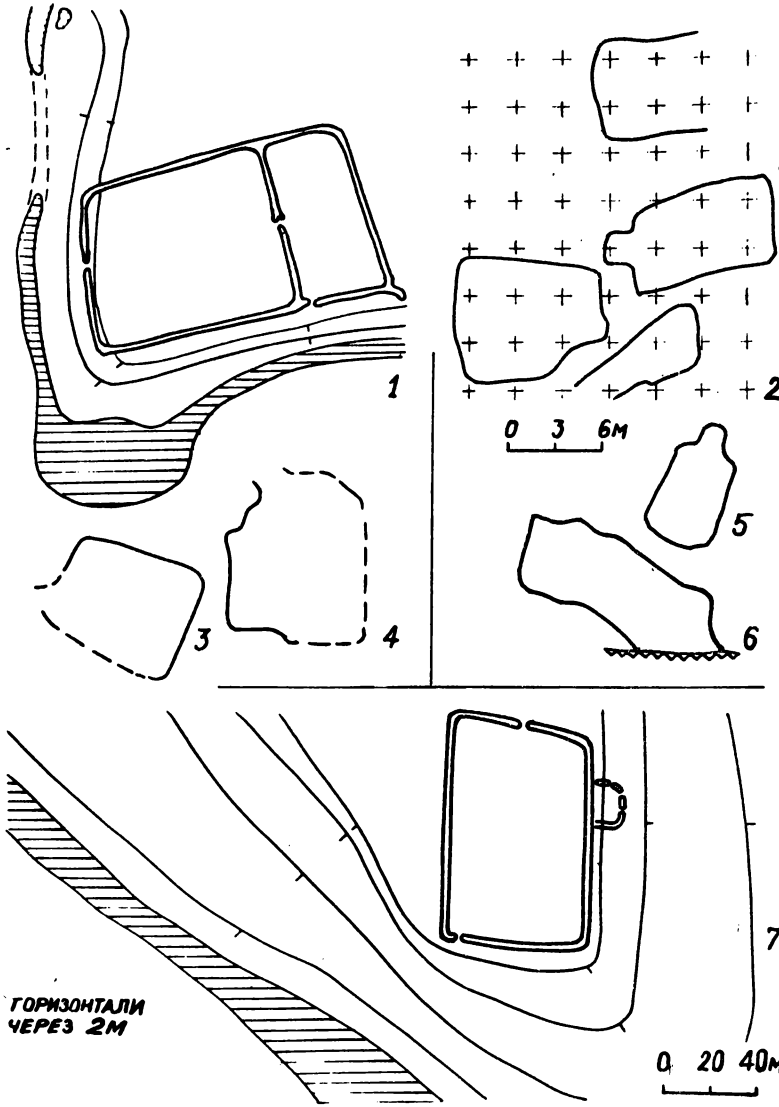

Рис. 1. Поселения и жилища петровской культуры:
1, 2 — пос. Петровка II; *3, 4, 7* — пос. Новоникольское I; *5, 6* — пос. Кулевчи III

в плане отрезками валов и рвов. Мысовые участки террас, на которых расположены такие городища, имеют дополнительные естественные укрепления — крутые берега и обрывы. К первому виду относятся поселения Новоникольское I [16, с. 117], Петровка II и, возможно, Мало-Кизыльское [17, с. 67—75], ко второму — Боголюбово и Семиозерное [5, с. 484]. Оборонительным сооружениям придавалось большое значение — фиксируются следы неоднократного подновления рвов. С линией укреплений и со входами в поселок связаны остатки жертвенных комплексов: черепа и крупные части скелетов домашних животных, сосуды, ритуальные «очаги». Они помещались в ямах, сооруженных против входов, или в специально сделанных ответвлениях рвов, иногда тщательно обмазанных глиной.

Застройка петровских поселков внутри оборонительных сооружений была очень плотной. Однако создается впечатление, что эта плотность сочеталась со свободными участками, с площадями, которые примыкали к входам, вернее, к въездам в поселение. На пос. Кулевчи зафиксирована улочка со сточной канавой. Улочка завершалась хорошо оформленным спуском к воде [34, с. 97].

К своеобразным чертам петровских поселений следует отнести наличие детских погребений в жилищах. Они отмечены на всех поселенческих памятниках, которые подвергались стационарным исследованиям. Захоронения совершались в полах жилищ в неглубоких выемках овальной формы, ориентированных по линии З-В. В ямках, как правило, сохраняются очень незначительные остатки костяков детей грудного возраста и сосуды, поставленные в головах погребенных.

Детальное представление о погребальном обряде петровской культуры пока не оформлено документально на массовом археологическом материале. Однако уже сейчас можно констатировать, что петровские могильники отмечены значительным своеобразием и имеют ряд принципиально важных черт, отличающих их от погребальных комплексов алакульской эпохи. Для наиболее ранних, из известных нам памятников, характерны так называемые сепаратные (от лат. separatio — отделение) кладбища — наличие особых погребальных полей для различных возрастных и социальных групп людей.

На р. Ишим у с. Петровка в Северном Казахстане был исследован грунтовой детский могильник. Значительная часть его к моменту раскопок была разрушена карьером [18, с. 183—193]. Вскрыты 32 ямы, большинство из них расположено довольно компактно, но без видимой закономерности. Ямы имеют малые размеры, длина варьируется от 0,5 до 1 м, ширина от 0,4 до 0,8 м при глубине 0,8—1,1 м. Преобладающая ориентировка З-В с различными отклонениями (рис. 2,2). В ямах от 1 до 3 сосудов, иногда кости животных (барана, козла), в одном случае зафиксированы украшения. Несмотря на то, что в большинстве ям была обнаружена только керамика, их следует связывать с

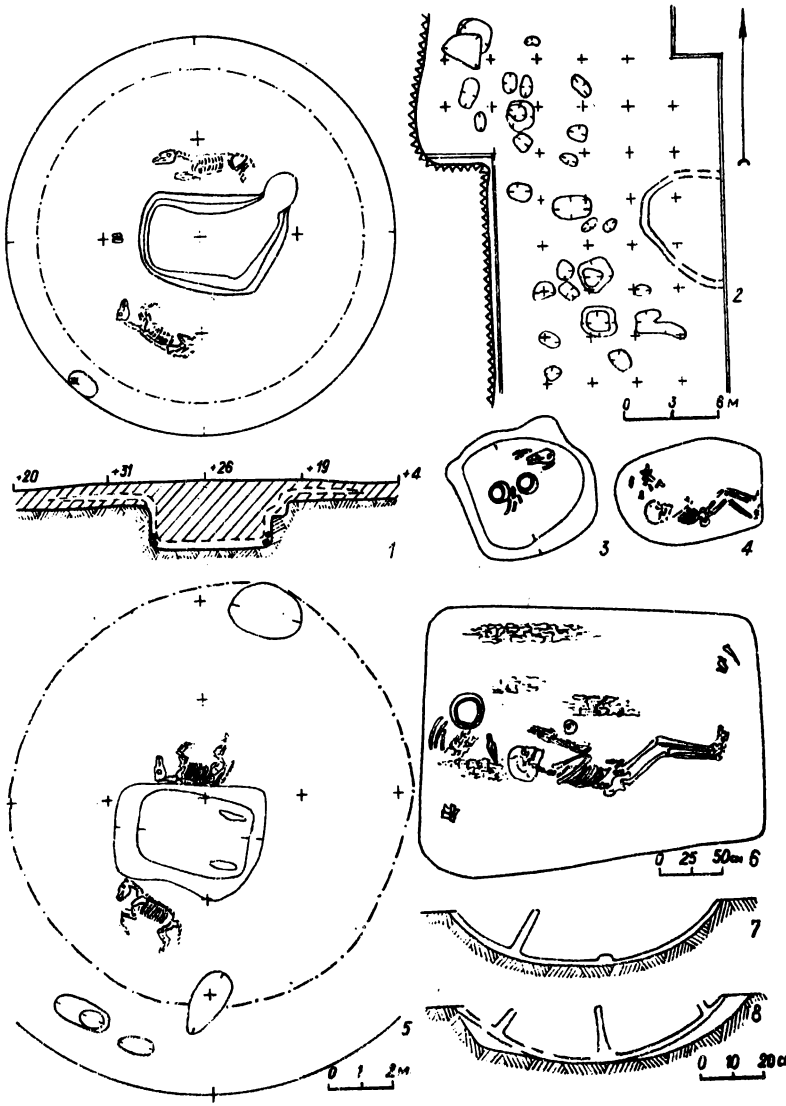

Рис. 2. Погребальный обряд петровской культуры:
1 — мог. Берлик, курган 1; *2—4* — могильник у с. Петровка; *5, 7, 8* — мог. Берлик, курган 2; *6* — мог. Кенес, курган 2, яма 1

захоронением детей младенческого возраста, от которых не сохранились костные остатки. Следы надмогильных сооружений полностью отсутствуют. В обнажении карьера была зафиксирована значительная по размерам яма (№ 33), которая содержала мощные слои прокала, древесного угля и пережженных костей.

Участок сепаратного детского кладбища, по нашему мнению, был исследован В. А. Могильниковым в полах одного из курганов у д. Чистолебяжье на р. Тобол в Белозерском районе Курганской области [19, с. 221]. Как пережиточное явление, обычай хоронить детей на отдельных кладбищах сохраняется вплоть до раннеалакульского времени. Ярким примером тому служит детский могильник Алексеевского культурного комплекса, который О. А. Кривцова-Гракова ошибочно определила как «жертвенное место» [20, с. 71—75].

Вторая категория петровских погребальных памятников представлена курганными захоронениями, содержащими одну крупную центральную могильную яму. Как правило, это мужские погребения с предметами вооружения, остатками боевых колесниц и скелетами лошадей. Третья категория погребальных памятников — это курганы с одной или двумя центральными ямами, вокруг которых по кольцу расположены периферийные захоронения. Петровские могильники состоят из земляных, сильно оплывших насыпей высотой обычно не выше 0,5 м и диаметром до 12—16 м. Насыпи расположены не компактно, а на некотором расстоянии друг от друга, и их количество на погребальном поле очень невелико — от 3 до 10 сооружений.

Курганы с крупными одиночными ямами иногда занимают обособленное положение и удалены от основной одновременной им группы насыпей (Новоникольское, кур. 1; Бектениз, кур. 4), а в отдельных случаях образуют самостоятельные могильники (Берлик I, II). На большинстве исследованных памятников встречаются погребальные сооружения как второй, так и третьей категории. В последнем случае сепаратность проявляется в своеобразном отделении подростковых и детских захоронений от погребений взрослых, в объединении их в особые кольцевые погребальные поля, где могильные ямы расположены за пределами земляных курганных конструкций без учета ведущей ориентировки.

Захоронения в одиночных крупных ямах, принадлежащие, вероятно, особой социальной группе воинов-колесничих, исследованы в Южном Зауралье в могильниках Синташта [24, с. 53—74] и Николаевка II [43, с. 1—10], в Северном Казахстане в могильниках Кенес, Улубай, Берлик, Новоникольское [21, с. 530; 22, с. 433; 23, с. 436; 44, с. 20—22]. Известны они и в Центральном Казахстане [33, с. 434]. Погребальные камеры находились в центре подкурганных площадок, размеры их до 4×2,5 м, глубина в пределах 1,2—1,5 м, ориентированы по линии З-В с отклонениями на СЗ-ЮВ. У северо-восточного угла часто фикси-

руются выход в виде небольшого выступа в плане и ступенька (рис. 2,1).

Погребения совершались по обряду трупоположения. Несмотря на плохую сохранность и массовые ограбления, можно констатировать, что основная поза погребенных — скорченное положение на левом боку, кисти рук у лица. Преобладает слабая степень скорченности, в единичных случаях фиксируется положение на спине. В ориентировке погребенных в центральных одиночных ямах господствуют западное и северо-западное направления.

Мужские погребения содержали богатый и многообразный инвентарь. Однако в большинстве случаев в могильных ямах сохранились только керамика и единичные вещевые находки: каменные булавы, каменные и костяные наконечники стрел, ножевидные кремневые пластины, костяные щитковые псалии. Среди металлического инвентаря ножи с намечающейся рукоятью, ножи с перехватом, шилья и плоские тесла. Интересен по набору инвентаря курган 4 могильника Бектениз, который относится к переходному петровско-алакульскому времени. От рук грабителей уцелели бронзовое копье, лежавшее в юго-западном углу могилы на плахах нижнего перекрытия, а также ряд предметов, расположенных вдоль стены погребальной камеры — два глиняных сосуда, бронзовые — серп, два ножа и шило, набор каменных наконечников стрел, каменный пест. Еще один нож с перехватом обнаружен среди костных остатков жертвенного комплекса у северо-западной стенки ямы [45, с. 15—29]. Анализ следов сработанности на каменном песте показал, что он использовался при вторичной обработке пластинчатых изделий из бронзы*. Последнее обстоятельство, вместе с отмеченными выше особенностями, позволяет высказать предположение, что погребение I кургана 4 в урочище Бектениз связано с захоронением кузнеца.

Одним из наиболее богатых памятников эпохи бронзы степной Евразии является могильник Синташты. Здесь из 40 могил было получено более 200 изделий из металла, кости и камня. Среди находок медные вислообушные топоры, копья с несомкнутой втулкой, тесла, двулезвийные ножи, каменные булавы и наконечники стрел [35, с. 95].

Примечательной особенностью мужских погребений является наличие в могильных ямах остатков двухколесных боевых повозок. Колесницы зафиксированы благодаря обычаю закапывать колеса примерно на $^1/_4$ часть в грунт. В отдельных случаях на дне могильных ям сохранились не только канавки от колес, но и четкие отпечатки обода и спиц [24, рис. 3; 22, с. 433; 33 с. 434]. Повозки дышлом были ориентированы на запад, диамет-

* Анализ любезно выполнен в лаборатории ЛО ИА АН СССР Г. Ф. Коробковой.

ры колес 1—1,2 *м*, расстояние между ступицами 1,2—1,4 м* (рис. 2,5,7,8).

Важная составная часть мужских захоронений — погребения лошадей. Обычно два конских костяка лежат или на глине подкурганных площадок или в легких углублениях в материке на краю могильных ям. Головы лошадей ориентированы на запад, шеи вытянуты, положение ног имитирует бег. Иногда вместо туши лошади положены черепа и кости ног. В отдельных случаях сохранились детали конской сбруи — круглые или прямоугольные костяные псалии с шипами (рис. 3,1—4, 7—10) [23, с. 436].

Под насыпью кургана (в рамках ее современных границ) встречаются иногда одно-два овальных углубления. В заполнении углублений вещевые материалы обычно отсутствуют. В отдельных же случаях фиксируется зола или мелкие фрагменты костей домашних животных.

В крупных центральных могилах иногда совершались захоронения женщин. Однако дать какую-либо полную характеристику женским погребениям пока невозможно из-за ограбленности могил и, в целом, из-за недостаточной изученности петровского погребального обряда. Среди находок в женских захоронениях найдены желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, очковидные и крестовидные подвески, различные металлические бусы и пронизи, мелко рубленный бисер.

Конструктивные особенности центральных могильных ям и характер их заполнения позволяют с уверенностью говорить, что в период функционирования кладбищ это были подземные склепы, вероятно, со свободным доступом в погребальную камеру. В Южном Зауралье стенки склепов укреплены досками, которые ставились горизонтально на ребро и реже вертикально (могильник Синташта) [24, с. 57]. В отдельных случаях тлен от деревянной обкладки камеры сохранился на высоту до 90—110 см. На могильнике Степное в Южном Зауралье центральные ямы в двух случаях обставлены массивными каменными плитами, в трех других облицованы деревом [25, с. 3—20]. В Центральном Казахстане большинство позднепетровских погребальных склепов представляют собой каменные «ящики» [26, с. 442].

Археологам при раскопках петровских ям Северного Казахстана и Западной Сибири всегда приходится иметь дело со слоями глины толщиной 10—15 см, которые изнутри обрамляют могилу [24, с. 59; 22, с. 433; 19, с. 221]. Анализы, выполненные по материалам могильника Берлик, показали, что в составе глины содержались органические примеси**. Вероятно, это остатки сыр-

---

* Не исключено, что в погребальную камеру иногда помещали не колесницу, а только колеса.

** Предварительные определения И. В. Иванова, ст. научного сотрудника Института агрохимии и почвоведения АН СССР.

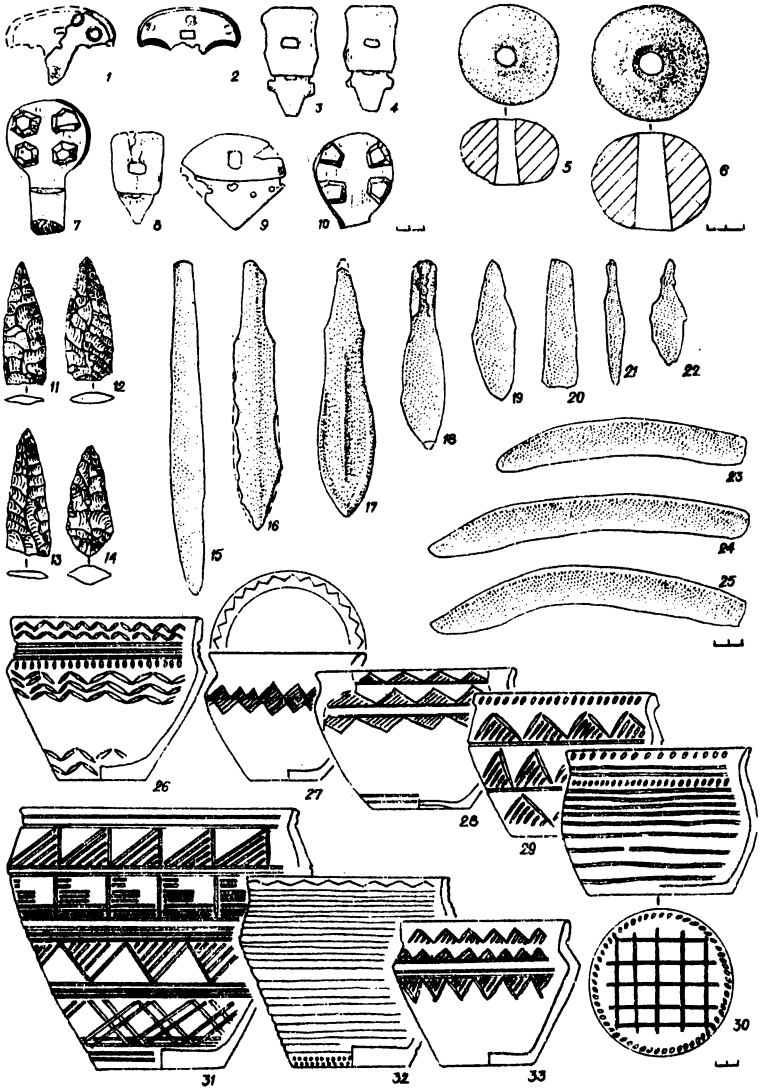

Рис. 3. Вещевой материал и керамика памятников петровской культуры: *1, 11, 12, 18, 22* — пос. Новоникольское I; *3, 4, 8, 31* — мог. Аксайман; *5, 17* — мог. Кулевчи VI; *7, 10, 14, 15, 25, 29* — пос. Петровка II; *9* — мог. Берлик; *13, 19, 30* — мог. у с. Петровка; *6, 16, 20, 21, 32* — мог. Кенес; *2, 23, 26* — пос. Кулевчи III; *24* — пос. Камышное II; *27* — мог. Раскатиха; *28* — курган на р. Алтынсу; *33* — мог. Степное I; *1—4, 7—10* — кость; *5, 6, 11—14* — камень; *15—25* — бронза; *26—33* — глина

цовых кирпичей, сделанных из глины специального замеса. Планы и разрезы могильных ям свидетельствуют о том, что сырцом облицовывались все стены усыпальницы на ее полную высоту. Толстым слоем глины покрывался и пол могильной ямы. Кроме глины, на полу иногда фиксируется какая-то органическая подстилка — солома, кошма (?). В ряде случаев (Берлик, кур. 1; Улубай, кур. 1 и др.) в основании камеры прослеживается бревенчатая обкладка из двух-трех венцов. Бревна соединены по углам с помощью специальных торцовых вырубок. «Сруб» помещен внутри сырцовой облицовки усыпальницы, так что при расчистке между бревнами и материковыми стенками могилы всегда фиксируется прослойка глины толщиной до 15 см.

Перекрытия погребальных камер в различных районах имеют свою специфику. В Центральном Казахстане в качестве перекрытия употреблялись каменные плиты [33, с. 434; 26, с. 442]. В Южном Зауралье ямы перекрывались бревнами, положенными поперек могилы [24, с. 57, 59]. В ряде случаев перекрытие опиралось на один-три столба и поперечную балку [24, с. 57, 59]. Перекрытие при таком варианте не обязательно должно быть плоским — оно могло быть и двускатным.

Форма и объем глиняных завалов в заполнении петровских склепов Северного Казахстана позволяют предполагать здесь наличие в древности уступчатого перекрытия, образованного постепенным напуском блоков пахсы или сырца вдоль верхних краев стен погребальной камеры. Такое предположение становится вполне правомерным, если учесть широкое использование глины в качестве подручного строительного материала на поселениях петровской культуры. Технические приемы, которые могли быть использованы при создании подземных склепов из пахсы или сырца, хорошо известны по конструкциям из каменных плиток — так называемым цистам. Ярким примером служат погребальные сооружения могильника Бугулы Центрального Казахстана [27, с. 75, рис. 13], который исследователи относят к нуринскому этапу бронзового века. Длинные внутренние стенкие могилы сделаны из небольших плоских каменных плит, положенных плашмя друг на друга. По мере увеличения высоты плитки укладываются с напуском внутрь, образуя ложный свод. Аналогичные приемы зафиксированы при исследовании памятников эпохи бронзы Южного Казахстана [28, с. 68, 69, табл. III], где традиции арочных перекрытий сохраняются вплоть до эпохи средневековья и в наиболее ярком виде представлены в курумах хребта Каратау [29, с. 156—167, рис. 6].

Широкое использование глины в строительстве, а также ряд важных элементов в материальной культуре петровского населения, уже заставляли нас обращаться к средне-азиатским параллелям [30, с. 296—301]. Продолжая эти аналогии укажем, что сырцовые погребальные сооружения хорошо известны в позднем энеолите и ранней бронзе Южной Туркмении. А в камерах

Геоксюр 1 и Алтын-Тепе отмечены ложносводчатые перекрытия [31, с. 207—219; 32, с. 28—35].

Еще одна особенность петровских погребальных конструкций заключается в наличии глиняных площадок вокруг центральных могильных ям. Для их сооружения используется, как правило, грунт (суглинок, супесь), извлеченный при рытье могилы. Расположение грунта, устойчивая округлая форма площадок не вызывает сомнения в преднамеренном; а не случайном распределении глины по древней поверхности.

Как уже отмечалось, петровские погребальные памятники известны в настоящее время по обособленным детским кладбищам, по курганным захоронениям взрослых мужчин-воинов, редко женщин, и по курганным комплексам, которые совмещают в себе центральные погребения людей зрелого возраста и детский могильник, состоящий из периферийных захоронений с кольцевой планировкой. Погребения совершались в мелких овальных ямах, вырытых в канавообразных углублениях, которые возникли в результате выборки грунта при создании центральной надмогильной конструкции. Подобные комплексы возникли, вероятно, на среднем этапе развития памятников петровского типа, но широкое распространение получили в последующую алакульскую эпоху. Ко времени оформления алакульской культуры обособленные детские кладбища и погребения в одиночных крупных ямах под индивидуальными курганами почти полностью исчезают.

При характеристике любого археологического образования особое значение придается керамике. Петровская посуда неоднократно описывалась в литературе [1, с. 26, 27, рис. 2; 34, с. 97, рис. 2]. Она, безусловно, оригинальная и отличается удивительным единообразием на всей огромной территории степной и лесостепной полосы Урало-Иртышского междуречья. В будущем, возможно, и удастся выявить какие-то локальные особенности глиняной посуды тех или иных районов. Однако уже сейчас ясно, что эти отличия будут весьма незначительны. Единственным петровским памятником, посуда которого отличается некоторым своеобразием, является могильник Синташта [35, с. 95]. Расположен он на западной границе ареала, содержит ряд инокультурных компонентов и нуждается в особом осмыслении.

Общие черты керамических комплексов Южного Урала и Казахстана определяются близостью форм и технологией изготовления сосудов, техникой нанесения орнамента и набором орнаментальных композиций. Специфику коллекций петровской посуды составляют остроребериые горшки. Их характеризуют довольно приземистые пропорции, широкие горловины и узкие днища. Шейки невысокие, обычно это просто оттянутый верхний край горловины, имеющий плоский срез, обращенный наружу. К остроребериым сосудам тяготеет группа горшков таких же пропорций, но с несколько сглаженным ребром (рис. 3, 26—30).

В коллекции петровской посуды содержится значительное ко-

личество банок (до 30%). По своим формам и орнаменту они восходят к более древним местным прототипам эпохи энеолита и ранней бронзы. Эта категория сосудов отличается наибольшей консервативностью и в почти неизменном виде продолжает существовать в алакульских и федоровских комплексах.

Орнаментальные композиции включают небольшое число элементов. Это крупные заштрихованные треугольники, волнистые линии желобков, зигзаг, ногтевые защипы, ямочные вдавления. Орнамент занимает верхнюю часть тулова, иногда образуя зону у дня. В ранних комплексах часто встречаются сосуды, полностью покрытые рисунком, включая днища. Последние украшались прямыми или волнистыми линиями, ромбической сеткой, спиралью, свастическими узорами или линиями ямок. Оригинальность петровской посуде придают композиции из треугольников, вписанных друг в друга, композиции из зигзагов, разделенных вертикальными линиями, которые образуют своеобразные «древа», и ряд элементов, связанных с техническими приемами керамического производства — отпечатками тканей, примесью в глиняном тесте раковины и слюды. Рисунки выполнены в основном прочерченной техникой, реже встречаются ямочные вдавления, крупная гребенка и оттиски веревочки. На поздних этапах развития культуры в орнаментации формируется зональность и увеличивается роль геометрических рисунков: треугольников, ромбов, ступенчатых узоров.

Анализ глиняной посуды эпохи бронзы как важного культурообразующего признака невозможен без выявления техники и технологии керамического производства. В этом плане для нас очень важны интересные наблюдения, сделанные Н. Б. Виноградовым при обработке петровских комплексов Южного Зауралья и Северного Казахстана. Он зафиксировал все случаи, касающиеся текстильных отпечатков и оттисков орнаментов на внутренних стенках глиняных сосудов, и пришел к убедительному выводу, что «петровчане» изготовляли посуду на твердой основе, используя в качестве шаблонов уже готовые горшки и банки, обернутые тканью*. В свете этих наблюдений становится понятным унифицированность и специфика форм тулова петровских сосудов, а также значительная вариабильность шеек-горловин при четко выраженной остроребернности. Отметим, что технология изготовления керамики на твердой основе использовалась только в петровское и раннеалакульское время. В дальнейшем она утрачивает свое значение.

Серия металлических изделий петровского времени самая многочисленная из всех коллекций, полученных с памятников бронзового века урало-казахстанских степей. Петровские культурные слои на поселениях мы условно называем «металлонос-

* Доклад, прочитанный Н. Б. Виноградовым, на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР.

ными» из-за обилия находок, изготовленных из бронзы. В эту эпоху впервые активно осваиваются медные месторождения Урала и Казахстана и в первую очередь наиболее доступные рудные тела с выходом минералов на поверхность [36, с. 37—47]. «Петровчане» не особенно экономили металл — вещи часто теряли, сломанные или просто отслужившие свой срок орудия труда выбрасывались. Переплавка при изобилии исходного сырья, вероятно, практиковалась редко.

Краткую характеристику петровского металла можно вложить в одно понятие — пластинчатые изделия. Действительно, наиболее массовые орудия труда: двулезвийные и однолезвийные ножи различных типов, серпы-струги, тесла — все делалось на пластинах (рис. 3, 15—25) [14, с. 64, рис. 2, 1, 5, 10; 34, с. 97, 99, рис. 3]. Пластинчатая техника характерна и для женских украшений. Из тонких пластин изготавливались желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, овальные нашивные бляхи, плоские «шумящие» подвески, накладки на накосники и нагрудники, пронизи и бусы. Отливалась только незначительная категория украшений, например, крестовидные подвески, обнаруженные в кур. I могильника Графские Развалины и в культурном слое поселения Кулевчи III. На поселениях Южного Зауралья и Северного Казахстана обнаружены одностворчатые глиняные формы для отливки этих предметов.

Время бытования петровского металла укладывается в досейменский хронологический горизонт. В целом, металлические изделия петровского времени неоригинальны. Большая их часть принадлежит к кругу предметов, широко известных в синхронных культурах степной Евразии. В алакульское время формируются новые типы орудий труда и предметов вооружения, которые в значительной степени вытесняют пластинчатые изделия. Широко распространяются отливки в сложных составных формах. Уже в позднепетровских-раннеалакульских комплексах встречаются такие объемные предметы, как копья с литой втулкой и вислообушные топоры (мог. Бектениз, кур. 4; пос. Кулевчи III). Однако относительно резкая смена ведущих форм металлических изделий связана с переходным временем от средней бронзы к поздней, или, другими словами, эта смена происходит на стыке двух культур — алакульской и федоровской.

Зольники петровских слоев насыщены изделиями из кости и камня. Однако, как уже неоднократно отмечалось, поселения эпохи бронзы Урало-Иртышского региона многослойны, и отнесение каких-либо предметов к тому или иному периоду функционирования памятника всегда небесспорно. Особенно это касается орудий труда традиционных форм, бытующих в широком хронологическом диапазоне. Характер их изменения, в связи с динамикой развития и вариальностью хозяйственной деятельности различных обществ бронзового века, пока трудно уловим. Остановимся кратко на некоторых категориях вещей, которые опреде-

ляют своеобразие петровских комплексов и известны не только по материалам поселений, но и по материалам хорошо датируемых погребений.

В памятниках петровского типа часто встречаются каменные наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (рис. 3, 11—14) и реже черешковые сейменского типа. Это единственные предметы из кремнистых пород, которые, появившись в эпоху неолита, получают широкое распространение в петровских комплексах. Каменные наконечники исчезают в урало-казахстанских степях с исчезновением петровских поселений и могильников. Важно отметить редкие, но «устойчивые» находки каменных булав с коническими и биконическими отверстиями. Предметы тщательно отполированы и изящны по форме. Особая роль каменных булав несомненна. В закрытых комплексах их находят в составе многочисленного и разнообразного инвентаря богатых погребений [37, с. 154, рис. 2, 7]. Интересны по устойчивости находок в петровских могилах единичные бусы из бирюзы.

Особую яркую категорию материальной культуры петровского населения составляют костяные щитковые псалии (рис. 3,1—4,7—10). Они известны в памятниках всего обширного региона урало-казахстанских степей от Центрального Казахстана до Южного Урала [38, с. 46—72; 12, с. 138; 35, с. 94—95]. В могильнике Синташта было обнаружено 16 экз. костяных щитковых псалиев, на поселениях и могильниках Петропавловского Приишимья — 13 экз. О массовом изготовлении этих предметов свидетельствует тот факт, что на поселении Петровка II обнаружено 4 псалия, из них три представляют собой заготовки, сделанные из рога лося. Находки из Петропавловского Приишимья по форме щитка целесообразно подразделить на 3 типа: прямоугольные, круглые (дисковидные), сегментовидные. Подавляющее большинство изделий имеет шипы, вырезанные из кости вместе с планкой. Форма псалиев зависела, прежде всего, от материала, из которого изготавливался предмет. Эволюция же их шла в одном направлении — к появлению экземпляров с дополнительным торцовым отверстием в щитке, к уменьшению количества шипов и, в конечном счете, к их полному исчезновению. Бесшипные щитковые дисковидные псалии, обнаруженные в могильнике на оз. Алакуль, в могильнике Новоникольское, курган 5 и на поселении Петровка II относятся к алакульской эпохе и воспринимаются как пережиточное явление.

Итак, мы остановились на характеристике основных категорий материальной культуры памятников петровского типа. Каково же может быть их культурное определение, к каким классификационным понятиям, принятым в археологии, их следует относить? Что это — этап в развитии алакульской культуры [2, с. 22], хронологический горизонт [3, с. 34—39], или узко локальное явление, в котором отразилось сочетание местных и пришлых

традиций [4, с. 52, 53]? Материалы петровского типа мало опуб ликованы, поэтому в течение какого-то времени эта проблем будет оставаться еще спорной. Ее решение станет возможны лишь по мере публикации, накопления и изучения нового мате риала. Однако уже сегодня есть определенные основания поста вить вопрос о выделении петровской культуры.

Исходя из того определения культуры, которое было дано в начале статьи, рассмотрим, насколько самобытны памятники пет ровского типа и по каким признакам они могут быть квалифи цированы как археологическая культура.

1. «Петровка» характеризуется своеобразными, небольшими по размерам наземными постройками, принципиально отличаю щимися от крупных каркасных полуземлянок алакульского вре мени. Петровские жилища отличаются и от известных нам соору жений энеолита и ранней бронзы урало-казахстанских степей

2. Петровские поселки (во всяком случае в северных погра ничных районах) имеют оборонительные укрепления — рвы и ва лы. В изучаемом регионе зафиксировано уже около десяти фор тификационных сооружений. Этот признак отличает петровски поселения не только от алакульских, но и от соседних памят ников синхронных культур.

3. Значительным своеобразием характеризуется и петровски погребальный обряд. Он изучен еще недостаточно, но его само бытность фиксируется по ряду черт:

— существование сепаратных кладбищ, которые подразделя лись, вероятно, не только по возрастному, но и по социальному признаку;

— линейный принцип планировки могильников (в отличие о беспорядоченной скученности алаульских и федоровских кур ганов);

— наличие детских погребений в полах жилищ;

— широкое распространение погребений, сопровождающихс колесницами и захоронениями лошадей;

— своеобразие погребальных сооружений, которые резко от личаются от алакульских по наличию глиняных площадок и использованию глины при устройстве погребальных камер;

— значительная устойчивость ориентировки центральных мо гильных ям по линии З-В.

4. Металлические изделия петровских памятников отличаютс от алакульских настолько, насколько досейминский металл от личается от изделий сейминского хронологического горизонта Пластинчатые изделия петровского времени находят широки аналогии в сопредельных культурах Евразийских степей. Преем ственность петровского и алакульского металла несомненна. Су дя по позднепетровским комплексам, все типы украшений, из вестные алакульцам, сложились в петровскую эпоху.

5. Убедительным фактором самостоятельности петровки ка культурного явления является посуда. Она оригинальна на сред

нем этапе и по орнаментации и по технологии. В алакульское время была утрачена петровская традиция изготовления керамики на жестком шаблоне и произошел переход к какой-то новой технологии, специфику которой еще предстоит понять. Основным индикатором этого процесса является изменение формы тулова. Тулово алакульских сосудов округлое, а петровских — коническое. По своим технологическим приемам алакульская посуда ближе федоровско-бишкульской, чем петровской.

6. В петровское время окончательно складывается тип комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и формируется тот состав стада, которые на тысячелетие вперед будут определять экономику населения всей бронзовой эпохи. Утверждение производящего хозяйства протекало, видимо, в напряженной борьбе с населением периферийных областей, сохраняющих присваивающую экономику. Об этом свидетельствуют не только городища петровского времени, но и высокий уровень развития колесничества. В Урало-Иртышском междуречье в петровскую эпоху получают широкое распространение наиболее ранние из известных типов псалиев — щитковые с шипами. В алакульских памятниках они сохраняются, безусловно, только как пережиточное явление. Судя по исчезновению погребений с лошадьми и колесницами, воин-колесничий в алакульскую эпоху утрачивает значение и уступает место воину-всаднику со своей спецификой уздечного набора и псалиями в виде стержня.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что памятники петровского типа с полным основанием можно объединить под понятием «археологическая культура» в принятом нами определении этого термина. Определенное сходство по набору признаков между петровскими и алакульскими комплексами обусловлено их генетической преемственностью. Следует иметь в виду, что в настоящее время в массе изучены памятники не средней, а поздней «петровки» и памятники переходного петровского-алакульского типа. В нашем распоряжении совершенно нет материалов раннего этапа петровской культуры, а также комплексов, связанных с ее формированием. Все, что нам известно по материальной культуре петровского населения, отмечено печатью глубокой стабильности. Стандартная от Урала до Иртыша керамика, идентичность конструкций жилищ и погребального обряда — все говорит об уже выработанных устойчивых традициях. Особенно показательно в этом отношении сравнение казахстанских и южноуральских комплексов.

Вопрос о происхождении петровской культуры не может быть полностью решен на той источниковедческой базе, которой мы располагаем. Памятники вишневского типа, исследованные в Северном Казахстане [1, с. 21, 24, 25, рис. 1; 40, с. 106—113], безусловно, связаны с лесостепным и лесным населением Западной Сибири, и их роль в формировании такого мощного культурного пласта, как петровский, была относительно незначительной.

Степные комплексы ранней бронзы остаются неизвестными. Памятники энеолитического времени типа Суртанды [41, с. 14—187] и Ботая [42, с. 435, 436], культура которых, безусловно, явилась основным компонентом в сложении культур бронзового века, слишком далеко по времени отстоят от петровской эпохи, чтобы конкретно проследить их взаимосвязь. Ряд интересных параллелей, частично отмеченных выше, свидетельствует, что становление памятников петровского типа происходило не без определенного воздействия земледельческих культур Средней Азии.

Мы не можем принять концепцию некоторых авторов о пришлом характере петровского населения, равно как и точки зрения о бесконечных перемещениях в степи в алакульское и федоровское время. Наше многолетнее знакомство с топографией андроновских памятников и характером культурных слоев свидетельствует, что население андроновской общности было оседлым и перемещение его отдельных групп происходило в узких границах в связи с потребностями земледельческо-скотоводческого хозяйства (периодическое истощение почв, изменение климатической ситуации и т. п.). Общие черты в культурах степной полосы Евразии — раннесрубной, абашевской и петровской — также не являются результатом бесконечных миграционных процессов, хотя перемещения и взаимопроникновения групп, безусловно, имели место. Это сходство обусловлено, прежде всего, общей этнокультурной основой, которая оформилась, вероятно, еще в каменном веке. За близостью указанных культур стоит культурно-историческая общность второго порядка, которую условно можно назвать срубно-алакульской.

---

1. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
2. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
3. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М.: Наука, 1977.
4. *Потемкина Т. М.* О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье.— КС ИА АН СССР, 1982, № 169.
5. *Евдокимов В. В., Логвин В. Н., Бурнаева В. Д.* Исследования в Верхнем Притоболье.— АО—1974. М., 1975.
6. *Евдокимов В. В., Ткачев А. А.* Работы Карагандинского отряда.— АО—1978. М., 1979.
7. *Евдокимов В. В.* Работы Карагандинского отряда.— АО—1980. М., 1981.
8. *Ткачев А. А.* Раскопки могильника Нуртай.— АО—1980. М., 1981.
9. *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала.— ВАУ, 1961, вып. 1.
10. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья.— М.: Наука, 1974.
11. *Грязнов М. П.* Классификация, тип. культура.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л.: Изд-во АН СССР, 1969.
12. *Виноградов Н. Б., Зданович Г. Б.* Исследование Кулевчинского комплекса эпохи бронзы.— АО—1979. М., 1980.
13. *Генинг В. Ф., Пряхин А. Д.* Синташтинское поселение.— АО—1974. М., 1975.

14. *Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Новоникольское I.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1974, вып. 15.
15. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Ф.* Работы в Северном Казахстане.— АО—1971. М., 1972.
16. *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973.
17. *Сальников К. В.* Абашевская культура на Южном Урале.— СА, 1954, № 21.
18. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.
19. *Могильников В. А.* Исследования в Притоболье.— АО—1979. М., 1980.
20. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. 17.
21. *Бекишева А. Е., Бойко Т. А., Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Археологические памятники Среднего Приишимья.— АО—1978. М., 1979.
22. *Зданович Г. Б.* Погребальные комплексы Среднего Приишимья.— АО—1979. М., 1980.
23. *Зданович Г. Б.* Новый петровский могильник на Ишиме.— АО—1980. М., 1981.
24. *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен.— СА, 1977, № 4.
25. *Стоколос В. С.* Курганы эпохи бронзы у с. Степное.— В кн.: Краеведческие записки. Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1962, вып. 1.
26. *Ткачев А. А.* Раскопки могильника Нуртай.— АО—1980. М., 1981.
27. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука, КазССР, 1966.
28. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук.— Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1961, т. 12.
29. *Максимова А. Г.* Курумы хребта Каратау.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1973.
30. *Зданович Г. Б.* К вопросу о происхождении культур развитой бронзы Северного Казахстана.— В кн.: Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Карагандинский государственный университет. Караганда, 1974.
31. *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе.— СА, 1967, № 4.
32. *Кирго Л. Б.* Погребальный обряд и культурные традиции.— КС ИА АН СССР, 1981, № 167.
33. *Евдокимов В. В.* Работы Карагандинского отряда.— АО—1980. М., 1981.
34. *Виноградов Н. Б.* Кулевчи III— памятник петровского типа в Южном Зауралье.— КС ИА АН СССР, 1982, № 169.
35. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, вып. 1.
36. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— М.: Наука, 1970.
37. *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс у с. Кенес.— В кн.: Вопросы истории языка и литературы. Карагандинский государственный университет. Караганда, 1976, вып. III.
38. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, 1961, № 1.
39. *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях Евразийских степей.— КС ИА АН СССР, 1980, № 161.
40. *Зайберт В. Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим.— КС ИА АН СССР, 1973, № 134.
41. *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала.— М.: Наука, 1982.
42. *Зайберт В. Ф.* Исследования в Северном Казахстане.— АО—1980. М., 1981.
43. *Таиров А. Д.* Курганный могильник Николаевка II.— Отчет. Полевые археологические исследования Челябинского областного краеведческого музея в 1980 году. Челябинск, 1980. Архив ИА АН СССР.

44. *Бойко Т. А., Хабдулина М. К.* Могильник у с. Новоникольское.— Отчет. Археологические исследования в Северном Казахстане в 1977 году, том III. Челябинск, 1978. Архив СКОМ.

45. *Хабдулина М. К., Иванова Н. А., Зданович Г. Б., Виноградов Н. Б.* Исследования могильника Бектениз в Северо-Казахстанской области.— Отчет. Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году, том IV, Челябинск, 1980. Архив СКОМ.

С. Я. Зданович

ПРОИСХОЖДЕНИЕ САРГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(к постановке вопроса)

Среди проблем, относящихся к кругу андроновских, немаловажное место занимает вопрос о завершающем этапе бронзового века — его культурной специфике, связях с предшествующими историческими образованиями и роли в сложении культур раннего железного века. Уже первыми исследователями андроновских памятников Зауралья и Казахстана в 40—50-х годах конец бронзовой эпохи связывался с появлением грубой керамики с налепным валиком под шейкой [1; 2]. Период, отмеченный существованием валиковой керамики, выделялся О. А. Кривцовой-Граковой и К. В. Сальниковым в отдельный этап андроновской культуры [1, с. 180; 2, с. 109—120], а А. М. Оразбаевым — в самостоятельную замараевскую культуру [3, с. 276—279]. М. Н. Комарова в 1962 г., анализируя материалы андроновских поселений и могильников, поддержала точку зрения о культурной обособленности заключительного периода бронзового века и распространила термин «замараевская культура» на обширную область Зауралья и Северного Казахстана [4, с. 69—74].

Сложные стратиграфические условия залегания керамики с валиком на многослойных поселениях, единичность исследованных памятников, отсутствие могильников, содержащих валиковую посуду, а также неразработанность типологии керамических комплексов эпохи бронзы привели на данном этапе исследования к прочному утверждению в литературе мнения о сосуществовании посуды с валиком с собственном андроновской керамикой [1, с. 178—181; 2, с. 117; 5, с. 101]. Совершенно очевидно отсюда вытекал вывод о доживании андроновских традиций в орнаментации керамики до начала железного века [2, с. 120] и о непосредственной генетической связи между андроновской культурой и памятниками скифо-сакского мира.

В последние 15 лет в изучении бронзового века были достигнуты значительные успехи [6; 7; 8]. Была разработана типология керамических материалов эпохи бронзы Северного Казахстана [9], сделаны интересные наблюдения в области стратигра-

фии многослойных поселений [10]. Эти исследования, с одной стороны, пролили ясность на сущность исторического процесса в конце эпохи бронзы, с другой,— поставили новые проблемы. Их решение в какой-то степени стало возможным после исследования однослойного поселения финальной бронзы и единовременного ему могильника в урочище Саргары [11], а также новых раскопок и типологического анализа материалов одного из опорных памятников бронзового века Северного Казахстана — Алексеевского поселения на р. Тобол [12; 13]. Указанные работы дали убедительные доказательства самостоятельного существования валиковой керамики.

Раскопки новых археологических объектов, содержащих слои с валиковой посудой, существенно расширили представления о специфике материальной культуры, домостроительства, хозяйственной деятельности и погребальном обряде населения Северного Казахстана на заключительном этапе бронзового века. Тезис о существовании особой культуры финальной бронзы получил достаточную аргументацию [14]. Вместе с тем это ставило под сомнение тезис о непрерывной линии развития андроновской культуры и ее перерастании в культуры раннего железного века.

С одной стороны, керамический материал финального бронзового века действительно резко отличается от предшествующего ему андроновского (алакульско-федоровского), с другой,— имеет несомненное сходство с позднесрубными материалами Поволжья и даже более западных районов. Это позволило М. П. Грязнову высказать точку зрения о распространении срубной экспансии в конце II — начале I тыс. до н. э. далеко на восток, вплоть до Иртыша [15, с. 42—43]. Таким образом, накопление нового материала по заключительному этапу бронзового века Северного Казахстана выдвинуло в качестве первоочередной задачи выявление генетических корней культуры. Без этого невозможно решение других проблем изучения этого периода.

Заканчивая обзор проблематики, сложившейся в историографии заключительного этапа эпохи бронзы, необходимо отметить терминологическую неупорядоченность, касающуюся названия культуры. Как уже отмечалось, в 50—60 гг. последний период бронзового века получил наименование замараевского. Углубленное изучение памятников лесного Зауралья позволило Стоколосу В. С. совершенно определенно высказать точку зрения о черкаскульской принадлежности памятников так называемой «замараевской культуры» и о неправомерности распространения этого термина на синхронные памятники Северного Казахстана [6, с. 85].

В 1974 г. автором было предложено для культуры финальной бронзы Северного Казахстана наименование «саргаринская» [16]. Введение термина было обусловлено рядом причин: поселение и могильник Саргары — единственный на настоящем этапе исследования однокультурный комплекс этого времени. В

результате его исследования были получены обширные и безусловные данные, позволяющие характеризовать материальную культуру, хозяйственную деятельность и погребальный обряд населения на заключительном этапе бронзового века. Т. М. Потемкина в 1979 г. отнесла поздний слой Алексеевского поселения, а также известные ей памятники финального бронзового века Северного Казахстана к алексеевской культуре [17, с. 27—29], не выразив своего отношения к уже предложенному наименованию и не обосновав введения еще одного названия. Термина «алексеевская культура» придерживается и Евдокимов В. В.*

Алексеевское поселение является многослойным памятником, широко известным в литературе. Его культурный слой в одинаковой степени насыщен материалами и средней и поздней бронзы. Материалы эти в равной степени важны для изучения алакульской, федоровско-бишкульской культур и культур «валиковой» керамики. Термин «алексеевская культура» определяет применительно к финальной бронзе только незначительную часть алексеевского культурного комплекса. Этот термин не может быть правомерным, тем более, что важнейшие составные комплекса — могильник и «жертвенное место» представлены яркими эталонными материалами раннеалакульского типа.

Если керамические комплексы алексеевского поселения можно разделить типологически и с помощью статистики показать определенную обособленность его залегания, то это невозможно сделать для металлических и костяных изделий, для массового остеологического материала. Отсутствие стратиграфически выраженных слоев ставит под сомнение отнесение того или иного котлована к определенному этапу функционирования поселка, а следовательно, и культурно-историческому анализу жилищных построек. Многослойность памятника не позволяет выявить специфику хозяйственной деятельности различных человеческих коллективов. В целом культурно-хронологический подход к Алексеевскому поселению стал возможен только по мере исследования однослойного и «чистого» комплекса — поселения и могильника Саргары.

Содежание алексеевского комплекса по своей сути соответствует чуть ли не всей свите культур андроновской общности и намного превышает содержание термина, введенного Т. М. Потемкиной. Несоответствие названия и археологического состава культурных напластований может привести к неправильному пониманию самой культуры заключительного этапа бронзового века. С другой стороны, в будущем это наименование может серьезно затруднить, с точки зрения терминологии, использование в научной литературе материалов яркого и кратковременного Алексеевского могильника.

---

* См. статью В. В. Евдомикова в настоящем сборнике.

Считаю, что опыт использования в андроноведении названий культурно и хронологически многоплановых памятников (например, Замараево, Новый Кумак) применительно к конкретным археологическим явлениям, не оправдал себя. В условиях невиданного расцвета источниковедческой базы 70—80-х годов изменяются и требования к названиям археологических культур, их этапов или стадий. Если они полностью условны (например, стадии А, Б и т. п.), а проименованы по конкретному памятнику, то за этим объектом должно стоять соответствующее реальное археологическое содержание.

Прежде чем говорить о происхождении историко-культурного образования, необходимо в первую очередь определить его содержание и территорию распространения.

К саргаринской культуре мною отнесены довольно многочисленные памятники, преимущественно поселения, одним из наиболее выразительных признаков которых является грубая лепная посуда, содержащая 10—30% горшков с валиками. Признаки этой культуры достаточно хорошо описаны [16; 17]. Саргаринские памятники занимают территорию Северного и Центрального Казахстана [18, с. 197—257; 19. с. 141—148], а также соответствующую по широте территорию Зауралья в пределах Курганской и Челябинской областей [17]. Наибольшее количество памятников обнаружено в Северном Казахстане. Здесь выявлено 53 поселения, 1 могильник и 4 отдельных погребения [3, с. 270—279; 14; 21]. На 15 памятниках произведены раскопки. Поселение и могильник Саргары исследованы полностью. Поселения с валиковой посудой Центрального Казахстана их исследователи по-прежнему относят к бегазы-дандыбаевской культуре [19, с. 141]. К саргаринской [алексеевской] их относят автор настоящей статьи [14], Т. М. Потемкина [17, с. 29] и В. В. Евдокимов, который в последне годы исследовал несколько поселений в Центральном Казахстане [22; 23].

Имеющийся в наличии значительный материал как по поздней бронзе, так и по среднему периоду бронзового века дает основание рассмотреть вопрос о генезисе саргаринской культуры на материалах Северного Казахстана. Вся эпоха бронзы этого региона была разделена Г. Б. Здановичем на 3 этапа: ранний, средний и поздний [7]. К последнему этапу на современном уровне исследования можно отнести весь посталакульский период, начиная с XIII и до VIII вв. до н. э. Памятники саргаринской культуры будут завершать бронзовую эпоху. Между ними и собственно алакульскими памятниками находится культурный пласт, в котором нужно в первую очередь искать местные генетические корни саргаринской культуры. Начало позднебронзового периода необходимо связывать с памятниками федоровско-бишкульского типа. На настоящем этапе исследования мы понимаем под бишкульскими комплексами поселенческие материалы федоровской культуры.

В «чистом» виде они были выявлены работами нашей экспедиции на небольшом поселении Бишкуль IV [24]. Керамика эта обладает четкими признаками, которые позволили затем выделить ее из комплексов многослойных поселений Петровка II, Новоникольское I, Явленка I и др. Бишкульская керамика характеризуется сосудами промежуточной горшечно-баночной формы с лощеной поверхностью светлых и красных тонов и преобладанием орнаментации из каннелюр, зигзагов, наклонных линий и вдавлений (рис. 1,19—24). Для керамики бишкульского типа характерно своеобразное сочетание федоровских и алакульских черт. Алакульские традиции проявляются прежде всего в сохранении основных элементов орнаментации и технике их нанесения. Почти на каждом сосуде присутствуют алакульские зигзаги, но наряду с ними широко используются каннелюры, уголковые вдавления, «елочки», характерные для федоровской символики. При явном преобладании федоровских форм еще встречаются сосуды с уступчиком. Во всех известных нам коллекциях, содержащих бишкульскую посуду, обнаружены единичные, но ярко выраженные фрагменты федоровского облика [24, рис. 1; 10, рис. 4, 11]. В свою очередь, бишкульские сосуды редко встречаются в погребениях. Они найдены на могильнике Бурлук [26, рис. 2, 7, 8], могильнике Алыпкаш в Северном Казахстане и могильнике Путиловская Заимка II в Челябинской обл. Взаимовстречаемость бишкульской и федоровской керамики на поселениях и могильниках и отмеченные черты сходства позволяют считать эти комплексы единокультурными. Бишкульская керамика в таком случае должна рассматриваться как бытовая, а федоровская — как ритуальная. С другой стороны, бишкульская керамика наиболее ярко подчеркивает генетичскую связь и преемственность между алакульской и федоровской культурами. Такой же вывод на основе анализа металлических изделий был сделан Н. А. Аванесовой [25].

На основании имеющихся материалов можно говорить, что памятники с керамикой бишкульского типа занимают территорию Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Наиболее типичным памятником в Зауралье является пос. Кипель, где бишкульскими являются все очажные горшки [27, с. 208; 28, с. 194]. Близка бишкульской, а возможно, и идентична ей керамика канайского этапа, выделенного С. С. Черниковым в Восточном Казахстане [5, с. 98]. Севернее бишкульская керамика находит аналогии в материалах Черноозерского этапа поздней бронзы в Среднем Прииртышье [29, с. 32—36, рис. 1, 76—84]. В Центральном Казахстане бишкульская керамика известна на поселениях Атасу, Садовое [23, с. 432], Усть-Кенетай [22, с. 532].

В орнаментации бишкульской керамики впервые появляются основные мотивы орнамента саргаринской посуды: многорядовые композиции из ямочных вдавлений, оконтуренные горизонтальной

линией, пояски из наклонных линий или сеточек, узоры из «елочек», уголков, зигзаги с бахромой, ногтевые вдавления. На бишкульской посуде получают развитие редко встречающиеся в алакульских материалах зигзаги из заштрихованных полос, которые также найдут применение в саргаринской орнаментации (рис. 1,1). Абсолютное сходство по орнаментации комплекса саргаринской керамики с поселения Петровка II с комплексом поселения Бишкуль IV дает индекс 40,1 [30, таб. 31]. Это наибольший показатель сходства, который имеет саргаринская керамика с материалами местных памятников. Бишкульской традицией можно объяснить лощение поверхности ряда сосудов с поселений Петровка II и Новоникольское I. Сохраняются в саргаринской керамике и отдельные реликты бишкульско-федоровских форм.

Бишкульские племена, безусловно, явились тем основным местным пластом, той базой, на которой сформировались памятники позднего бронзового века и, в конечном счете, саргаринская культура Северного Казахстана. Вторым пластом, влияние которого существенно ощущается в облике керамики саргаринской культуры, является черкаскульский. Керамика черкаскульской культуры довольно широко известна в настоящее время на памятниках Северного Казахстана. Наиболее южной точкой распространения черкаскульского проникновения является поселение Островное I в районе г. Целинограда. Есть несколько фрагментов этой керамики и на поселении Саргары. Это не только самые южные из известных сейчас объектов распространения черкаскульской культуры, но и самые восточные. Черкаскульская керамика есть в небольшом количестве на Алексеевском и Садчиковском поселениях [13, с. 44, рис. 2, 6, 9; 1, рис. 12, 8, рис. 22, 11]. Выше по течению р. Тобол она пока не найдена. Однако находки черкаскульских памятников на юге Челябинской области, в левобережном бассейне р. Тобол (пос. Дружный I, пос. Берсуат) свидетельствуют о том, что они должны быть и в Верхнем Притоболье.

На поселениях Северного Казахстана черкаскульская керамика всегда встречается совместно с местной посудой явленского типа [7, с. 18], которая видимо, является результатом развития бишкульской керамики (рис. 1, 7—12]. На исследованных памятниках слои, содержащие черкаскульскую керамику, стратиграфически и планиграфически отделены от сооружений и слоев финальной бронзы. Наиболее выразительные данные по хронологической обособленности черкаскульской керамики получены с поселения Явленка I, где с ней связывается жилище I [31, с. 50—52]. На поселении Берсуат черкаскульская керамика перекрывается слоем с конструкциями саргаринского времени [32, с. 199—200]. Раздельное размещение черкаскульской и алексеевской керамики отмечает Т. М. Потемкина на поселении Камышное II [33, с. 102—103].

Везде, где черкаскульская керамика зафиксирована не в еди-

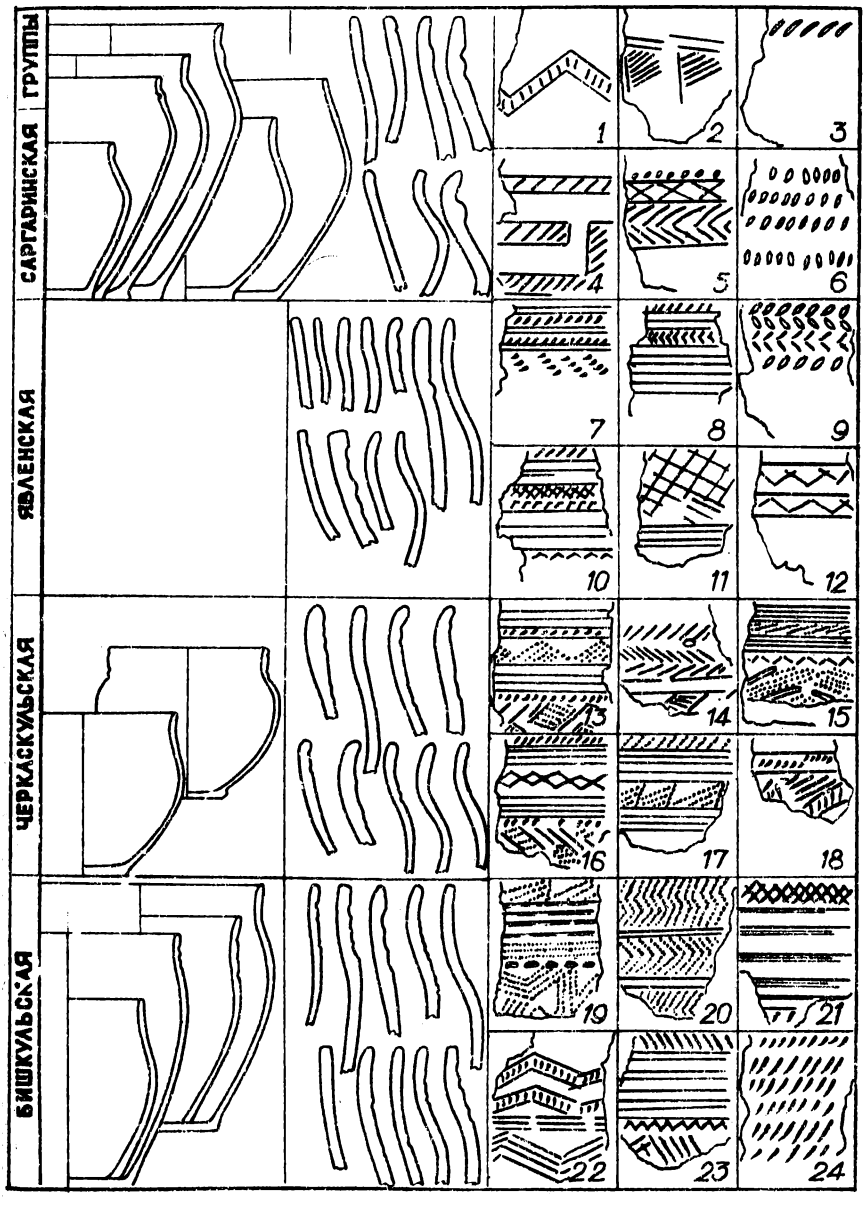

Рис. 1. Группы керамики поздней бронзы Северного Казахстана:

1—3 — поселение Саргары; *4, 16, 19, 20, 22—24* — поселение Новоникольское I; *5* — поселение Петровка II; *6* — поселение Боголюбово I; *7, 8, 13, 15* — поселение Явленка I; *9—12, 21* — поселение Петровка III; *14* — поселение Бишкуль I; *17, 18* — поселение Карьерное II

ничном количестве, она устойчиво делится на 2 группы. В первую группу входят типично черкаскульские сосуды с тальковой примесью, ярко выраженной горшечной формой и узором с использованием меандровых фигур, разделенных желобками (рис. 1,13—16). Керамика второй группы характеризуется примесью слюды, упрощением формы и орнамента за счет увеличения поясковых узоров (рис 1,17,18). Вторая группа керамики является результатом привыкания пришлого населения к местой среде. В этот период использовалась не только новая рецептура теста, но и в какой-то степени опыт аборигенов по конструированию формы и украшению посуды. Интересные примеры привыкания гончаров к новым условиям дают этнографические исследования. Гончар новейшего времени, переменив место жительства, среди местного сырья ищет «похожее», и если оно не соответствует его привычной технологии, он вынужден перенимать опыт местных мастеров. Период привыкания длится обычно несколько лет [34, с. 76, 77].

Результаты поиска новой технологии в виде некачественной продукции должны фиксироваться не только по этнографическим материалам, но и по археологическим. Вероятно, поэтому керамика на ряде черкаскульских памятников — Бишкуль V, Карьерное II и т. д.— представлена в большинстве окатанными фрагментами плохой сохранности. Слюда как примесь, заменяющая тальк, не выдержала испытаний. В качестве примеси начинают использовать песок, шамот. Меняется фактура керамики и ее облик в целом. Наиболее четко материалы этого переходного времени, передающие тесную взаимосвязь между позднебишкульской (явленской) и черкаскульской керамикой, выявлены на поселениях Явленка I, Бишкуль V, Петровка III. Они свидетельствуют об ассимиляции черкаскульского населения потомками бишкульцев.

Здесь господствует посуда без шейки с высоким прямым или дуговидным плечом и иногда отогнутым венчиком, напоминающая по профилировке сосуды саргаринской культуры. Много баночек с прямым или слегка суженным горлышком. Преобладают узоры из сеточек, елочек или вертикальных зигзагов. Широко используются треугольные, круглые, овальные и прочие по форме ямки. На каждом сосуде присутствуют линии или каннелюры (рис. 1,7—12]. Узор нанесен гребенкой или плоским штампом. Примесь слюды в керамике этих памятников имеет символическое значение, она есть во многих фрагментах, но просматривается лишь в виде мелких блесток.

Уже на небольшой коллекции можно видеть процесс выделения воротничка, на отдельных фрагментах обнаружен валик. В целом керамика становится грубее, массивнее.

Значительное влияние черкаскульской керамики на памятники лесостепных районов исследуемой территории отмечает В. С Стоколос. Это воздействие он видит в материалах Алексеевского

поселения, Нижне-Спасского, Чернореченского I и др. [6, с. 135]. Традиции черкаскульской орнаментации продолжают жить на саргаринской посуде, что нашло отражение почти во всех комплексах финальной бронзы. Представляется, что влияние черкаскульской культуры носило не только локальный характер, как считает Т. М. Потемкина [17], но и хронологический. Достаточно убедительно об этом свидетельствует сравнительный анализ материалов трех памятников саргаринской культуры, исследованных у с. Петровка — поселений Петровка II, III, IV. Памятники Петровка II и Петровка III — многослойные, на поселении Петровка IV обнаружены остатки только саргаринской культуры. Среди керамических материалов поселений Петровка II, III обнаружены фрагменты черкаскульской посуды, причем на поселении Петровка III саргаринское жилище разрушило остатки какой-то черкаскульской постройки. Наиболее ранним саргаринским комплексом является комплекс поселения Петровка II. Он существенно отличается от других по богатству орнаментации (2,3 элементов на I сосуд, на других памятниках не более 1,8 элементов) и использованию геометрических узоров. Для построения орнаментальных композиций широко используются линии и каннелюры, заштрихованные полосы и отрезки, есть ромбы. На поселении Петровка II наиболее часто применяется слюда в качестве примеси (в 35% сосудов). Это, несомненно, следы черкаскульских традиций. Черкаскульская культура в свою очередь должна была испытать обратное воздействие саргаринской культуры, о чем свидетельствуют отдельные находки степной керамики в лесной полосе [35, рис. 20,21]. В контактной зоне распространения этих культур в конце эпохи бронзы складывается своеобразный тип керамики. Значительный интерес в этом плане представляют материалы поселения Берсуат в Челябинской области [32].

Саргаринская культура является лишь небольшой частью общности культур с валиковой керамикой, которая складывается в конце эпохи бронзы на территории срубной и андроновской культур*. На современном уровне исследований можно говорить о том, что срубно-алакульские отношения были тем общим фоном, на котором протекало формирование культур эпохи поздней бронзы на обширной территории евразийских степей. Этот фон создавался в условиях переплетения судеб и тесных общений племен алакульской, а затем и федоровской культур со срубным и тазабагьябским населением. Общность исторических судеб, единые пути социально-экономического развития в условиях сходной географической среды и определенная этническая близость обусловили тот факт, что на завершающем этапе развития бронзового века сформировалась новая культурная общность, характеризующаяся распространением валиковой керамики. Эта

* См. статью Е. Н. Черных в настоящем сборнике.

общность занимала огромные просторы степного Причерноморья, Поволжья, Зауралья, Казахстана и Алтайского края вплоть до Оби. Сходство памятников в пределах этой большой культурной общности тем больше, чем меньше влияние на них неродственных по происхождению и историческому развитию культур. Видимо, именно поэтому саргаринской культуре по облику керамического материала наиболее близки культуры внутреннего региона общности — суярганская [36] и хвалынская [37].

Культура поздней бронзы Центрального Казахстана прошла, вероятно, тот же путь развития, что и в Северном Казахстане. Переходный период от поздней к финальной бронзе здесь зафиксирован материалами поселения Бугулы II [18, с. 219—228, табл. 28—31]. В целом же этот период в истории Центрального Казахстана изучен еще плохо. Особенно актуальной является тема о соотношении саргаринских (поселенческих) и бегазы-дандыбаевских (погребальных) комплексов. Находки на поселениях Северного Казахстана (Новоникольское I, Саргары) свидетельствуют о синхронном развитии этих типов керамики, а существование раздельных могильников позволяет относить их к разным культурам.

Предложенная точка зрения о генетической преемственности между федоровской и саргаринской культурами основана только на анализе керамического материала. На настоящем этапе исследования нет достаточных данных для сопоставления материального производства, домостроительства, хозяйственной деятельности. Слабо еще изучены бишкульские комплексы, практически неизвестны однослойные памятники. В связи со слабой изученностью саргаринских могильников мало данных для сравнительного анализа погребального обряда и идеологических представлений.

Сам тезис о федоровской культуре, как основном компоненте в сложении саргаринской культуры, может вызывать ряд возражений. И одно из первых — почему саргаринская культура не сложилась на всей территории, занятой федоровскими племенами? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Хронология и генезис культур поздней бронзы Западной Сибири слабо разработаны. Каждая культура требует для ответа на эти вопросы дифференцированного подхода. Однако даже в данной ситуации у нас нет оснований исключать федоровскую культуру из процесса формирования культур финального этапа бронзового века Западной Сибири. Как и для саргаринской культуры, федоровский пласт здесь не являлся единственным, что и должно было определить специфику облика материальной культуры.

Определение исторического места культурного образования и выявление его генетических корней дает основания более аргументированно подходить к датировке культуры. Для саргаринской культуры наиболее сложной и оспариваемой является верхняя дата. Весь комплекс металлического инвентаря культуры

характерен для постсейминского хронологического горизонта и датируется Е. Н. Черных в пределах XII—XI—IX вв. до н. э. [38, с. 72—75]. С началом этого периода связывается также широкое и повсеместное распространение валика в евразийских степях [36, с. 140—143; 39, с. 141—158]. Это дает основание некоторым исследователям относить возникновение валиковых комплексов Зауралья и Северного Казахстана к XII в. до н. э. [17, с. 105]. Валик действительно появляется в этом регионе в XIII—XII вв. до н. э., но связан он не с саргаринскими, а с федоровско-бишкульскими комплексами, о чем свидетельствуют пока небольшие, но достаточно убедительные находки. Между федоровской и саргаринской культурами находился период завершающего развития одной и формирования другой, что и позволило автору настоящей статьи предложить для саргаринской культуры дату X—VIII вв. до н. э. [14, с. 16, 17].

---

1. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.).— МИА, 1951, № 21.
2. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21.
3. *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы.— Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958, т. 5.
4. *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры.— АС ГЭ, 1962, вып. 5.
5. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.
6. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация).— М.: Наука, 1972.
7. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
8. *Потемкина Т. М.* Культура населения среднего Притоболья в эпоху бронзы.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
9. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
10. *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1973.
11. *Зданович С. Я., Малютина Т. С.* Саргары — культурный комплекс финальной бронзы.— АО—1974. М., 1975.
12. *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол.— СА, 1975, № 4.
13. *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол.— СА, 1975, № 1.
14. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века Северного Казахстана.— Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.
15. *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы.— КС ИА АН СССР, 1970, № 122.
16. *Зданович С. Я.* Культура финальной бронзы Северного Казахстана.— В кн.: Сборник научных грудов по гуманитарным наукам. Карагандинский государственный университет. Караганда, 1974.
17. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1979, № 2.
18. *Маргулан А. Х* и др. Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1966.
19. *История Казахской ССР, т.* I.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.
20. *Маргулан А. Х.* Бегазы — дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.

21. *Евдокимов В. В.* Новые поселения эпохи бронзы Верхнего Притоболья.— ВАУ, 1975, вып. 13.
22. *Евдокимов В. В., Ткачев.* А. А. Работы Карагандинского отряда.— АО—1978. М., 1979.
23. *Евдокимов В. В.* Исследования отряда Карагандинского университета.— АО—1979. М., 1980.
24. *Зайберт В. Ф., Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1974, вып. 15.
25. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям).— Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1979.
26. *Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы Бурлук I.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970.
27. *Сальников К. В.* Кипельское селище.— СА, 1957, вып. 27.
28. *Стоколос В. С.* О стратиграфии поселения Кипель.— СА, 1970, № 3.
29. *Генинг В. Ф.* и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1970.
30. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2201.
31. *Зданович Г. Б.* Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1973, вып. 7.
32. *Хабдулина М. К., Виноградов Н. Б., Зданович С. Я.* Исследования на р. Берсуат.— АО—1977. М., 1978.
33. *Потемкина Т. М.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол.— КС ИА АН СССР, 1976, № 147.
34. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы.— М.: Наука, 1978.
35. *Раушенбах В. И.* Керамика шигирской культуры.— КСИИМК, 1952, № 43.
36. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приуралья (II — начало I тысячелетия до н. э.).— М.: Наука, 1977.
37. *Васильев И. Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева.— В кн.: Самарская лука в древности. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1975.
38. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.
39. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.

Е. Н. Черных

ПРОБЛЕМА ОБЩНОСТИ КУЛЬТУР ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

Необходимость формулировки проблемы общности культур валиковой керамики (КВК) назрела уже давно. В той или иной степени некоторых аспектов этой проблемы касались различные исследователи эпохи бронзы Евразийских степей — О. А. Кривцова-Гракова [1, с. 157—163; 2, с. 38, 49, 161], Е. Е. Кузьмина [3], М. П. Грязнов [4, с. 43], А. М. Лесков [5, с. 56, 57], М. А. Итина [6, с. 140—143, 165, 166], С. Я. Зданович [7, с. 14], Т. М. Потемкина [8, с. 28, 29] и другие, когда им приходилось рассматривать конкретные памятники или же культуры с валиковой керамикой. Ныне публикациям этих памятников, анализу различных материалов и обобщению последних посвящено множество исследований. Естественно, что в данной работе я смогу опираться лишь на те, которые казались мне наиболее существенными для фрмулировки самой проблемы.*

В настоящей работе, носящей по существу тезисный характер, мне хотелось бы коснуться ряда вопросов, составляющих упомянутую проблему, а именно: территория общности, период бытования КВК, определение самих культур, их родственные черты, основные зоны общности, истоки валиковой керамики. Само собой разумеется, что практически все решения, которые будут изложены здесь в самой сжатой форме, должны считаться предварительными, требующими более развернутых доказательств и, зачастую, существенных уточнений. В большей степени я хотел бы остановиться на деталях, роднящих эти культуры. Тема различий самих культур во многом останется за рамками настоящей статьи.

Финальный период позднего бронзового века, приближенно соответствующий времени с XIII/XII по IX/VIII вв. до н. э., характеризовался весьма примечательным феноменом. В Евразий-

* Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить С. Я. Зданович, предоставившую в мое распоряжение свои пока что неопубликованные материалы.

ских степях, лесостепях и полупустынных областях (рис. 1) сформировался целый ряд культур, керамика которых в качестве обязательного компонента включала в себя горшки, украшенные под венчиком, по горлу или по плечикам одним валиком. Валик мог быть гладким либо рассеченным ногтевыми защипами или рисками; нередко его концы свисали на тулово сосуда наподобие «усов» (рис. 2,8). Доля подобной керамики в бытовых памятниках всех культур колебалась в среднем приблизительно в пределах 15—40%, хотя наблюдались и значительные отклонения в ту и другую сторону. Валиками преимущественно украшались горшки, гораздо реже — относительно слабо профилированные банки, а также сравнительно узкогорлые большие сосуды.

Культуры валиковой керамики охватывали чрезвычайно обширную территорию: от Алтая на востоке до северо-востока Балкан, Нижнего Дуная и Восточных Карпат на западе; от восточно-европейской и западносибирской лесостепи на севере вплоть до Крыма и низовьев Дона, среднеазиатских пустынь и предгорий, Северного Афганистана и, видимо, северо-восточного Ирана на юге (рис. 1). Можно полагать, что общность КВК охватывала эти гигантские пространства по существу без перерывов, хотя тезис этот и остается пока что гипотетичным. На археологической карте культур и памятников этого времени остается все еще много белых пятен (рис. 1), обусловленных недостаточностью полевых исследований. Кроме того, в большинстве восточных областей слои культур валиковой керамики, как правило, залегают совместно с более ранними. Смешанный характер этих памятников затрудняет процесс понимания самих культур.

Предварительно в общности КВК можно наметить три зоны: две основные и одну контактную. Восточная, гигантская, зона охватывала степи и лесостепи от Алтая до Дона и, может быть, северные полупустыни Средней Азии. Западная, или «фракийская», зона занимала несравненно меньшие пространства и локализовалась на северо-востоке Балкан, в низовьях Дуная, Восточных Карпатах и в Прикарпатье вплоть до Днестра. Контактная зона располагалась преимущественно в Северном Причерноморье — от Днестра до Северского Донца (рис. 1).

С точки зрения выделения археологических культур, гораздо более разработанными представляются западная и контактная зоны. На западе намечены культуры типа Пшеничево-Бабадаг [9, с. 82—97, рис. 4, 19, 20] на северо-востоке Балканского полуострова и в Добрудже, культура Кослоджень (рис. 2) в низовьях Дуная [10, с. 121—152], культура Ноа, локализованная в основном в Прикарпатье, Молдове и Молдавии, и последующие за ней памятники (рис. 3) т. н. фракийского гальштата [10, с. 152—160; 11, с. 385—393; 12, с. 143—203; 13, с. 6—52, рис. 4,16.15—26]. Контактная зона представлена степными культурами (рис. 4) — сабатиновской [5, с. 12, 25—29 сл.; 14, с. 16—34 рис. 2, 20, 26—28, 33, 39; 15, с. 413—418; 16] и белозерской

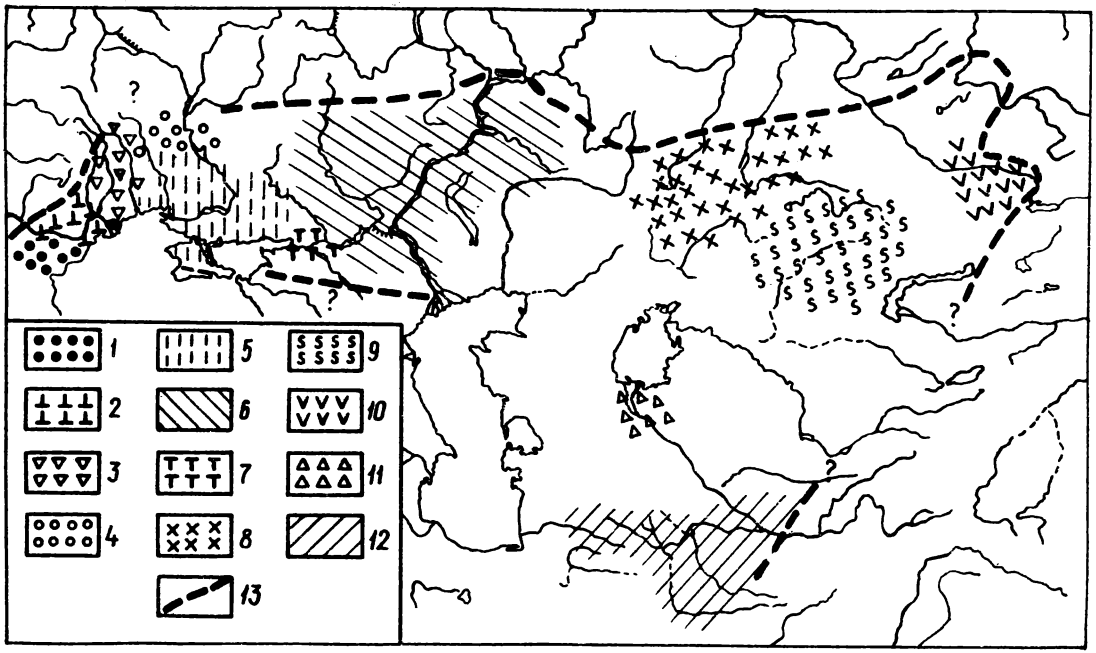

Рис. 1. Карта культур валиковой керамики:

1 — Пшеничево-Бабадаг, *2* — Кослоджень, *3* — Ноа и памятники фракийского гальштата, *4* — белогрудовская и чернолесская, *5* — сабатиновская и белозерская, *6* — срубно-хвалынская, *7* — кобяковская, *8* — саргаринская, *9* — поселения бегазы-дандыбаевской культуры, *10* — памятники трушниковского типа, *11* — амирабадская, *12* — памятники типа ЯЗ I — Тилля-тепе, *13* — предполагаемые границы общности КВК

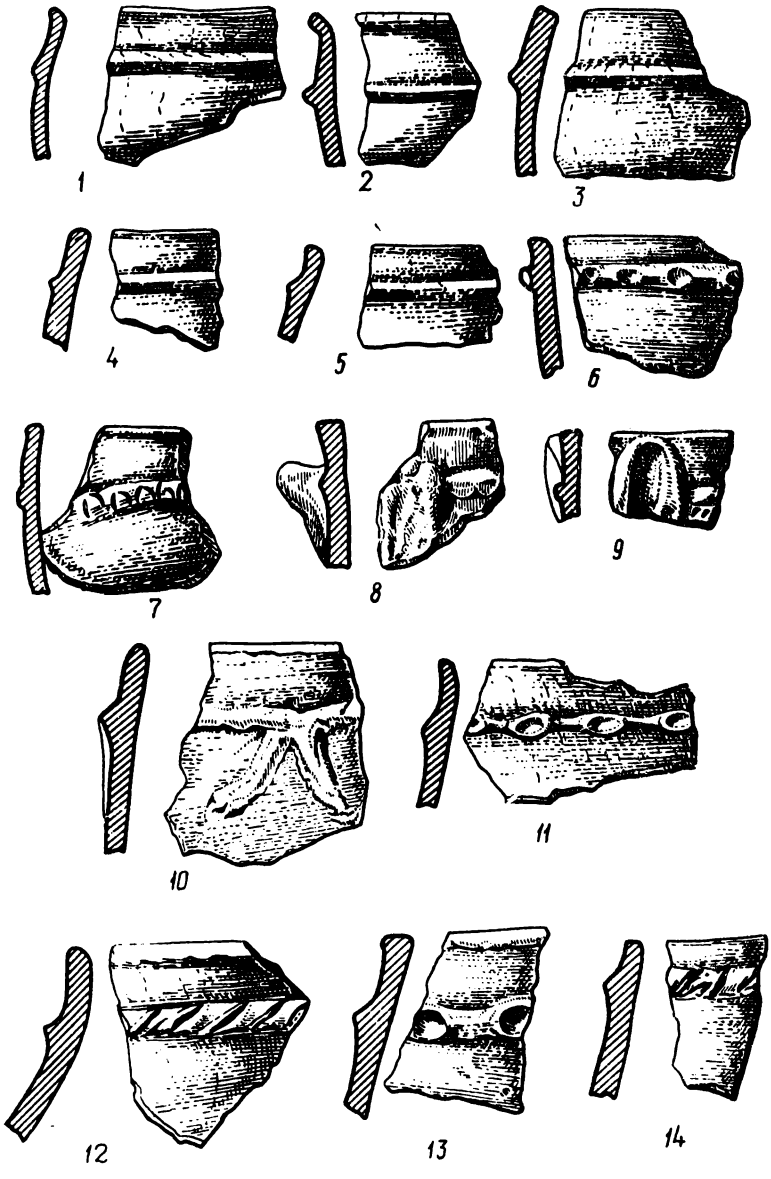

Рис. 2. Валиковая керамика культуры Кослоджень:
1—9 — поселение Султан, *10—14* — поселение Улму (по С. Моринтцу)

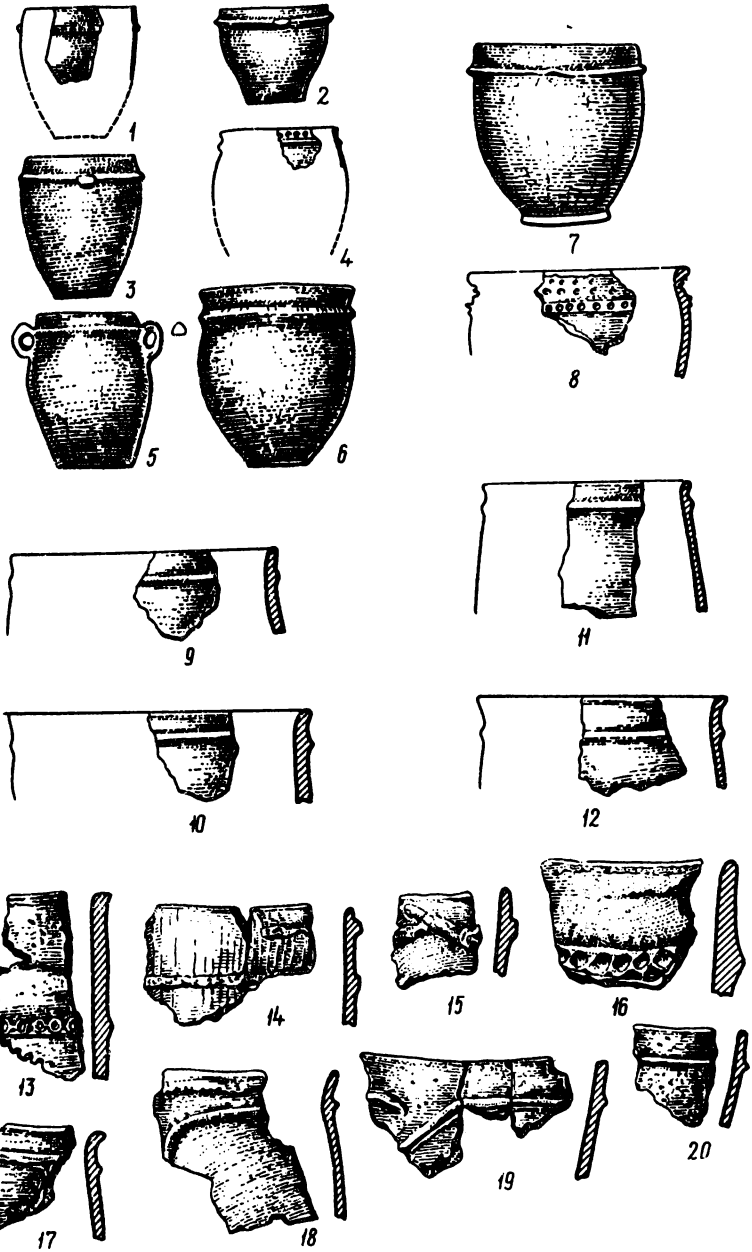

Рис. 3. Валиковая керамика культуры Ноа и памятников фракийского гальштата:

1 — поселение Гырбовец; *2, 3* — поселение Дойна; *4* — поселение Андриешени; *5, 6* — поселение Трушешти; *7, 8* — поселение Островец; *9—12* — поселение Гиндешты; *13—20* — Кишиневское поселение (по А. Флореску, Э. А. Балагури, А. И. Мелюковой)

Рис. 4. Валиковая керамика сабатиновской и белозерской культур:

1—8 — поселение у Белозерского лимана; *9* — поселение у Червоного озера; *10, 12* — поселение Ушкалка; *11* — поселение Кирово (по О. А. Кривцовой-Граковой, иА. М. Лескову)

[15, с. 13—25, 29—44 сл.; 17, с. 199, 204]. В низовьях Дона к ним примыкают немногочисленные памятники кобяковской культуры [18, с. 45—53, табл. I—XV]. Лесостепную Украину занимали культуры белогрудовская и более поздняя чернолесская, чьи керамические коллекции также в немалом количестве содержали сосуды с валиком [19, с. 47—82]. Генетические корни белогрудовской культуры, как считают [19, с. 198; 20, с. 404], восходят к предшествующим тщинецко-комаровским древностям, чьи основные центры локализовались западнее, и в керамике которых также имелась валиковая керамика [21, с. 134, рис. 11; 22].

Для восточной зоны процесс выделения культур начался в сущности сравнительно недавно. Если основываться на ранее намеченных, но сейчас подвергаемых справедливой ревизии археологических подразделениях, восточную зону будут представлять

памятники т. н. срубно-хвалынского типа (рис. 5) или же материалы второго этапа срубной культуры Волго-Донского бассейна, по О. А. Кривцовой-Граковой [1, с. 157—163; 2, с. 38 сл.], а также замараевские памятники в системе андроновской культуры, по К. В. Сальникову [23, с. 285—293, 323—325, 348—351]. Мне кажется безусловным, что, в восточной зоне будет выявлен целый ряд культур намечаемой общности КВК. Первыми в цепи таких попыток стали исследования саргаринской культуры (рис. 6) С. Я. Зданович [7] и алексеевской культуры Т. М. Потемкиной [8, с. 27—29]. Видимо, к той же общности будут относиться и памятники трушниковского типа на Западном Алтае и в Восточном Казахстане [24, с. 98—104, табл. XXIX, 9, II; XXX, 4; XXXI, 13; IV, 1, 4—7, 17; L VIII, 3, 4 и др.], а также целый ряд поселений бегазы-дандыбаевской культуры (рис. 7) в Центральном Казахстане [25, с. 198—238, рис. 155—157, 174 и др.]. Памятники последней, на мой взгляд, требуют дополнительного исследования с целью более четкого выявления комплексов валиковой керамики и отчленения от них прочих, связанных с валиковыми сравнительно слабо или же вовсе чуждых им.

В цепи среднеазиатских культур лучше всего нам известна амирабадская (рис. 8), исследованная М. А. Итиной [6, с. 147—172] и примыкающая по ряду своих важнейших деталей к казахстанским культурам. Видимо, особое место в системе общности КВК занимают памятники типа Яз I на орошаемых землях Маргианы, где также найдены достаточно многочисленные горшки с валиковым оформлением [26, с. 37, табл. XXVII, 7; XXVIII, 2, 6]. Подобные же находки, сопровождаемые литейными формами ножей с кольцевым упором у черенка, известны и в более западных памятниках Туркмении, в слоях, лежащих выше Намазги VI (раскопки А. Я. Щетенко). Своеобразие этих памятников, однако, настолько велико, что, по всей вероятности, следует поставить вопрос об особой южной, среднеазиатско-иранской, зоне в общности КВК, поскольку сходная валиковая керамика открыта и в более южных областях Афганистана [27, с. 21, рис. 7—10, 12, 22, 38].

Практически для всей общности, кроме керамики, весьма характерным является и морфологически сходный набор бронзовых орудий (рис. 9). Следует, однако, иметь в виду, что общность КВК входила в системы преимущественно двух крупных металлургических провинций — Европейской и Евразийской [28, с. 70—77] (рис. 9). Граница между провинциями проходила в областях Поднепровья и Левобережной Украины. Сама граница отличалась наибольшей четкостью лишь в период XIII/XII вв. до н. э. или же в несколько более раннее время, когда наблюдался апогей металлургического производства в очагах Европейской провинции. Однако даже на этой, ранней фазе наблюдаются глубокие взаимопроникновения типов изделий в пределы обеих провинций, примером чему может служить клад из Сосновой

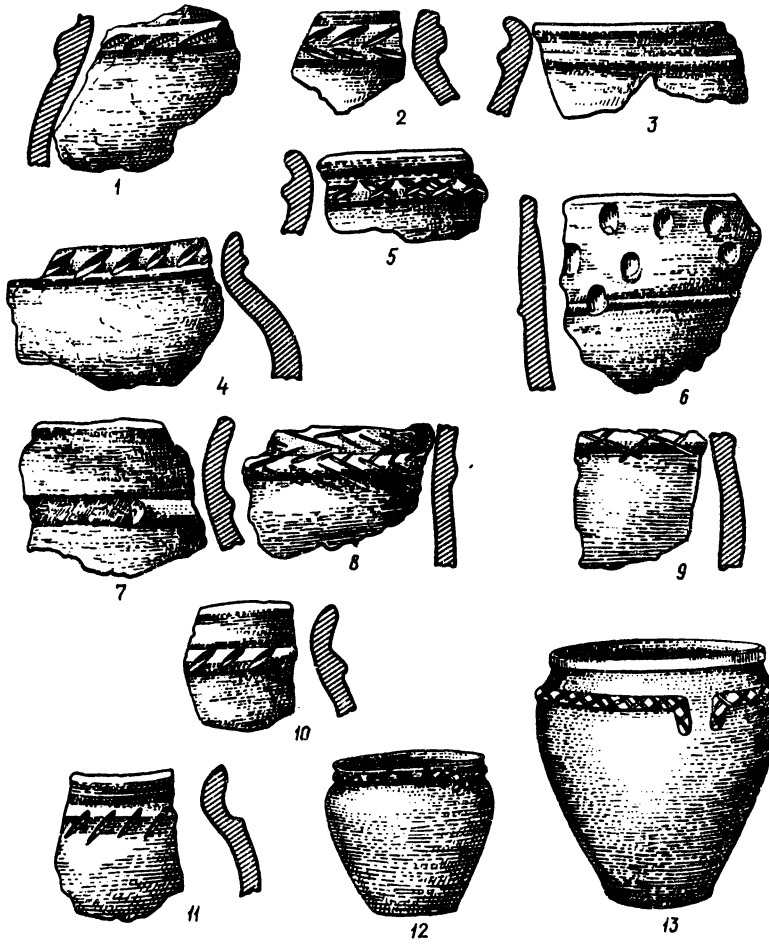

Рис. 5. Валиковая керамика с памятников бассейна Дона (1—6) и Волги (7—13):

1—6 — поселение у Ляпичева хутора; *7, 8* — поселение Грачев сад; *9—13* — Ивановское селище

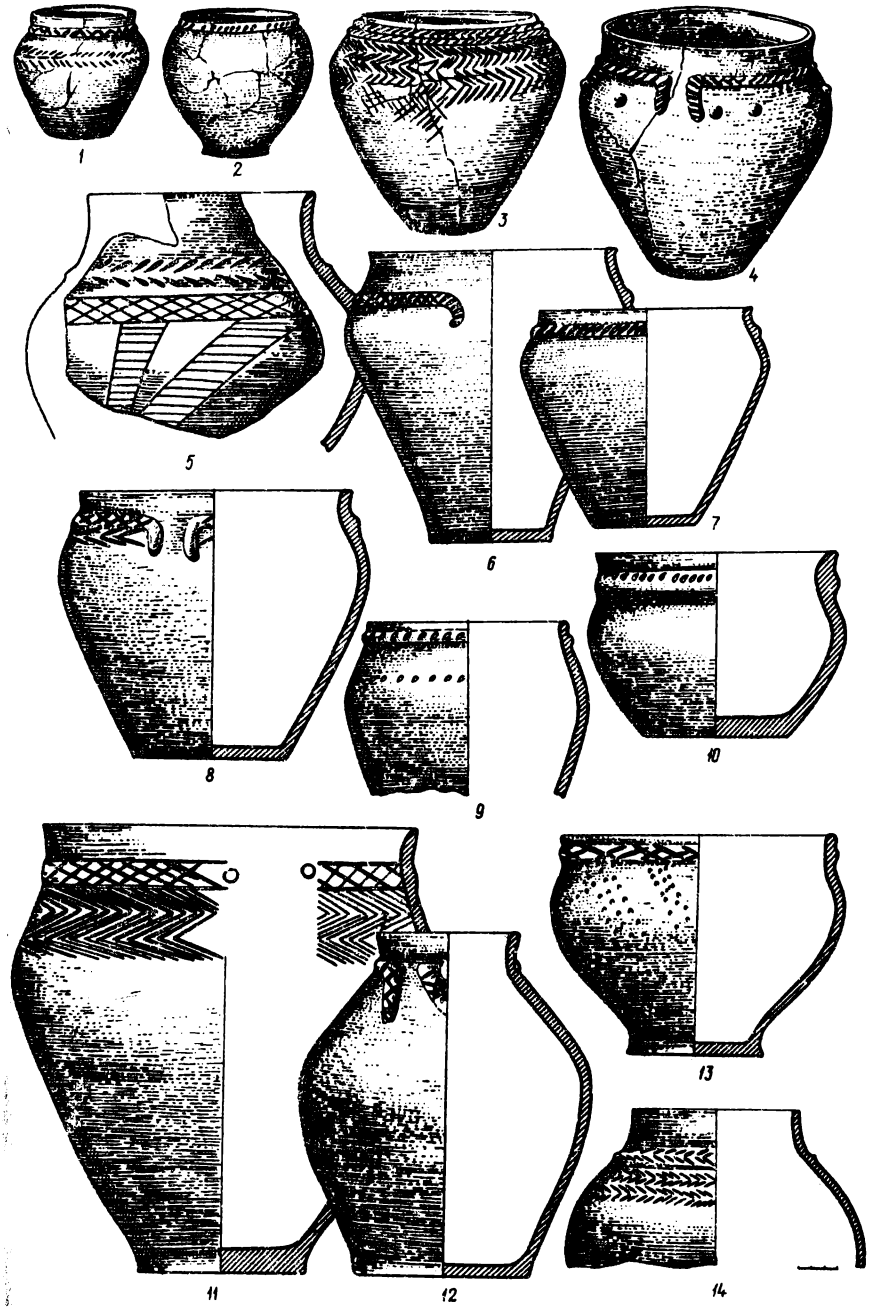

Рис. 6. Валиковая керамика саргаринской культуры:

1—4 — поселение Алексеевка; *5, 8, 14* — поселение Саргары; *6, 7, 10* — поселение Новоникольское I; *9* — поселение Явленка I; *11, 12* — поселение Петровка II; *13* — могильник Саргары (по О. А. Кривцовой-Граковой и С. Я. Зданович)

Мазы [26, с. 158, рис. 58, с. 183] и другие комплексы. На следующей фазе в Балкано-Карпатских очагах происходит резкий упадок металлургического производства. Именно тогда границы между обеими провинциями оказываются сильно размытыми. В самом общем виде можно полагать, что восточная зона общности КВК входила целиком в Евразийскую металлургическую провинцию, западная и контактная зоны — в Европейскую. Не вполне отчетливым в настоящее время рисуется соотношение древностей

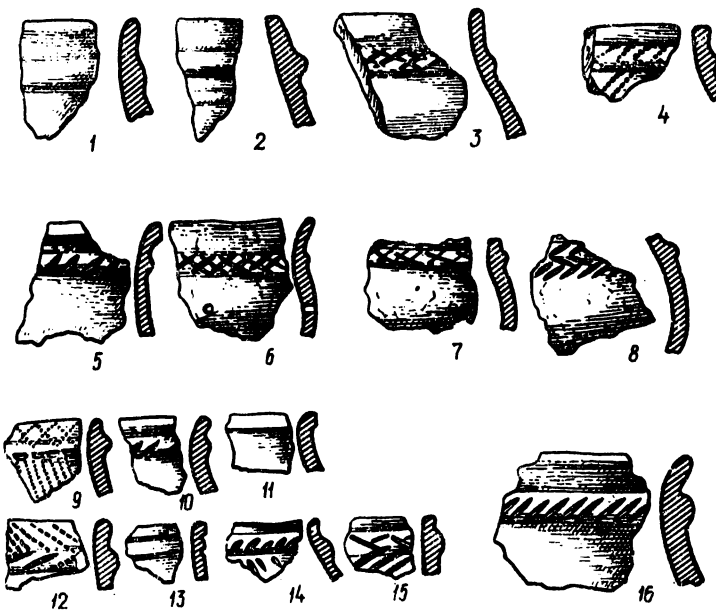

Рис. 7. Валиковая керамика бегазы-дандыбаевской культуры:
1—15 — поселение Шортанды-булак; *16* — поселение Тагибай-булак (по А. Х. Маргулану)

ирано-среднеазиатской зоны с Евразийской провинцией. Безусловно, что северные памятники этой зоны входили в эту систему. В отношении же южных комплексов, расположенных на юге Средней Азии и в Северном Афганистане, утверждать что-либо определенное пока что сложно. Тезис о соотношении зон общности КВК с системами Евразийской и Европейской металлургических провинций, изложенный здесь, кажется справедливым, по крайней мере для ранней даты — XIII/XII вв. до н. э. В более позднее время соотношение между культурами отдельных зон и металлургическими провинциями,— особенно для объединений контактной зоны, например, для белозерской культуры,— уже не столь определенно [29, с. 188, 189, 198].

К общим видам металлических орудий КВК можно отнести кинжалы сосновомазинского типа (рис. 9, 35, 45) с цельнолитыми рукоятями, характерные для восточной зоны; в западной и

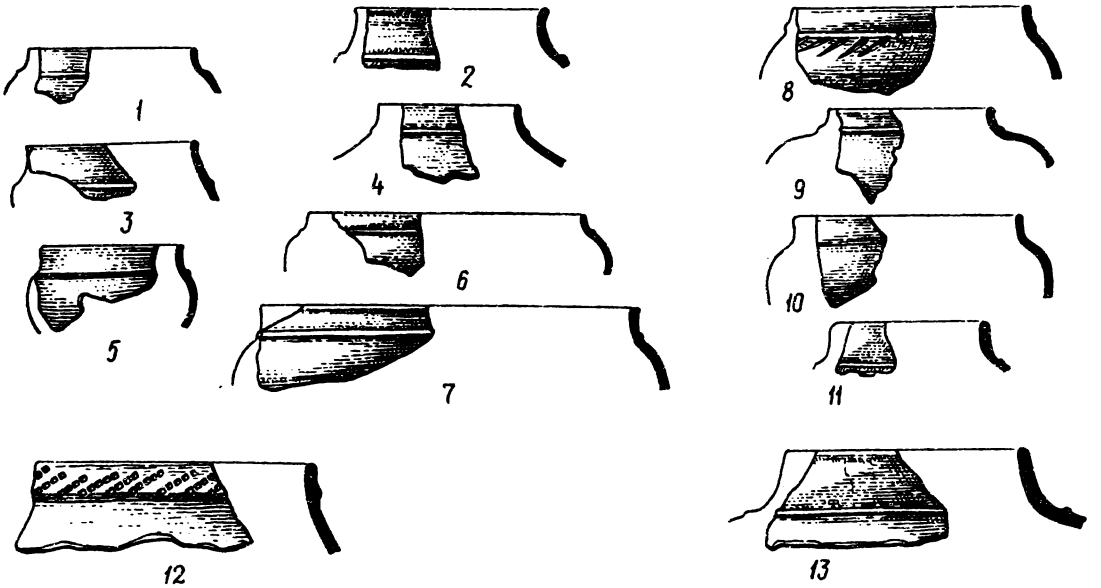

Рис. 8. Валиковая керамика амирабадской культуры:
1—7 — поселение Якке-Парсан 14; *8—11* — поселение Кокча 1; *12, 13* — поселение Каунды I (по М.. А. Итиной)

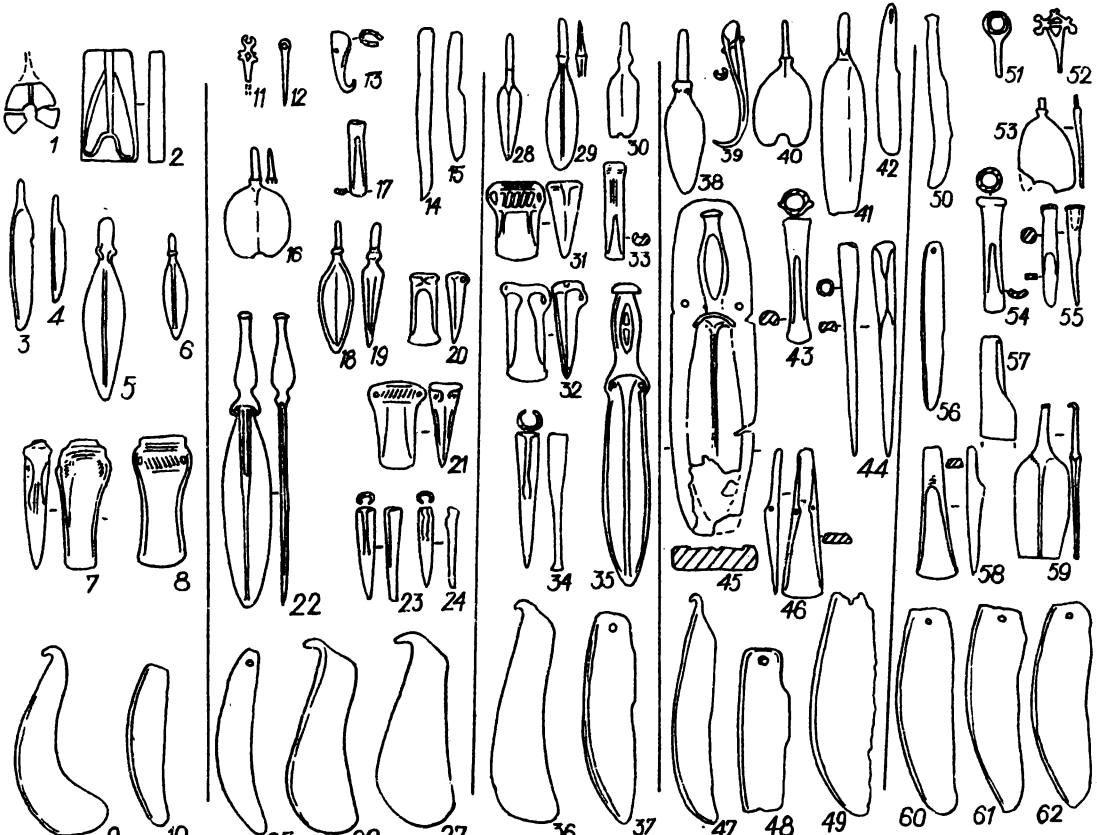

Рис. 9. Некоторые сходные формы металлических изделий общности КВК: 1—10 — Болгария (2, 5, 7, 8) и Румыния (1, 3, 4, 6, 9, 10); 11—27 — Молдавия, Украина и Воронежская область (16); 28—37 — Повложье; 38—49 — Зауралье и Казахстан; 50—62 — Средняя Азия;

Пункты: *1* — Томешть; *2* — с. Фурен (литейная форма); *3* — Султана; *4* — Гура Доброджей; *7* — Поп Груево (Коджа Олар); *8* — г. Галиче; *9* — Одэиле Подари; *10* — г. Меджидия; *11* — Гиндешты; *12* — поселение Кирово; *13, 18, 19, 23, 24* — клад из Лобойкова; *14* — Нижнее Поднепровье; *15* — поселение Демская балка; *16* — клад из Терешкова; *17* — клад из Соколен; *20* — клад из Князьгригорьевки; *21* — Мариупольский район; *22* — Ингульский клад; *25* — Полтавская область; *26, 27* — клад из Кабаковских хуторов; *28* — с. Апалиха; *29* — Среднее или Нижнее Поволжье; *30, 33, 36* — Дербеневский клад; *31* — с. Борма, Куйбышевской области; *32, 35, 37* — клад из Сосновой Мазы; *34* — село Ильдяково ТАССР; *38, 44* — поселение Саргары; *39* — поселение Жабай-Покровка II; *40, 41* — могильник Саргары; *42* — поселение Алексеевка; *43, 49* — поселение Новоникольское I; *45, 46, 48* — поселение Петровка II; *47* — поселение Явленка I; *50, 51, 56* — поселение Дальверзин; *52—55, 57—62* — Шашминский клад (Северная Киргизия)

контактной зонах известны т. н. ингуло-красномаяцкие кинжалы, рукояти которых часто приливались к клинку (рис. 9, 22). Входят в широкое и повсеместное употребление ножи-кинжалы с кольцевыми упором-утолщением у основания черенка (рис. 9, 6, 18, 19, 29 и др.). Много отливалось широких косарей сосновомазинского типа (рис. 9, 37, 48, 49), а также крюкастых, широких, слабо изогнутых серпов дербеденевского или же кабаковолобойковского типов (рис. 9, 26, 27, 36 и др.). По всей территории известны втульчатые литые желобчатые долота (рис. 9, 17, 33, 43, 54). Весьма примечательной, хотя и немногочисленной категорией, являлись т. н. «ножи-бритвы» с фигурным лезвием; их металлические находки и литейные формы встречаются от Северного Тянь-Шаня (Шамшинский клад) вплоть до Болгарии (рис. 9, 1, 2, 16, 30, 40, 53). Достаточно много производилось и однолезвийных ножей с относительно слабо выделенной рукоятью (рис. 9, 3, 4, 14, 15, 42, 50, 56) и некоторых других видов изделий.

В качестве общего явления, характерного для культур восточной и контактной зон, выступает наличие целого ряда больших и малых грунтовых могильников и, в какой-то мере, отказ от подкурганного обряда захоронения [5, с. 19—21; 30, с. 146 сл.; 31, с. 85]; причем это явление, по крайней мере, в культурах контактной зоны было выражено ярче. Подкурганный обряд погребения, как известно, был практически обязательным для населения предшествующего периода от Правобережной Украины до Зауралья. Появляется большое количество вытянутых захоронений [5, с. 24], вместо скорченных, господствующих в предшествующее время. Все это также сближает культуры валиковой керамики.

Общие черты наблюдаются также и в домостроительстве. Наземные дома здесь, как правило, сочетаются с полуземлянками, хотя в культурах западной и контактной зон встречается множество зольников, в которых ряд исследователей видит остатки жилищ неясной конструкции [13, с. 6—18; 19, с. 6—10 и др. работы]. Много общего отмечают исследователи и в составе стада, которое обычно в своей основе было трехкомпонентным: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь. Однако в лесостепной зоне значительную роль играло и свиноводство. Пропорция между всеми компонентами менялась, вероятно, в зависимости от экологического окружения [5, с. 17—19; 7, с. 17—18; 18, с. 17; 25, с. 257—263; 32, с. 266—272*; 33, с. 81—83].

Различия между отдельными КВК я хотел бы затронуть лишь

---

* К сожалению, в работе В. И. Цалкина [32] из памятников срубной культуры не вычленены комплексы с валиковой керамикой, а стадо рассматривается суммарно.

в пределах трех выделенных в общности зон. Отличительные, равно как и сходные, черты полнее всего прослеживаются здесь опять-таки на керамике и металле. Разница в формах металлических изделий явилась прежде всего результатом вхождения культур западной и контактной зон в систему чрезвычайно мощных металлургических и металлообрабатывающих очагов Европейской металлургической провинции. С культурами же восточной зоны были связаны очаги, являвшиеся центральными и основными в системе постсейменского хронологического горизонта Евразийской провинции. Особенности металлургического производства в очагах этих крупнейших систем уже неоднократно обсуждались в литературе [28, с. 76—77; 29, с. 172—173 и др. работы].

Различия керамики наиболее четко ощущаются прежде всего на ее т. н. «втором» компоненте. В культурах западной и контактной зон обязательно присутствует комплекс западной, «фракийской», керамики, резко отличающейся от валиковых горшков едва ли не по всем признакам. Это, как правило, относительно низкие сосуды с широким горлом, снабженные или одной ручкой (черпаки) или двумя (кубки). Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины. Поверхность сосудов хорошо заглажена или, чаще, заполирована. Нередки резной орнамент и каннелюры. В тот же комплекс посуды входят и большие сосуды — «кубки», а также лощеные и украшенные шишечками-налепами. В качестве общего правила отмечается увеличение подобной посуды и ее качественного разнообразия по мере продвижения на запад.

Так называемый «второй» компонент керамики в культурах восточной зоны ни технологически, ни по своим формам принципиально не отличается от первого — «валикового». Горшки сходных форм, но без валиков, известны также и в культурах контактной и западной зон, но в гораздо меньшем количестве. Также в качестве закономерности можно отметить заметное уменьшение такой керамики по мере продвижения на запад (например, в контактной зоне).

Очень сложно решить вопрос о сочетании степных форм валиковой керамики и бронзовых орудий в среднеазиатских и афганских памятниках типа Яз I — Тилля-Кучук-тепа и других с иными материалами. Среди последних, кроме валиковой керамики, вычленяются как бы два компонента. Первый из них — т. н. серая гончарная керамика — безусловно, уходит своими корнями к предшествующей посуде культур типа Намазга V и VI — Сапалли — Джаркутан [3, с. 150—154; 34, с. 101—129, рис. 51, табл. 12—23]. Происхождение второго — лепных сосудов с росписью — является предметом бурных дискуссий [34, с. 126—128; 35, с. 44—48 и др. работы]. Следует лишь заметить, что попытки связать расписные сосуды со степной керамикой вряд ли могут считаться обоснованными: это принципиально чуждые друг другу явления как по своей морфологии, так и технологическим

показателям. Для некоторых исследователей зачастую именно памятники с расписной керамикой являются олицетворением т. н. «эпохи варварской оккупации» юга Средней Азии, севера Афганистана и Ирана, связанной с нашествием северных скотоводов. С моей точки зрения, если и можно говорить о подобной «варварской оккупации», то лишь в связи с появлением здесь комплекса валиковой керамики в сочетании со степными формами металлических орудий. Может быть, именно эта посуда является наиболее ярким археологическим свидетельством тесных контактов степных народов с югом и расселения ранних индо-иранских народов в конце II и начале I тыс. до н. э. по Иранскому плато.

Вся общность КВК, если признать ее за реальность, сложилась в весьма короткий отрезок времени — преимущественно в XIII/XII вв. до н. э. Это следует из набора весьма выразительных форм бронзовых орудий и литейных форм, соответствующих в основном продукции ингуло-красномаяцкого и лобойковского очагов в Северном Причерноморье. Эти же формы известны далеко на востоке, практически по всей общности КВК (рис. 9, 1,2,9,10,16,25—27 и др.). Все датировки базируются на хронологической шкале множества кладов балкано-карпатской зоны Европейской металлургической провинции. Иногда встречающиеся в литературе более поздние даты тех же типов орудий в памятниках восточной зоны КВК вряд ли могут быть приняты.

Постсейминский хронологический горизонт Евразийской провинции, который также можно назвать горизонтом КВК, расчленяется, видимо, на две хронологические фазы: раннюю, или фазу сложения общности,— не позднее XIII—XII вв. до н. э.* — и позднюю — XI—IX/VIII вв. до н. э. Как и в любых других общностях, ранняя фаза сложения КВК характеризовалась наибольшей степенью сходства самих культур и уровня их взаимосвязанности. Это всегда проявляется намного ярче при сравнении с позднейшими фазами развития тех же культур. Правда, процессы эти наиболее отчетливо проявились в КВК на металле.

Намеченным хронологическим фазам четко соответствует смена культур в контактной зоне: ноа и сабатиновской — для ранней, памятников фракийского гальштата и белозерской — для поздней [5, с. 4, 46—52]. Установить аналогичные процессы в восточной зоне гораздо сложнее. На мой взгляд, на востоке существенно легче выделить ранние комплексы КВК по присутствию в них характерных бронз, сходных с лобойковским и ингуло-красномаяцким типами (например, ряд комплексов саргаринской культуры). Поздние комплексы следует, вероятно, вычленять из тех, что не содержат упомянутых форм металла. Однако работа эта по существу еще не начиналась.

Не исключено, что для позднейших комплексов КВК восточ-

* Не исключено, что начало фазы может быть удревнено вплоть до XV/XIV вв. до н. э. См.: [44, с. 257—261].

ной зоны будет весьма характерным наличие достаточно заметных черт карасукской культуры, отмечаемых, к примеру, на некоторых материалах бегазы-дандыбайской культуры*, в комплексе Тагискена [36, с. 32—38] и других. Эти черты проявились в ряде керамических форм, а также выгнутообушковых однолезвийных ножей с рукоятями. Однако и названная гипотеза также требует тщательной проверки.

В поисках истоков самой валиковой керамики я хотел бы привлечь внимание к культурам западной, «фракийской», зоны. Именно здесь горшки с валиками по горлу употреблялись, начиная с раннего бронзового века или же — в абсолютных датах — со второй половины IV тыс. до н. э. [37, с. 228—316, 497—519], и без каких-либо заметных хронологических перерывов изготовлялись вплоть до рубежа нашей эры, где хорошо известны в памятниках гето-дакийской и иных культур. В эпоху ранней бронзы область культур с валиковой керамикой была достаточно обширной и охватывала многие области Центральной Европы, север Балкан, Карпатский бассейн и другие районы**.

Предварительные наблюдения позволяют говорить, что в последующие эпохи средней и поздней бронзы эта зона, кажется, сокращается. Однако, начиная с раннебронзового века, всегда горшки с валиками сочетались с иной посудой — кувшинами, мисками и, зачастую, пифосами [см., например, 37, с. 223, табл. 40]. Весь этот комплекс керамической посуды, варьируясь от эпохи к эпохе, от культуры к культуре в своих формах и типах, в соотношении между названными категориями керамики, сохранял тем не менее свой принципиальный характер.

В контактной зоне общности КВК в качестве предшествующего и довольно кратковременного объединения известна т. н. культура многоваликовой керамики [42, с. 10—15, рис. 4—6; 43, с. 10]. Она или, по крайней мере, ее позднейшие комплексы синхронны восточным — новокумакским, абашевским, синташтинским. Некоторые формы ее посуды морфологически достаточно близки тем, что развились здесь в последующей сабатиновской культуре, входившей уже в общность КВК. Последняя, вероятно, немало заимствовала от культуры многоваликовой.

Для культур сейминского хронологического горизонта восточной зоны КВК валик на керамике был нехарактерен. Валиковая посуда — явление здесь внезапное и довольно скоротечное. Все сказанное делает как будто вполне реальной гипотезу о запад-

---

* Эта достаточно широко распространенная точка зрения ныне весьма активно оспаривается А. Х. Маргуланом [25, с. 64—66].

** Литература по этому вопросу весьма велика. К примеру, множество данных по ранней валиковой керамике опубликовано в материалах Симпозиума по баденской культуре [38, с. 71, рис. 2, 4; 39, с. 171, рис. 2, 7,8,11, рис. 9, 4; 40, с. 269, рис. 5, 1—3,5,12,18; 41, с. 415, рис. 12, 4—6, рис. 14,2, рис. 15, 11—13, 15—17 и др. работы].

ных корнях рассматриваемой в настоящей работе орнаментации керамики.

Указание на корни валиковой орнаментации отнюдь не определяет решения проблемы истоков всех КВК изучаемой общности. У меня, например, как и у многих других исследователей, не вызывает сомнения местный фундамент сложения КВК т. н. срубно-андроновского круга, если пользоваться традиционными определениями. Здесь западные влияния сказались сильнее всего на орнаментации горшков и формах металлических орудий. Намного более существенным было западное влияние на КВК контактной зоны Северного Причерноморья, где об этом свидетельствует едва ли не весь комплекс металлообработки и большая доля т. н. «фракийской» керамики. Известны отдельные проникновения металлических форм и комплексов вплоть до Болгарии [44, с. 202, табл. 40, 9,10, с. 235, табл. 63, 7] и Румынии [10, с. 94, рис. 53], что также отражено в предлагаемой работе (рис. 9, 1—10). Некоторые румынские исследователи — А. Флореску и особенно С. Моринтц [10, с. 158—159] — склонны, на мой взгляд, преувеличивать восточные влияния, сказавшиеся на керамическом материале, и выводить едва ли не весь валиковый комплекс из северопричерноморских степей. Последнее вряд ли может найти подтверждение при анализе материала.

Исторический смысл выявления общности КВК самого конца бронзового века видится мне прежде всего в том, что за этим стоит выпуклая прорисовка весьма обширной и интенсивной системы культурных, экономических и идеологических связей среди степных и лесостепных народов огромного региона Евразии. Кажется, именно эти связи и привели к примечательному сходству культур намечаемой здесь общности. Вполне вероятно также, что отмечаемые здесь связи в немалой степени обусловливались этно-лингвистической близостью евразийских степных народов.

Многие предполагают, что скифо-сарматский степной мир, говоривший на языках североиранской ветви, сложился прежде всего на базе культур восточной зоны КВК. Тесный же контакт между степняками и племенами Восточного Балкано-Карпатья, который осветила А. И. Мелюкова в своей недавно вышедшей работе [45], без сомнения, уходит в предшествующий пятисотлетний период конца бронзового века.

Не менее важна дискуссия и по другому аспекту этой проблемы. Широкое распространение комплексов с валиковой керамикой на севере Афганистана [27, с. 21] и, видимо, в северо-восточном Иране по крайней мере в конце интересующего нас периода не может не рассматриваться в связи с гипотезами и длительными дискуссиями о появлении в этих районах с севера древнейших ираноязычных народов [3, с. 156— 158; 27, с. 35—36; 46, с. 137 сл.; 47, с. 10 сл.; 48, с. 39—43]. Валиковая керамика рисуется мне ныне наиболее весомым археологическим фун-

даментом для подтверждения подобных контактов и расселений индоиранцев или иранцев на юг через среднеазиатские пространства.

1. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. 17.

2. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.

3. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур в Средней Азии.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.

4. *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы..— КС ИА АН СССР, 1970, № 122.

5. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины.— Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.

6. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья.— М.: Наука, 1977.

7. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.— Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.

8. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1979, № 2.

9. Čičikova M. Nouvelles données sur la culture thrace de l'epoque de Hallstatt en Bulgarie du sud. Thracia, I, Serdicae, 1972.

10. Morintz S. Epoca bronzului in spatiul carpato-balcanic. Contributii arheologice la istoria tracilor timpurii, I, Bucuresti, 1978.

11. *Балагурі Е. А.* Культура Ноа.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, Наукова думка, 1971, т. I.

12. Florescu A. Contributii la cunoasterea culturii Noua. Arheolodia Moldovei, II—III, 1964.

13. *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, 1961, № 96.

14. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3.

15. Лесков О. М. Зрубна культура.— В кн.: Археологія Української РСР, т. I. Київ: Наукова думка, 1971.

16. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177.

17. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

18. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура).— САИ, вып. В1—11, 1980.

19. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье.— Киев: Наукова Думка, 1961.

20. *Березанська С. С.* Білогрудивська культура.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ: Наукова дума, 1971, т I.

21. *Березанская С. С.* Тщинецко-комаровская культура на Северной Украине.— СА, 1967, № 2.

22. Prahistoria ziem Polskich, T. II. Ossolineum, 1978.

23. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.

24. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.

25. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.

26. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.

27. *Сариниди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане.— В кн.:

Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М.: Наука, 1972, вып. 1.

28. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.

29. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.— М.: Наука, 1976.

30. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.

31. *Отрощенко В. В.* Могильники степного Поднепровья (2-ая половина II тысячелетия до н. э.).— в кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

32. *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.

33. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. Прилож. 2. Таттар А. В. Фауна поселений кобяковской культуры.— САИ, вып. В1—11, 1980.

34. *Аскаров А.* Сапаллитепа.— Ташкент: Изд-во ФАН УзССР, 1973.

35. *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии.— Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1978.

36. *Итина М. А.* Южное и Восточное Приаралье в эпоху первобытности.— В кн.: Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I, Ташкент: Наука, 1964.

37. *Езеро.* Раннебронзового селище.— София, 1979.

38. Coldowska M. Die Kultur mit kannelierten Keramik/Mittel und Spätphase /in Polen. SECBK.

39. Kozlowski J. K. Le probleme de la periodisation de la civilisation de la ceramique cannele en Pologne. SECBK.

40. Morintz S., Roman P. Über die Übergangsperiode von Äneolithikum zur Bronzezeit in Rumänien. SECBK.

41. Pleslowa-Stikova E. Die Kultur mit kannelierten Keramik in Böhmen. SECBK.

42. *Березанская С. С.* О погребениях культуры многоваликовой керамики.— МАСП, Одесса, 1962, вып. 4.

43. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы.— Автореф. докт. дис. Киев: ИА АН УССР, 1977.

44. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии.— София, 1978.

45. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— М.: Наука, 1979.

46. *Дьяконов И. М.* История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э.— М.—Л.: Наука, 1956.

47. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии.— М.: Наука, 1970.

48. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана.— М.: Наука, 1980.

С. С. Березанская, Я. А. Гершкович

АНДРОНОВСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ НА УКРАИНЕ

До недавнего времени взаимопроникновение элементов двух таких крупнейших историко-культурных общностей эпохи бронзы, какими являются срубная и андроновская, отмечалось лишь в смежных районах — от Поволжья до Южного Урала. Именно здесь, в зоне контакта, проникновение как элементов материальной культуры, так и их носителей (срубников на восток, а андроновцев на запад) представлялось наиболее вероятным и закономерным явлением [1, с. 52—53; 2, с. 174; 3, с. 261—274].

Новые материалы по срубной культуре Украины свидетельствуют о присутствии здесь андроновских проявлений (элементов) [4, с. 3—22; 5, с. 92—94]. Разумеется, эта крайнезападная территория распространения срубной общности ни при каких обстоятельствах зоной контакта названа быть не может, и, следовательно, тот своеобразный облик срубных памятников, который им придает присутствие андроновских черт, требует иного объяснения.

Установлено, что предсрубный период на Украине характеризуется заключительными фазами культур шнуровой керамики: среднеднепровской, стжижовской, подкарпатской, небольшим числом памятников абашевской культуры и культурой многоваликовой керамики. По сумме признаков все названные культуры образуют единый узкий хронологический горизонт, относящийся к концу XVII — началу XV вв. до н. э. [6, с. 82—83].

На основании распространения таких предметов, как роговые псалии, бронзовые копья с несомкнутой втулкой, плоские тесла, вислообушные каменные топоры с полусферическим лезвием, фаянсовые бусы и др., выделяемый горизонт синхронизируется с новокумакским горизонтом, представленным памятниками Петровка II, Новый Кумак, Синташта и др. по мнению Е. Е. Кузьминой и К. Ф. Смирнова, в памятниках новокумакского горизонта выступают в складывающемся виде черты андроновской культуры или андроновской общности [7, с. 34—39]. Г. Б. Зданович и С. Я. Зданович предлагают в рамках этого горизонта рассматривать отдельно памятники петровского типа — для Северного

Казахстана и прилегающих районов Западной Сибири, и синташтинского — для Южного Урала и Приуралья [8, с. 193]. Одновременно выясняется, что петровский керамический комплекс обнаруживает вполне определенные сходства с керамикой кротовского типа раннебронзового века, т. е., возможно, развивался на местной основе [9, с. 40—41]. Некоторое же сходство новокумакского горизонта в Приуралье и предсрубного на Украине следует объяснять либо только стадиальностью, либо проникновением в восточные районы элементов культуры или отдельных племен культуры многоваликовой керамики, воздействие которой в большой степени проявляется на памятниках синташтинского типа [8, с. 192]. В этот период на территории Украины в предсрубном горизонте и в культуре многоваликовой керамики никаких проявлений андроновской культуры еще не прослеживается.

Следующий хронологический период на территории Украины (XV—XIV вв. до н. э.) ознаменовался передвижением и расселением значительной группы срубных племен. С самого начала этого периода прослеживается появление андроновских черт. Пожалуй, наиболее ярки они на керамическом материале, в частности, в орнаментации, включающей такие элементы, как треугольники со скошенной стороной, желобки, сложные и Г-образные меандры, «ступеньки». Нередко они сочетаются с различными вдавлениями, углами, ромбами, равнобедренными треугольниками, горизонтальными линиями, образуя сложные композиции, близкие андроновским. В большей или меньшей степени эти черты прослеживаются на горшках, чашах. Имеются сосуды, близкие андроновским по форме и по ее деталям.

Горшковидные сосуды с андроновскими чертами найдены на поселениях (рис. 1, 1,2,6) и в погребениях срубной культуры бассейна Северского Донца и Поднепровья*. Так, на поселении Александрия в слое с керамикой эпохи средней и поздней бронзы Д. Я. Телегиным обнаружены фрагменты сосуда, украшенного врезными линиями по венчику, желобками и налепным валиком по шейке, треугольниками со скошенными сторонами, переданными отпечатками мелкозубчатого штампа, а также, видимо, меандровыми фигурами на тулове (рис. 1, 1). Поверхность его тщательно обработана, красноватого цвета**. В срубном слое Усова озера найдены фрагменты сосуда горшковидной формы с высокой цилиндрической шейкой (рис. 1, 2). Он орнаментирован врезными линиями по шейке и в верхней части тулова. Поверхность тщательно обработана. Здесь же, в бассейне Северского Донца, на поселении Ильичевка, Т. А. Шаповаловым обна-

* Известны находки и на сабатиновском поселении Степовое на Южном Буге. (Выражаем признательность И. Н. Шарафутдиновой, разрешившей сослаться на неопубликованные материалы).

** Фонды ИА АН УССР, коллекция № 371, ящик № 19, коробка № 1.

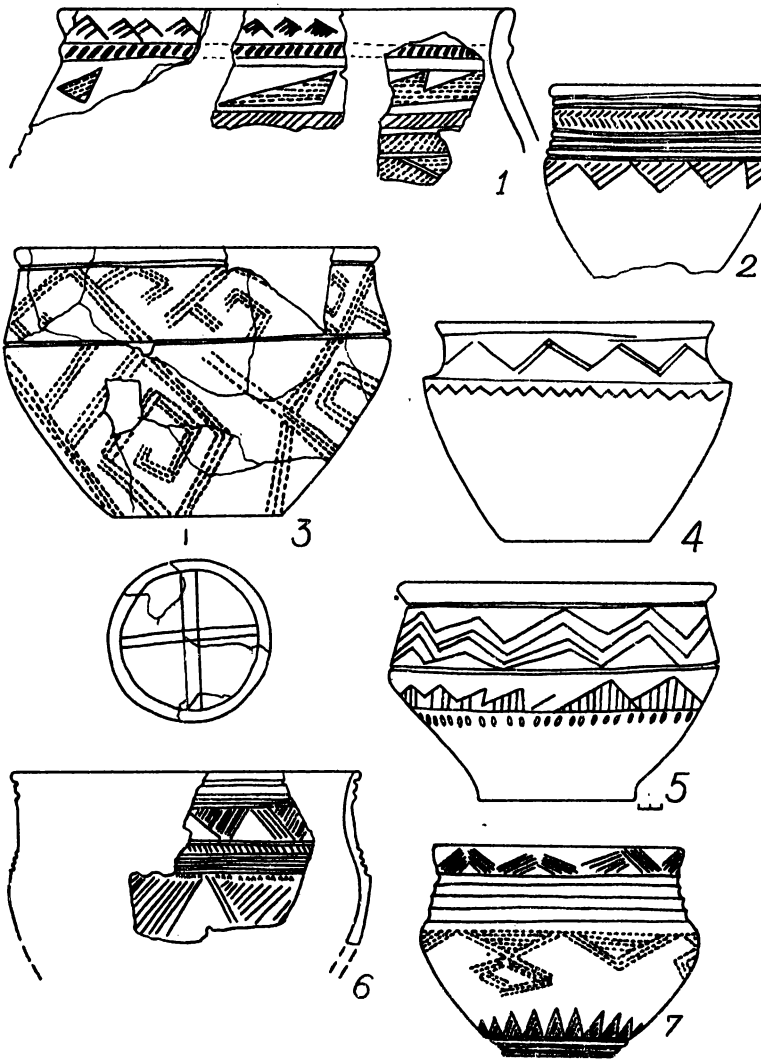

Рис. 1. Андроновские элементы в срубной керамике Украины

ружены фрагменты такого же сосуда, но несколько больших размеров (рис. 1, 6).

На горшковидных сосудах из погребений андроновские черты проявляются в размещении орнаментов на днищах (рис. 2, 1,7), в придонной части (рис. 2, 2,3,5,8,9) или по всей поверхности (рис. 2, 3,7). Среди элементов орнамента — ромбы (рис. 2, 1,7,9), углы (рис. 2, 5), обычные треугольники (рис. 2, 2,3), треугольники со скошенной стороной (рис. 2, 5,6,8,9), различные вдавления (рис. 2, 1,5,9), желобки (рис. 2, 5,9), нанесенные отпечатками крупного и мелкого штампа, врезной техникой. Шнуровые и гусеничные отпечатки, столь свойственные срубной керамике Украины, на рассматриваемых сосудах отсутствуют. Интересен сосуд из погребения 1 кургана 1 у г. Орджоникидзе, на котором желобки сочетаются с двумя ярусами косых треугольников, взаимное расположение которых таково, что на тулове образовался незаполненный орнаментом зигзаг (рис. 2, 9) [10, с. 41—42].

Среди чаш встречены сосуды с уступчиком (рис. 1, 4). Элементы орнамента — зигзаги (рис. 1, 4, 5; 3, 11), треугольники, треугольники с ромбом на вершине, желобки (рис. 1, 7), треугольники вершиной вверх или вниз (рис. 1, 5, 7; 3, 11), сложные меандры (рис. 1, 3), вдавления (рис. 1, 5; 3, 10), «ступеньки» (рис. 3, 10), Г-образный меандр (рис. 2, 4). Орнамент выполнен резными линиями, отпечатками крупного и мелкого штампа. Имеются случаи орнаментации днищ (рис. 1, 3). Уникален сосуд из разрушенного кургана у с. Михайловки Станично-Луганского района Ворошиловградской области, украшенный врезными углами по венчику, пятью желобками по шейке, треугольниками с ромбом на вершине в верхней части тулова, треугольниками вершиной вверх и желобками — в придонной части (рис. 1, 7)*.

Интересна группа сосудов на поддонах (сплошных и полых) (рис. 3, 1—9). Элементы орнамента на них — обычные треугольники (рис. 3, 1—4, 6—9), треугольники со скошенной стороной (рис. 3, 5, 9), зигзаги (рис. 3, 3,4), «лесенка» (рис. 3, 8), кресты (рис. 3, 4), вдавления (рис. 3, 7). Помимо резной техники и отпечатков зубчатого штампа, использовался шнуровой штамп (рис. 3, 6, 8, 9). Имеются сосуды с уступчиками (рис. 3, 3,6). Точное количество сосудов этого типа учету пока не поддается, но на Украине их, пожалуй, не меньше, чем в Казахстане [11, с. 69—75]. Типологически они сопоставимы с так называемыми «киммерийскими» бронзовыми котлами, большая часть которых найдена в Северном Причерноморье [12].

Разумеется, на приведенных сосудах андроновские черты проявляются в различной степени. Если в одних случаях это

---

* Выражаем признательность научному сотруднику Ворошиловградского областного краеведческого музея А. Ф. Горелику, предоставившему материал для публикации.

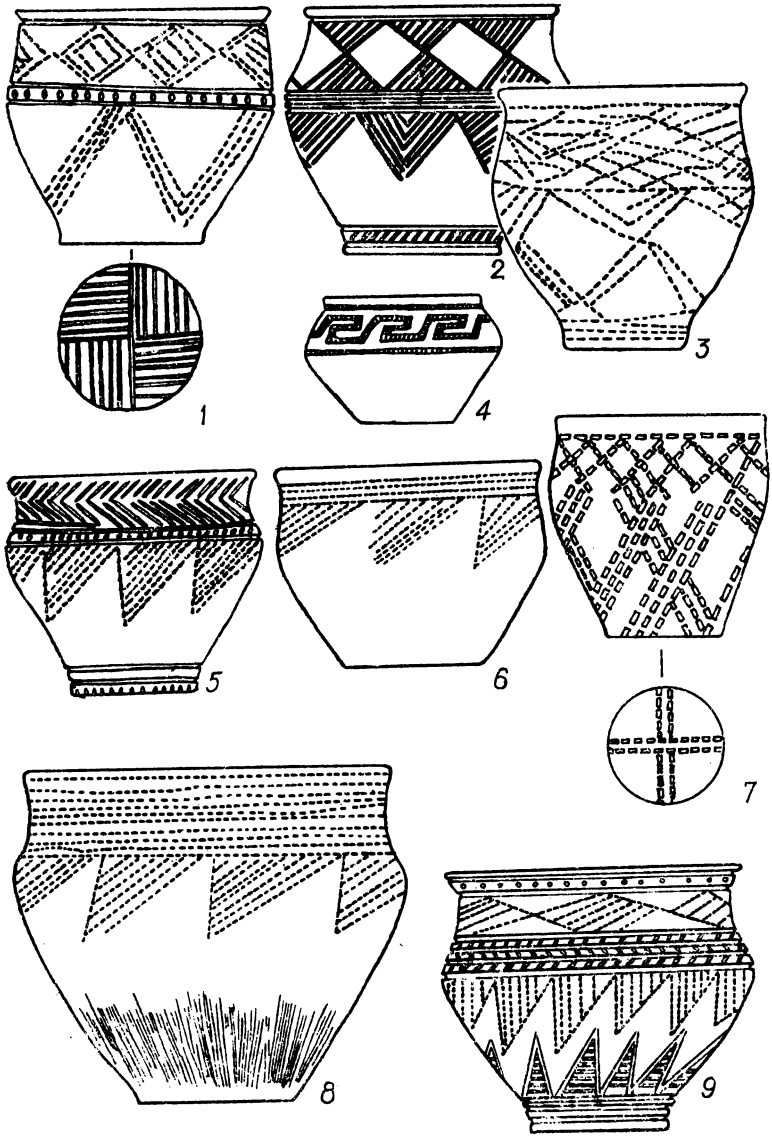

Рис. 2. Андроновские элементы в срубной керамике Украины

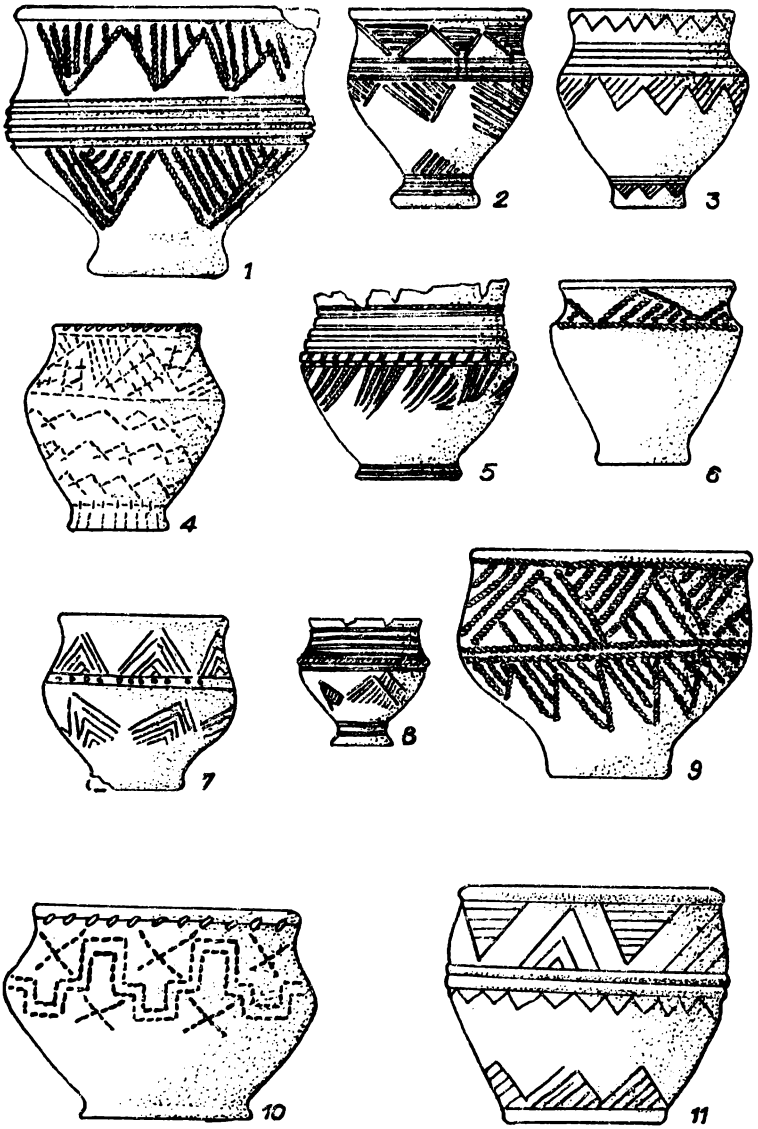

Рис. 3. Андроновские элементы в срубной керамике Украины

только элементы орнамента или место их расположения, то в других (значительно реже) они сочетаются с необычной для срубной керамики формой сосудов (рис. 1, 1,2,6,7; 2,9; 3,2). Однако в последнем случае преждевременно говорить об импортах, даже несмотря на отличия от основного керамического материала срубных поселений и могильников Украины. Фрагменты сосуда из Усова озера (рис. 1,2) были подвергнуты химическому анализу, который показал отличия по двум критериям от остальной посуды: по примеси и слоистости, что свидетельствует лишь о различиях в технологии*. В то же время сочетание срубных форм и андроновской орнаментации, андроновских форм и срубных способов украшения сосудов указывает на слияние двух традиций, их, возможно, древнюю связь.

Пожалуй, наиболее близки приведенным образцам алакульские аналогии: на алакульской керамике присутствуют уступчики, орнаментированные днища, Г-образные и сложные меандры, треугольники со скошенной стороной, «лесенки», «ступеньки», полосы зигзага, образованные треугольниками, обращенными вершинами вверх и вниз, желобки, насечки [3, рис. 32,36,43,45 (9—15); 13 табл. XIII; 14, рис. 8, 8,2, рис. 12, рис. 40]. Кроме этого, интересно отметить орнаменты из зигзагов, треугольников, желобков, орнаментированные днища на сосудах петровского типа, где известны сосуды с плавным профилем (федоровские) [8, с. 188,190,192, рис. 3], как и на некоторых приведенных выше экземплярах. К сожалению, пока трудно объяснимы черкаскульские аналоги сосуду из Александрии (рис. 1, 1) [14, рис. 32, 1 и др.]. Сочетание федоровских форм (горшки с цилиндрической шейкой) и алакульской орнаментации (треугольники, желобки, врезные линии) прослеживается на сосудах из Усова озера и Ильичевки (рис. 1,2,6).

К андроновским проявлениям в керамике, возможно, следует отнести сравнительно небольшую группу глиняных овальных или прямоугольных блюд с низкими вертикальными бортиками. Иногда они имеют орнамент в виде насечек по краю или средней части стенок, хотя типично андроновские (федоровские) блюда с выступами-рожками отсутствуют**.

Некоторые из приведенных выше сосудов с андроновскими чертами (рис. 2,6,8; 3,7) происходят из погребений с трупосожжениями. Поскольку существует мнение, будто обряд кремации проникает в срубную культуру из области распространения федоровской группы памятников андроновской культуры [15, с. 19; 16, с. 19; 17, с. 218—219; 18, с. 55; 19, с. 185—187], на этом вопросе следует остановиться особо.

В настоящее время только в Поднепровье, как установлено

* Анализ проведен геологом Б. К. Пустинским.

** Фрагменты таких блюд найдены, например, на поселении Усово озеро, в некоторых срубных погребениях в Нижнем Поднепровье (не опубликованы).

В. В. Отрощенко, трупосожжения составляют 69% всех срубных погребений [20, с. 12], есть они и на других территориях Украины. Большинство обнаружено в курганах, хотя имеются и бескурганные захоронения [21, с. 76, рис. 3,6,7]. Чаще кремация производилась на стороне, а затем кальцинированные кости высыпались в могилу кучей, рассеивались по дну, изредка высыпались в урну. Известны сложные многоярусные комплексы, включающие несколько таких погребений, а также каменные конструкции нередко больших размеров [22, с. 19—25, рис. 5,6]. К числу таких не совсем обычных сооружений следует отнести оградку из камней в кургане I Донецкого могильника*. Ее диаметр около 12 м, внутри — площадка размерами 3,0×3,0 м, окруженная камнями, поставленными на ребро. На площадке слой золы и пепла, остатки кострища. В юго-западном углу найден развал сосуда, украшенного отпечатками двузубчатого штампа. За западной стенкой — маленький каменный ящик размерами 0,5× ×0,4 м, перекрытый куполообразным сводом из отдельных камней. Внутри находился сосуд с кальцинированными костями и пеплом (рис. 2, 8). Невдалеке — развал глиняного сосуда приземистых пропорций и кости животного (рис. 2, 6). Аналогичные приемы орнаментации этого сосуда и урны подчеркивают единство погребального комплекса, который включает также погребение (в центре кургана) взрослого человека, уложенного на левом боку, скорченно, головой к ЮВ. Показательно, что это погребение и трупосожжение одновременны, поскольку впущены с уровня древнего горизонта, на котором находились и основания камней оградки.

В. В. Отрощенко обратил внимание на то, что в срубных погребениях с трупосожжениями найдены деревянные чаши, обитые бронзовыми пластинками. Со ссылкой на точку зрения К. Ф. Смирнова о подобных находках в богатых срубных погребениях Поволжья, им сделан вывод о возможности применения этого обряда в срубной культуре по отношению к тем умершим, которые занимали более высокое социальное положение [19, с. 187]. В настоящее время эту точку зрения разделяют и другие исследователи [23, с. 47]. Однако такой вывод касается лишь одной стороны вопроса, а именно: для какой социальной группы срубников предполагался этот обряд? Невыясненным же остается его источник и конкретный исторический механизм распространения.

Ранее при проведении федоровских аналогий срубным кремациям учитывались хронологические построения по андроновской культуре К. В. Сальникова, установившего хронологическую последовательность и генетическую связь федоровского и алакульского этапов. Однако сейчас большинство исследователей допу-

* Раскопки Донецкой экспедиции ИА АН УССР под рук. В. Н. Даниленко в 1976 г.

скают их сосуществование и видят в них различные культуры [24; 25; 26, с. 154]. В. С. Стоколос установил черкаскульскую принадлежность, а не федровскую некоторых могильников с трупосожжением Южного Зауралья, при этом федоровские памятники, по крайней мере применительно к этой территории, он не считает наиболее ранними [14, с. 86—90]. Учет этих данных позволяет считать справедливым замечание И. Б. Васильева и Г. Г. Пятых о том, что появление обряда кремации у срубников Поволжья нельзя объяснить влиянием лишь федоровских племен, к тому же анализ керамики из срубных трупосожжений этого района и Приуралья показал присутствие на сосудах алакульских, а не федоровских черт [27, с. 46; 23, с. 47]. В Поднепровье и на Северном Донце сосудов с андроновскими чертами в таких погребениях вообще мало, а о степени ее сходства либо с алакульскими, либо федоровскими лучше судить специалистам по андроновской керамике.

Для окончательного решения вопроса о срубных трупосожжениях необходимо определить время и место слияния различных групп федоровцев и черкаскульцев, широко практиковавших этот обряд с алакульцами и срубниками: на срубной керамике по всей территории распространения культуры (не только при трупосожжениях) можно найти элементы как федоровские, так и черкаскульские.

Попытка выделения андроновского металла на территории Украины практически ничего не дала. Можно назвать лишь типологически близкие андроновским топоры, входящие в состав клада из насыпи кургана 5 у с. Александровка Новомосковского района Днепровской области [28, с. 9, рис. 1, 1,2]. В металле андроновской культуры находит аналогии фрагмент желобчатого браслета, найденного на поселении Усово озеро. На поселении Провалье найдена глиняная литейная форма, оборотная сторона которой украшена сложным меандром [29, рис. 3,6]. В целом довольно многочисленные изделия срубной культуры, особенно ее раннего этапа, в одинаковой степени характерны и для срубной, и для андроновской культур.

На основании стратиграфии и типологии памятники срубной культуры Украины, содержащие андроновские черты, надежно датируются XV—XIII вв. до н. э. По крайней мере можно считать доказанным их послемноговаликовый возраст в связи с многочисленными случаями более позднего стратиграфического положения по отношению к культуре многоваликовой керамики в пределах одного кургана или поселения [30, с. 17]. Такая датировка подтверждается и находками в срубных погребениях, содержащих сосуды с андроновскими чертами, бронзовых ножей с намечающимся или выделенным перекрестием [31, с 74—75] *.

---

* Выражаем признательность А. В. Николовой, предоставившей материал для публикации.

Создается впечатление, что на раннем этапе андроновские проявления в срубной культуре наиболее многочисленны и ярки, а к XIII в. до н. э. становятся более расплывчатыми и малочисленными.

В поздний период эпохи бронзы, с XII в. до н. э., на территории, где в предшествующее время была распространена срубная культура (в основном это территория Левобережной Украины), бытуют памятники бондарихинской культуры и так называемой белозерской ступени срубной культуры. Никаких андроновских проявлений в них уже не прослеживается. Вероятно, они присущи в основном лишь срубной культуре и, таким образом, могут рассматриваться как ее характерные черты. Время и место слияния андроновских и срубных черт только по материалам Украины проследить нельзя. Тот факт, что срубные памятники Подонья и Среднего Поволжья носят такой же смешанный характер, дает основание видеть место слияния еще восточнее, вероятно, в районах Приуралья и Казахстана, где в памятниках новокумакского горизонта изначально присутствуют и срубный, и андроновский компоненты [32, с. 96].

---

1. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
2. *Смирнов К. Ф.* Савроматы.— М.: Наука, 1964.
3. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.
4. *Ковальова І. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальный варіант зрубной культури.— Археологія, 1976, № 20.
5. *Гершкович Я. П.* К вопросу об андроновских элементах в срубной культуре на Украине.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
6. *Березанская С. С.* Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
7. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М.: Наука, 1977.
8. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.
9. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
10. *Мозолевский Б. Н., Пустовалов С. Ж.* и др. Отчет Орджоникидзенской экспедиции ИА АН УССР за 1979 год. Архив ИА АН УССР, 1979/9, № 9426.
11. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с кубками в днепровском Левобережье.— В кн.: Курганы степного Приднепровья. Днепропетровск, 1980.
12. *Бочкарьов В. С.* Кіммерійськи казаки.— Археологія, 1972, № 5.
13. Андроновская культура.— САИ, вып. В 3—2, 1966.
14. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья.— М.: Наука, 1972.
15. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.— Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1947.
16. *Сальников К. В.* Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного.— СА, 1950, вып. XIII.
17. *Смирнов К. Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье.— СА, 1957, вып. 27.
18. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э.— Симферополь: Изд-во Крым, 1969.

19. *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжениями у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.

20. *Отрощенко В. В.* Срубная культура степного Поднепровья.— Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.

21. *Махно Е. В., Шарафутдінова І. М.* Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хут. Компанійці на Дніпрі.— Археологія, 1972, № 6.

22. *Отрощенко В. В., Савовский И. П., Томашевский В. А.* Курганная группа Рясные могилы и Носаки.— Киев: Наукова думка, 1977.

23. *Пестрикова В. И.* Обряд трупосожжения у срубных племен Поволжья и Приуралья.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

24. *Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры).— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.

25. *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири.— СА, 1965, № 2.

26. *Федорова-Давыдова Э. А.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.

27. *Васильев И. Б., Пятых Г. Г.* Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976, вып. 1.

28. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. К., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский».— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья. Днепропетровск, 1978.

29. *Татаринов С. И.* Металлообработка в эпоху поздней бронзы на среднем Донце.— СА, 1979, № 4.

30. *Телегин Д. Я.* Исследования поселения и могильника позднейшего неолита — начала эпохи металла около с. Александрии на р. Оскол. Архив ИА АН УССР, 1956/4, № 2576.

31. *Мозолевский Б. Н., Николаева А. В.,* Отчет Орджоникидзенской экспедиции ИА АН УССР за 1980 г. Архив ИА АН УССР, 1980/11, № 9554.

32. *Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Петровские раннеалакульские комплексы Северного Казахстана.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Г. Г. Пятых

ОБЩИЕ КОМПОНЕНТЫ СЛОЖЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВОЛЖЬЯ

В результате очень интенсивного накопления материалов в последние десятилетия, а также значительного повышения в послевоенный период уровня исследовательских работ археология бронзового века непосредственно подошла к решению таких крупных проблем, как сложение срубной и андроновской общностей в различных регионах их распространения, в частности, сложение алакульской культуры на территории Уральского региона и срубной культуры в Поволжье.

Результаты, к настоящему времени достигнутые в определении источников культурного влияния на процессы сложения срубной и алакульской культур, неодинаковы. В исследовании истоков алакульской культуры благодаря открытию памятников петровского хронологического горизонта и работам Г. Б. Здановича [1], В. Ф. Генинга [2, с. 94—95], К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой [3] и других исследователей достигнуты важные результаты, раскрывающие культурно-генетические процессы, которые привели к сложению алакульской культуры, и участие в них населения с традициями абашевской культуры и культуры многоваликовой керамики.

Изучение генезиса срубной культуры остается не на должном уровне. Происхождение срубной культуры в Поволжье по-прежнему целиком связывается с полтавкинской культурой (включая в территорию ее распространения и Среднее Поволжье), и хотя уже второе десятилетие различные ученые указывают на существование более широкой основы сложения срубной культуры в различных регионах ее бытования [4, с. 58; 5, с. 21—22; 6, с. 19; 7, с. 16; 8, с. 89; 9, с. 63; 10, с. 6—7; 11, с. 6; 12, с. 12—13; 13, с. 56—57], мнение этих исследователей еще не встретило должного признания. Между тем у полтавкинской и срубной культур действительно фиксируются существенные различия, касающиеся и погребального обряда, и керамики — особенно орнамента, и других категорий инвентаря [5, с. 21—22; 10, с. 6—7; 13, с. 56—57].

При участии каких же культур, кроме полтавкинской, могло произойти сложение срубной культуры в Поволжье? Для ответа на этот вопрос важное значение имеют разработанные к настоящему времени положения о более раннем, по отношению к срубным, происхождении абашевских древностей [14, с. 95—97; 15, с. 103—105, 110, 116] и об участии абашевского населения [1, с. 22] и носителей так называемой культуры многоваликовой керамики [3] в сложении алакульской культуры.

Важность этих гипотез в том, что они позволяют предположить участие этих же культурных образований и в формировании срубной культуры в Поволжье, поскольку в своем распространении в сторону Урала они не могли миновать волжских территорий.

Анализ материалов, производимый под этим углом зрения, сразу выявляет интересные и показательные параллели между комплексами элементов культуры многоваликовой керамики и абашевской, с одной стороны, и алакульской и срубной, с другой. В погребальном обряде — это распространение обширных могильных ям (в абашевской культуре это относится в основном к доно-волжскому варианту) [15, с. 38], нередко наличие погребальных сооружений, в том числе так называемых срубов, почти отсутствующих у полтавкинцев Поволжья, существование внемогильных сооружений, распространение тризн и всякого рода «жертвенных» мест в курганах и на бескурганных могильниках, нередко помещение частей животных непосредственно с погребенным, наличие групповых захоронений, расчлененных захоронений, кенотафов, довольно широкое использование огня в погребальных ритуалах, положение погребенных скорченно на боку, руки перед лицом (в абашевской культуре такая поза встречается относительно редко), в ряде случаев присутствие охры и мела.

В керамическом материале аналогии для многих форм сосудов срубной и алакульской культур — прямостенных банок, сосудов с «эсовидным» профилем, так называемых трехчастных и биконических сосудов, а также некоторых иных, не имеющих прототипов в ямно-полтавкинских памятниках Волго-Уралья,— обнаруживаются среди материалов посткатакомбных культурных образований и абашевской культуры.

Примерно та же картина выявляется и в отношении элементов орнамента, систем его расположения, способов нанесения. Это господство геометрических фигур, особенно треугольников, часто встречающаяся орнаментация среза венчика, преобладание зубчатого штампа и приемов прочерчивания, расположение орнамента главным образом в верхней половине сосуда, в ряде случаев орнаментирование придонной части.

Контакты носителей культуры многоваликовой керамики — а возможно и иных посткатакомбных образований — и абашевской культуры с племенами формировавшейся срубной культуры про-

слеживаются и по другим категориям инвентаря. Это пряжки с двумя отверстиями [16, с. 22, 25, рис. 6, 7, 8; 17, с. 52; 18, с. 213], каменные сверленые полированные топоры [17, с. 52; 19, с. 207, рис. 1], каменные полированные булавы [20, с. 212, рис. 2,3; 21, с. 93, 162, рис. 35,1; 22, с. 143; 23, с. 165; 24, с. 21, рис. 11,2], деревянная, окованная медью посуда [25, с. 197, рис. 10,11; 26, с. 157; 27, с. 155; 28, с. 180; 29, с. 69, 168; 30, с. 74, рис. 19,3; 31, с. 120, рис. 69, с. 121; 32, с. 5—13; 38, с. 68, рис. 15,8,9], кремневые черешковые и с усеченным основанием наконечники стрел, отсутствующие в Волго-Уралье в ямно-полтавкинское время и бытующие в абашевских и многоваликовых древностях едва ли не изначально.

Практически прототипы основных категорий металлических орудий и вооружения срубной и алакульской культур не встречаются в полтавкинских памятниках [10, с. 6; 5, с. 21], но известны среди изделий катакомбных металлургов Циркумпонтийской металлургической провинции, по мнению Е. Н. Черных, сыгравшей важнейшую роль в формировании металлургии Евразийской провинции [34, с. 75].

Металлические украшения срубной и андроновской культур — подвески с заходящими концами, подвески в полтора оборота абашевского типа, различного рода нашивные бляхи, в том числе с солярными знаками, перстни со спиральными щитками и некоторые иные изделия — не имеют прототипов в ямно-полтавкинских древностях, при этом близкие и даже аналогичные им изделия встречаются в памятниках культур катакомбного круга к западу от Волги, а также в памятниках бронзового века балкано-дунайского региона [35, табл. 163,5,6; 8,11; 29,30,35; 183,9,10, 14—16; 185,6; 189,16,17; 198,В,2—6, С,1—7, 8—10; 91,13; 13,28; 14,11; 15,7,22,24; 16,10—18; 17,10,18,19; 18,8,26; 19,7,17,22,28,31; 26,25; 27,8,29; 33,8,89,11; 198,А; 266,6,7; 268,2; 269,1; 266,1—4; 267,7—13; 269,8,13; 270,9—11,15,20,21; 271,1,2,5; 272,5; 84,12,13]. В этой связи представляют интерес разработки, выявляющие комплексное совпадение элементов абашевской, раннеандроновской и раннесрубной культур с культурами Средиземноморья [36, с. 21—23].

За период, прошедший со времени проведения семинара по проблеме андроновской культурно-исторической общности в 1980 году в Челябинске, идея об участии абашевской культуры в сложении срубной культуры в Поволжье получила подтверждение в работах целого ряда исследователей [37; 38; 39; 40; 41]. Что касается культуры многоваликовой керамики, то ее возможная роль в сложении срубной культуры в Поволжье пока не совсем определена. Имеющиеся в настоящее время факты безусловно свидетельствуют лишь о синхронном существовании культуры многоваликовой керамики и срубной культуры раннего этапа, бытовавшей в Поволжье. Данных о безусловном хронологическом приоритете культуры многоваликовой керамики Подне-

провья и бассейна Северского Донца перед срубной культурой Поволжья пока нет. Кроме того, не установлены еще достаточно точно восточные границы ареала культуры многоваликовой керамики, неясна также в достаточной степени ситуация, существовавшая в рассматриваемый период в междуречье Дона и Волги, значительные пространства которого длительное время были заняты культурами катакомбного круга.

В силу этих обстоятельств представляется весьма актуальным и важным вопрос о том, не является ли сходство культуры многоваликовой керамики и раннесрубной культуры Поволжья, результатом их сложения на общей культурной основе, или наличием общих компонентов, принявших участие в этих процессах.

Рассмотрение проблемы с этих позиций позволяет выделить в качестве одного из наиболее вероятных компонентов такого рода катакомбные культурные образования. Рассмотрим некоторые факты. Одним из основных, а нередко и основным элементом, характеризующим срубную культуру, является положение погребенных скорченно на левом боку, руки перед лицом, иногда перед грудью, в отдельных случаях — одна рука вытянута, другая согнута перед грудью, господствующие ориентировки — С, СВ, В, в некоторых случаях с отклонениями в западный или южный сектор. Очень часто даже безинвентарные погребения такого рода исследователи рассматривают как срубные. Поэтому очень важно выяснение того, от каких культурных групп могло произойти наследование такой позы. Нехарактерная для полтавкинской культуры, данная поза погребенных встречается уже в памятниках катакомбной культуры южной зоны степей Поволжья на территории Калмыкии. Только среди опубликованных материалов катакомбной культуры этого региона насчитываются уже десятки погребений, в которых погребенные находились в «срубной» позе — скорченно на левом боку, руки перед лицом.

В Первой курганной группе, исследованной И. В. Синицыным на р. Маныч, к числу таких погребений относится погребение 2, курган 5; погребение 2, курган 18; погребение 3, курган 23; погребение 3, курган 26; погребение 3, курган 28; погребение 4, курган 32; погребение 1, курган 33; погребения 3 и 5, курган 34; погребения 1 и 2, курган 35; погребение 1, курган 37; погребение 1, курган 38; погребение 6, курган 42; погребение 1, курган 43 и погребение 4, курган 54 [42, с. 21; 28, с. 34, табл. 33,7, с. 37, с. 38, 40, с. 41, 43, 44, 46—47, 57].

Во второй курганной группе — это погребение 1, курган 15; погребения 2 и 6, курган 19; погребение 3, курган 42 [42, с. 77, 79, 80, 100]. В памятниках, исследованных на правом берегу Маныча,— это погребение 12, курган 14; погребение 5, курган 15 и погребения 1 и 5, курган 17 [42, с. 116, 117, 119, 120].

Катакомбные погребения со «срубной» позой погребенного есть в Элистинской могильнике — погребение 11, курган 8 [43, с. 76, табл. 16,1—5], в курганах зоны Чограйского водохранили-

ща — погребение 6, курган 29 [44, с. 40, рис. 39,2], в курганной группе Купцын Толга — погребения 9 и 19, курган 46 [45, с. 110, 112], погребение 4, курган 48 [45, с. 113].

Из почти трех десятков приведенных выше погребений четыре ориентированы на СВ, три на ЮВ, одно на СЗ, два на В, десять на С, семь на Ю и одно на ЮЗ. Очевидно, что распространенные в погребениях срубной культуры ориентировки в северном, северо-восточном и восточном секторах доминируют и в этих катакомбных погребениях.

Показателен и тот факт, что среди рассмотренных катакомбных погребений совершенно преобладают левобочные захоронения, характерные в этой зоне и для катакомбных захоронений, погребенные в которых скорчены на боку с руками, протянутыми к коленям.

Представляется достаточно симптоматичным и то, что погребения, в которых «срубная» поза погребенного сочетается с сооружениями катакомбного типа, открыты и на левобережье Волги в Саратовской области, в кургане № 1 Первой Мурманской группы, исследованном В. А. Лопатиным*. Вероятно, не будет слишком смелым отнесение данных погребений к памятникам переходного типа.

Группа катакомбных погребений, в которых погребенный находился в положении скорченно на боку, руки перед лицом, выделяется и в степном Поднепровье, причем левобочные захоронения очень значительно преобладают и здесь; хронологически данная группа погребений ложится в предмноговаликовый горизонт [46, с. 102—103]. Исследователи считают катакомбные культурные образования одним из компонентов, принявших участие в сложении культуры многоваликовой керамики [11, с. 6; 47, с. 32, сл.; 46, с. 103].

Таким образом, есть основания предполагать, что выражающиеся в погребальном обряде идеологические представления, получившие широкое распространение в эпоху поздней бронзы, зародились еще в среде племен катакомбной культурно-исторической области.

Свидетельства культурного влияния посткатакмобных групп фиксируются не только в Заволжье, но и на более восточных территориях. К числу таких свидетельств можно отнести, например, имеющие подбои погребение 14, кургана 25 Новокумакского могильника в Оренбургской области [3, с. 11] и погребение 10 Первого Синташтинского могильника [48].

При рассмотрении катакомбных культур в качестве одного из компонентов культурной базы, на которой произошло сложение срубной общности, обращает на себя внимание тот факт, что срубная культурно-историческая область охватывает почти все

* Выражаю В. А. Лопатину признательность за предоставленную возможность ознакомиться с материалами.

территории, в предшествующее время занятые культурами катакомбного круга, либо близкими им культурами. В число таких территорий входит и Поволжье, где в позднеполтавкинских погребениях распространены катакомбная поза погребенных, характерные для катакомбных культур металлические изделия, некоторые формы керамики и орнаментики. Не случайно многие исследователи подчеркивали черты близости полтавкинских и катакмобных памятников, а некоторые даже включили эти культуры в одну культурную область [49, с. 244; 50, с. 38; 51, с. 53].

Чтобы не быть неправильно понятым, специально подчеркну, что ни в коей мере не свожу проблему формирования срубной культуры к влиянию абашевской культуры и посткатакомбных культурных образований. Несомненно, что ...«вопросы происхождения ни одной из больших культур не могут быть решены однозначно, ибо каждая из них является результатом сложного взаимодействия различных элементов...» [52, с. 125]. Задачей настоящей работы является лишь указать на два таких элемента, которые в числе других могли принять участие в сложении срубной культуры. Участие близких элементов в культурно-генетических процессах позднего бронзового века и могло, наряду с уходящим в ямную эпоху вероятным этническим родством срубных и алакульских племен, привести к появлению многих общих черт между срубной и алакульской культурами.

---

1. *Зданович Г. Б.* Периодизации и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис., М.: ИА АН СССР, 1975.
2. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов, ч. I, Киев, 1975.
3. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий.— М.: Наука, 1977.
4. *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой.— АС ГЭ, 1964, № 6.
5. *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры.— КС ИА АН СССР, 1967, № 112.
6. *Коваліова І. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальний варіант зрубної культури.— Археологія, Київ, 1976.
7. *Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977.
8. *Волкобой С. С.* Памятники маёвского типа у с. Новоподкряж в Приорелье.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
9. *Волкобой С. С.* Погребения маёвского типа раннесрубной культуры Украины.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
10. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
11. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
12. *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979.
13. *Мельник В. И.* Об обоснованиях гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культуры.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

14. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— МИА, 1970, № 172.

15. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники.— Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977.

16. *Васильев И. Б.* Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области.— В кн.: Вопросы всеобщей и отечественной истории. Куйбышев, 1975.

17. *Багаутдинов Р. С., Скарбовенко В. А.* Новопавловская курганная группа.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

18. *Скрипкин А. С.* Работы в зоне Городищенской оросительной системы.— АО—1971. М., 1972.

19. *Чемякин Ю. П.* Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье.— АО—1975. М., 1976.

20. *Смирнов К. Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениями эпохи бронзы в Нижнем Поволжье.— СА, 1957, № 27.

21. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78.

22. *Галкин Л. Л.* Раскопки срубных курганов в долине р. Авраль.— АО—1973. М., 1974.

23. *Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А.* Раскопки Старо-Ябалаклинского могильника.— АО—1974. М., 1975.

24. *Васильев И. Б.* Каменно-Вражский курганный могильник.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.

25. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.

26. *Багаутдинов Р. С., Жигулина Л. Н., Кузнецова Л. В., Салугина Н. П., Скарбовенко В. А.* Работы Куйбышевского университета на новостройках Среднего Поволжья.— АО—1978, М., 1979.

27. *Мамонтов В. И.* Раскопки Королевского могильника.— АО—1969. М., 1970.

28. *Клепиков В. М., Лукашов А. В., Сергацков И. В., Скрипкин А. С.* Исследования в Волгоградском Заволжье.— АО—1978. М., 1979.

29. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.

30. Rikov P. Die Ghvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, I, 1, Helsinki, 1954.

31. *Максимов Е. К.* Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области.— Археологический сборник. Тр. Саратовского облмузея краеведения, Саратов, 1954, вып. 1.

32. *Скарбовенко В. А.*. Отчет о раскопках курганного могильника у с. Песочное. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 7027, 7027 «А».

33. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.

34. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.

35. Bona Istvan. Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest, 1975.

36. *Кузьмина Е. Е.* Связи Евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н. э.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

37. *Семенова А. П.* Погребальный обряд срубных племен лесостепного Заволжья. Доклад на заседании сектора неолита и бронзового века ИА АН СССР 28 мая 1981 года.

38. *Кузьмина О. В.* Взаимоотношения абашевских и срубных племен лесостепного Поволжья. Доклад на заседании сектора неолита и бронзового века ИА АН СССР 28 мая 1981 года.

39. *Потемкина Т. М.* Об общем компоненте в формировании срубной и алакульской культур. Доклад на Втором совещании по проблемам срубной общности, г. Куйбышев, 22 февраля 1982 г.

40. *Агалов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация срубных памятников Среднего Поволжья. Доклад на Втором совещании

по проблемам срубной общности, г. Куйбышев, 23 февраля 1982 г.

41. *Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б.* Формирование срубной культуры в Поволжье. Доклад на Втором совещании по проблемам срубной общности, г. Куйбышев, 23 февраля 1982 г.

42. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча.— Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978.

43. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник.— Тр. КНИИЯЛИ. Элиста, 1971, вып. 3.

44. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча.— В кн.: Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Изд-во Калм. НИИ ИФЭ, 1981.

45. *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Купцын Толга.— В кн.: Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Изд-во Калм. НИИ ИФЭ, 1981.

46. *Пустовалов С.* К сложению культуры многоваликовой керамики в Степном Поднепровье.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

47. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977.

48. *Генинг В. Ф.* Доклад на Куйбышевском археологическом совещании 1976 года.

49. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.

50. *Клейн Л. С.* Катакомбные памятники и проблема выделения археологических культур.— СА, 1962, № 2.

51. *Мельник В. И.* К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских памятников.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

52. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья.— М.: Наука, 1974.

Ф. Х. Арсланова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В КАЗАХСТАНЕ

В последние годы в республике ведутся целенаправленные исследования памятников эпохи бронзы. И как нередко бывает, по мере накопления новых материалов, корректируется периодизация андроновской культуры [1, с. 190—192; 2, с. 14—17; 3, с. 1—2]. Одновременно надо отметить, что большинство исследователей склонны сопоставлять андроновскую культуру с культурно-исторической общностью [4, с. 144; 5; 6, с. 134]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют пока окончательно решить все вопросы истории формирования и развития андроновской культурно-исторической общности. В этой связи заслуживают внимания вновь полученные материалы из четырех оград могильника Кызылтас I, а также случайные находки бронзовых предметов из Восточного Казахстана.

Могильник Кызылтас I, на котором в 1972—1973 гг. экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института велись раскопки, расположен в 1,5—2 км южнее с. Ленинки Уланского района Восточно-Казахстанской области, на надпойменной террасе левого берега р. Урунхай (урочище Кызылтас). В юго-западной части могильники, кроме курганов эпохи раннего железа и средневековья, зафиксировано более 30 оград эпохи бронзы. Ниже дается описание изученных захоронений.

Ограда 30 (округлая). Диаметр 6 м. Сооружена из крупных (100×60×40 см) кварцевых глыб. На глубине 1 м в центре ограды выявлена циста, сложенная из плашмя положенных сланцевых плит и перекрытая двумя гранитными плитами. Циста (160×70, глубина 95 см) ориентирована длинной осью с запада на восток. На разных горизонтах в засыпи цисты были найдены кусочки древесного угля и фрагменты глиняного горшка, орнаментированного по шейке, тулову и придонной части заштрихованными треугольниками, нанесенными мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 1, 47).

Ограда 31 состоит из трех примыкающих друг к другу четырехугольных оград, сооруженных из крупных гранитных плит,

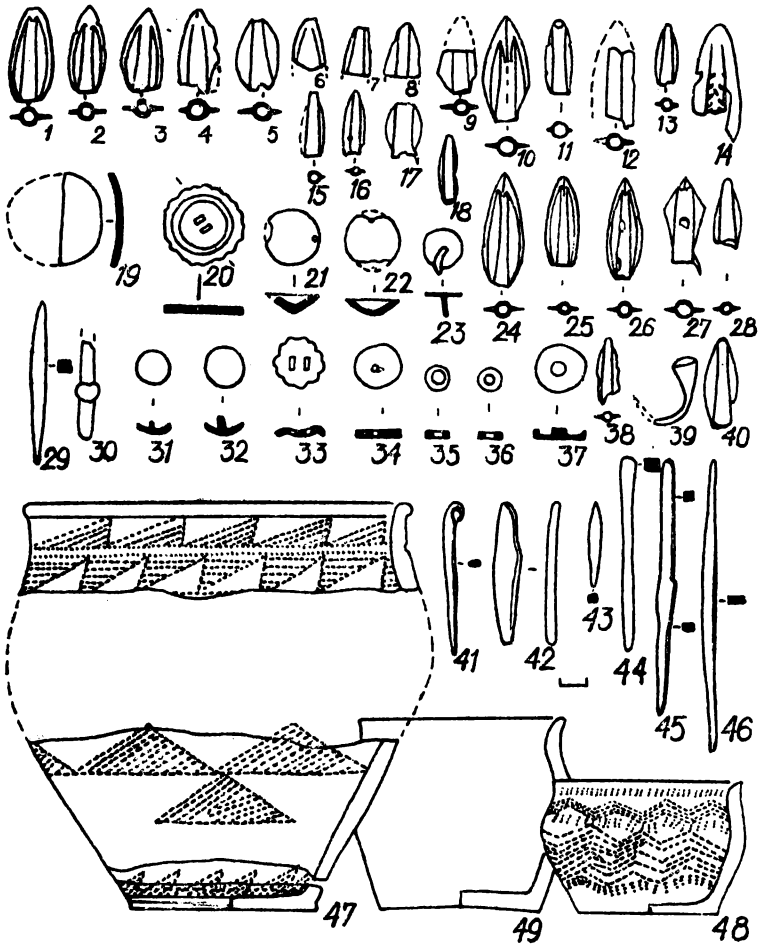

Рис. 1. Находки эпохи бронзы из Восточного Казахстана:

1—36, 41—43 — предметы из с. Асу-Булака Уланского района; *37—38* — из раскопок В. В. Радлова в 1866 году на Себинском пикете в Семипалатинской области; *39—40* — случайные находки из Усть-Каменогорского уезда; *47—49* — могильник Кызылтас I. *1—46* — бронза, *47—49* — глина

врытых на ребро. На глубине 20 см в центральной ограде найдена бронзовая пуговица (рис. 1, 20).

Ограда «А» (северная) размером с севера на юг 3,7 м, с запада на восток — 3,4 м. Плиты северной, восточной и западной сторон поставлены с наклоном верхних концов внутрь. На глубине 0,9 м выявлена подпрямоугольная надмогильная гранитная плита, длиной 2,1 м; ширина у восточного конца 1,1, у западного — 1,2 м. Центральная часть плиты пробита, по-видимому, во время ограбления погребения. Под перекрытием на глубине 1,1 м обнаружен каменный ящик (2×0,9, высота 0,8 м), сооруженный

из четырех плит крупнозернистого гранита, поставленных на ребро, и ориентированный длинной осью с запада на восток. В засыпи встречены кусочки древесного угля. На глубине 1,65 м и ниже до дна лежали разрозненные кости человека, преимущественно в юго-западной углу. В юго-восточном углу на дне стоял плоскодонный глиняный сосуд, украшенный по тулову горизонтальными ломаными линиями, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 1, 48).

Ограда 31 «Б» — центральная (4×3 м). Плиты северной, южной и восточной сторон поставлены с наклоном верхнего края внутрь. На глубине 0,9 м выявлен каменный ящик (1,7×0,8 м, высота 75 см), сооруженный из четырех плотно подогнанных гранитных плит, поставленных на ребро. Перекрытие состояло из нескольких гранитных плит, уложенных поперек. В засыпи встречены кусочки древесного угля. На глубине 1,45 м у северной стенки найдена бронзовая нашивная бляха конусообразной формы, с двумя диаметрально расположенными отверстиями у края для пришивания. На глубине 1,6 м в юго-восточном углу среди разрозненных костей взрослого человека найдена еще одна такая же бляха.

Ограда 31 «В» — южная (3×4,7 м). На глубине 0,3 м в середине лежали разрозненные обломки гранитной плиты от перекрытия каменного ящика, выявленного на глубине 0,8 м (1,8× ×0,9 м, высота 75 см). Ящик сооружен из четырех гранитных плит, поставленных на ребро, и ориентирован длинной осью с запада на восток. В засыпи встречены разрозненные обломки костей человека и мелкие кусочки древесного угля. На глубине 1,2 м в центральной части найден фрагмент неорнаментированного глиняного сосуда горшковидной формы.

Изученные памятники являются одними из первых, раскопанных в Уланском районе. Хотя умершие были захоронены по обряду трупоположения, но в засыпи и на дне каменных ящиков зафиксированы следы «очищения» огнем в виде разрозненных кусочков древесного угля. Обычай класть с умершими куски мяса или кости животных, имеющих значение амулета, уже фиксировался исследователями [7, с. 117]. Не исключено, что амулетом могла служить и лопатка коровы, найденная в ограде 30. Конструкции из примыкающих друг к другу оград с каменными ящиками, сооруженных из плитняка, широко известна на территории Восточного [8, с. 13, табл., II, III] и Центрального [9, с. 39, рис. 17] Казахстана. Судя по направлению наклона каменных плит можно предположить что сначала была сооружена ограда 31 «Б», а уж потом к ней были пристроены ограды 31 «А» и «В».

Инвентарь из раскопанных захоронений немногочислен и представлен посудой и бронзовыми изделиями. Оба сосуда из ограды 31 отличаются от общеандроновских (федоровских) форм горшков «приземистостью» или отсутствием орнамента (рис. 1,

49). Орнамент на одном из этих горшков (рис. 1, 48) довольно простой и состоит из горизонтальных ломаных линий, составляющих две полосы на шейке и тулове, отделенные горизонтальными рядами оттисков трехзубчатого штампа. По форме сосуды наиболее близки керамике VIII—VII вв. до н. э. Центрального Казахстана [10, с. 66, рис. 11, 12; 11, с. 186, табл. XVIII; с. 194, табл. XX, 3; 9, с. 156]. В свою очередь горшок из ограды 30 (рис. 1, 47) отличается от вышеописанных сосудов относительно высокой шейкой, плавно переходящей в раздутое тулово, сужающееся ко дну. Это, а также зональное размещение орнамента сближают его с сосудом, найденным в Зевакинской ограде с пристройками, содержащими захоронения VIII—VII вв. до н. э. [12, с. 223, рис. 2; с. 225]. Бронзовые изделия представлены двумя нашивными бляшками и пуговицей. Бляшки (рис. 1, 21, 22) имеют полусферическую форму. Такие бляшки встречаются в ранних и поздних памятниках эпохи бронзы [9, рис. 226], поэтому не могут быть полноценным датирующим материалом. Для бронзовой пуговицы (рис. 1, 20) прямых аналогий не найдено; имеется определенное сходство по форме с глиняными пуговицами из поселения Якке-Парсан [13, с. 158, рис. 77, 3,4]. Таким образом, учитывая приземистость форм сосудов, изготовленных из грубо промешанной глины с дресвой, и упрощенность орнамента, кызылтасские захоронения следует датировать эпохой поздней бронзы.

Особый интерес представляют предметы, случайно обнаруженные на открытом карьере Асу-Булакского рудника в Уланском районе Восточно-Казахстанской области. В комплекс найденных вещей входят бронзовые втульчатые наконечники стрел (28 экз.), шилья (6 экз.), булавки, обломок серьги, две бусины, полусферические бляшки со шпеньком (4 экз.), пуговица, фрагмент круглой бляшки, плоская бляшка с отверстием, бронзовый стержень*.

Большую часть коллекции составляют цельнолитые наконечники стрел трех типов. Первый тип — листовидные, с ромбовидной головкой и скрытой конической втулкой (рис. 1,1—10,12, 24—26); длина наконечников 3—3,9 см, наибольшая ширина пера (12—15 мм) расположена ближе к основанию. Форма пера одного асимметричного наконечника (рис. 1,9) аналогична наконечнику с укороченным пером, найденному на Себинском пикете (рис. 1,40), располагавшемся на территории современного Уланского района (коллекция В. В. Радлова)**.

Большая часть образцов этого типа имеет сходство с наконечниками стрел из поселений Мало-Красноярка [8, с. 231,

---

* Часть вещей (5 наконечников стрел) хранится в фондах Восточно-Казахстанского областного музея, а остальные (38 единиц хранения) изделия находятся в музее средней школы села Ленинки Уланского района.

** Хранится в ГИМ.

табл. 36,4,6], Шортанды-Булак и погребений Сангру III [9, рис. 227, 16, 18] и Тагискен [14, с. 136, рис. 12,2—4]. В определении времени бытования подобных стрел среди исследователей нет единого мнения. Н. А. Аванесова датирует их XII—IX вв. до н. э. [15, с. 34]. К. А. Акишев определяет дату двуперых втульчатых наконечников из поселения Мало-Красноярка и дандыбай-бегазинских памятников IX—VIII вв. до н. э. [16, с. 117—118]. Н. Л. Членова считает наиболее приемлемой для них дату VIII—VII вв. до н. э. [17, с. 218]. По мнению Е. Е. Кузьминой, Бегазы и Дандыбай следует датировать VIII в. до н. э., исходя из найденных двухлопастных втульчатых наконечников [18, с. 46]. Наличие листовидных наконечников со скрытой втулкой в материалах VII—VI вв. до н. э. (могильник Уйгарак) [19, с. 152, табл. XX, 10, с. 157, табл. XX, 18] свидетельствует, что этот тип стрел, как архаичная форма, существует до VII в. до н. э. Второй тип — наконечники (рис. 1,11,13,15,16,38) со слабо выделенным пером и выступающей над пером втулкой. Они имеют аналогии в материалах поселений Мало-Красноярка [8, с. 231, табл. XXXVI, рис. 3], Якке-Парсан (XI—VIII вв. до н. э.) [13, с. 158, рис. 78,16,17]. По форме пера и втулки асу-булакские образцы сходны и с наконечниками, найденными в Усть-Каменогорском уезде в Калбинских горах (рис. 1,18,28)*. Третий тип — наконечники с листовидным пером и шипом на конце втулки (рис. 1,17,27). Такая форма зафиксирована в памятниках бегазы-дандыбаевской [9, с. 85, рис. 55,9] и кобанской культур [20, с. 226, рис. 1, 11,12; с. 227]. Надо отметить, что подобная форма наконечников стрел была встречена в курганах Аржан (VIII—VII вв. до н. э.) [21, с. 8,9] и Высокой Могиле [VIII—VII вв. до н. э.) [22, с. 155, рис. 9,4].

Для установления даты асу-булакских вещей определенное значение имеет найденный в Зевакинском могильнике наконечник стрелы (ограда 72 «Г», могила 4) листовидной формы с елочным узором по ромбической в сечении втулке, с шипом на конце [15, с. 36]. При этом следует уточнить, что погребение в основной ограде и примыкающие к ней «пристройки» содержали материалы эпохи поздней бронзы. К ним относятся фрагменты неорнаментированного сосуда, изготовленного из глиняного теста с примесью дресвы, массивное шило с грибовидной шляпкой, датированное, по аналогии с найденными в Восточном Казахстане [8, с. 271, табл. 77б,2] и Сибири [23, с. 281, рис. 90,91], VIII—VII вв. до н. э. В этой связи датировка Зевакинского наконечника XIV—VII вв. до н. э. не убеждает [24, с. 42, рис. 2, 1]. Хронологически он близок дандыбай-бегазинским наконечникам. Наличие елочного узора на нервюре, часто изображавшегося в предшествующий период [25, с. 23, 24, табл. 91] племенами

* Хранится в ГИМ, инв. № 44803.

эпохи бронзы (рис. 1,14), еще недостаточно для того, чтобы служить надежным критерием при определении даты*.

Таким образом, приведенные аналогии определяют дату асу-булакских наконечников стрел IX—VIII вв. до н. э. Кроме того, варианты листовидных наконечников со скрытой втулкой и шипом получают распространение в VIII в. до н. э., в VII их изготовляли гораздо реже. В тех же рамках датируется и найденное здесь одностороннее с упором шило, четырехгранное в сечении (рис. 1,45), с уплощенным верхним концом. Однотипное шило было найдено на поселении Яз-Депе I, в слоях IX—VIII вв. до н. э. [26, с. 48, рис. 34]. Бронзовые четырехгранные шилья (рис. 1,29,43—46) довольно широко распространены в памятниках эпохи бронзы. Обоюдоострые шилья из Асу-Булака отличаются между собой лишь размерами. Все они имеют утолщение в центре. В отличие от описанных шильев один образец (рис. 1,44) имеет уплощенную в виде четырехугольника головку.

Обоюдоострые шилья имеют широкий хронологический и территориальный диапазон. Но поскольку подобные асу-булакским шилья встречены на Мало-Красноярском поселении [8, с. 231, табл. 36, рис. 18] и Якке-Парсан [13, с. 158, рис. 78, 10—12], а также бегазы-дандыбаевских памятниках [9, с. 28, рис. 166,2], то они вполне могли быть использованы одновременно с оружием IX—VIII вв. до н. э.

В одном экземпляре представлена булавка с округлым в сечении стержнем и навершием в виде раскованной и загнутой пластины. Близкие по форме булавки распространены в памятниках кобанской культуры XII—VII вв. до н. э. [20, с. 229, рис. 25]. Назначение ряда изделий асу-булакской коллекции неясно (рис. 1,34,42).

К украшениям относятся две бронзовые бусины (рис. 1,35, 36), обломок серьги с раструбом (рис. 1,39) и бронзовые бляшки со шпеньком на обороте (рис. 1,23,31,32,37). Подобные предметы довольно часто находят в памятниках эпохи бронзы.

Бронзовая пуговица (рис. 1,33) по своей конфигурации близка пуговице, найденной в могильнике Кызылтас, в ограде 31 (рис. 1,20).

Таким образом, анализ найденных в окрестностях Асу-Булака предметов показывает, что все они датируются в хронологических рамках IX—VIII, а возможно VIII—VII вв. до н. э. Окончательное решение вопроса хронологической и культурной принадлежности памятников Уланского района будет выполнено с накоплением достаточного объема материалов и систематизации накопленных коллекций в свете новейших достижений советских археологов.

---

* Раскопки В. В. Радлова в 1866 г. Хранится в ГИМ.

1. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.

2. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.— Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.

3. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям).— Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1979.

4. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья.— М.: Наука, 1972.

5. *Косарев М. Ф.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири.— СА, 1972, № 4.

6. *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.

7. *Кадырбаев М. К.* Археологические раскопки в Северном Прибалхашье.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1972.

8. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.

9. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.

10. *Оразбаев А. М.* Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана.— Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959, т. 7.

11. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1966.

12. *Арсланова Ф. Х.* Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 1.

13. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья.— М.: Наука, 1977.

14. *Толстов С. П.* Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи.— СА, 1962, № 4.

15. *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.— В кн.: Материалы по археологии Узбекистана.— Тр. Самаркандского университета. Новая серия. Самарканд, 1975, вып. 270.

16. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или.— Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

17. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М.: Наука, 1967.

18. *Кузьмина Е. Е.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы.— КС ИА АН СССР, 1970, № 122.

19. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э.— М.: Наука, 1973.

20. *Биджиев Х. Х., Козенкова В. И.* Предметы кобанской культуры из сел Терезе (Карачаево-Черкесия).— СА, 1980, № 3.

21. *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан.— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975.

22. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой могилы.— СА, 1974, № 1.

23. *Членова Н. Л.* Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961.

24. *Клочко В. И.* Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1979.

25. *Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг.— В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1969, вып. 2.

26. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.

С. В. Кузьминых

ПРЕДАНАНЬИНСКАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА ВОЛГО-КАМЬЯ

Предананьинская металлообработка Волго-Камья слагается из металлопроизводства приказанских, черкаскульских (межовских) и позднесрубных племен. Основное внимание в данной статье мы уделим характеристике приказанского металлургического очага [1, с. 115—116], главным образом его истокам, связям и судьбам, на фоне межовской и позднесрубной металлообработки Среднего Поволжья и Приуралья. Изложение носит развернутый тезисный характер.

Обращение к данной теме не случайно. Недавно автором была завершена работа по изучению цветной ананьинской металлургии [2; 3]. Весьма примечательно то, что помимо линии типологической преемственности некоторых категорий орудий, оружия и украшений предананьинского и ананьинского времени, на что обращалось внимание и ранее, выявилась линия преемственности основных химических и металлургических групп [4, с. 88—90]. Да и в плане типологической преемственности требуется более тщательная и детальная классификация предананьинского металла Волго-Камья, который в предшествующих опытах рассматривался довольно суммарно [5, с. 93—97; 6; 7, с. 22, 27; 8, с. 266, 279—284, 308—314; 9, с. 367]. Классификация Е. Н. Черных 1970 г. [1] строилась лишь на спектрально изученных изделиях поэтому не могла охватить всей массы материала. Она, а также типология металла юго-запада СССР [10] и Болгарии [11] послужили для нас основой.

В последнее десятилетие активизировалось археологическое изучение памятников эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи, которое поставило ряд проблем и в то же время привело к ряду важных результатов. Для изучения предананьинского металла в этой связи наиболее важны исследования металла юго-запада СССР эпохи поздней бронзы [10], а на другом конце великого пояса степи и лесостепи — позднейших памятников бронзового века Северного [12; 13; 14; 15] и Центрального [16; 15; 17, с. 100—189] Казахстана.

Приказанская металлическая коллекция с момента последнего обзора ее [1] увеличилась в три раза: М. Ф. Обыденновым в Приуралье изучен пласт металлоносных межовских памятников [18; 19], в Закамье к известному Дербеденевскому кладу [20, табл. VI, VII] присоединился Кармановский клад с тремя серпами-секачами, ножом-кинжалом с упором на черенке и наконечником копья с широкими прорезями, который определенно связан с позднесрубным (валиковым) комплексом Кармановского поселения [21, с. 19; 22]. В этой связи нами пересмотрены неопределенная культурная атрибутация Дербеденевского клада, его принадлежность к приказанской культуре [8, с. 281—283]. Мы считаем его принадлежащим к позднесрубным древностям [22]. Указанные обстоятельства и позволяют обратиться к характеристике предананьинской металлообработки. Начнем ее с приказанского очага.

Деятельность приказанского очага протекала в сейминском и предананьинском горизонтах Волго-Уралья [1, с. 115—116]. Ведущие черты, характеристика металла и его форм, связи очага в пределах сейминского горизонта не являются пока достаточно ясными, ибо реконструируются на малочисленных и небесспорных материалах. Очерк деятельности приказанского очага, данный ранее Е. Н. Черных и предлагаемый с учетом новых материалов автором, освещает в полной мере лишь его позднейшие этапы.

Спектроаналитическое изучение 140 изделий, из которых 116 обработаны статистически, показывает, что приказанская металлообработка с самого начала ориентируется на привозное сырье. Месторождения медистых песчаников, служившие единственным источником металла в досейминское время, теряют былую роль и используются весьма ограниченно приказанскими мастерами. Причем основные находки изделий МП у приказанцев связаны с прикамскими памятниками и единичны на Средней Волге. Подобная ситуация сохраняется позднее и у ананьинцев [23, с. 15, табл. 1]. Представляется реальным, что приказанский очаг является металлургическим, однако, мастера его средневолжского варианта занимались только металлообработкой. Прямые следы металлургических процессов, связанные с выплавкой меди из руды, не зафиксированы, однако, и в камских памятниках.

В приказанском очаге преобладают сурьмяно-мышьяковистые сплавы (химико-металлургическая группа ВК) — 76 изделий, или 65,5% всей коллекции, из них 23, или 30%, металла ВК легированы оловом, т. е. менее трети. Далее следуют изделия из «чистой» меди (30, или 25,9%) и оловянистые бронзы (10, или 8,6%). Последние даже с учетом оловянистых изделий ВК (33, или 28,4%) составляют менее трети приказанской коллекции. Легированность приказанского металла оловом заметно ниже, чем, например, срубного и андроновского [1, табл. 5]. Его своеобразие еще и в том, что орудия и оружие имеют значительно боль-

ший процент оловянистых изделий по сравнению с украшениями. Например, оловом легировано 59% орудий и оружия из металла ВК, а среди украшений лишь 14%. В коллекциях других культур обычно наблюдается противоположная ситуация [22, табл. 4].

Такая картина распределения металлургических групп в приказанском очаге весьма близка картине, выявленной у поздних срубников, и разительно отличается от черкаскуля. У поздних срубников также преобладают сурьмяно-мышьяковистые сплавы — 62,5%, процент легированности здесь выше, чем в приказанском очаге — 50%. Собственно оловянистые бронзы составляют у них 15,6% коллекции, а изделия из «чистой» меди — 22%. У черкаскульцев Приуралья преобладают оловянистые бронзы — 70% коллекции, далее следуют изделия из «чистой» меди — 24,3%, а сурьмяно-мышьяковистые сплавы представлены лишь 5,4% коллекции.

Соотношение выделенных химических групп отчетливо демонстрирует преобладание у приказанцев и поздних срубников металла группы ВК (65,6 и 62,5% соответственно), а у черкаскульцев — металла группы ВУ (волго-уральская) — 59,4%. Довольно близко соотношение у приказанцев и поздних срубников металла групп ВУ (13,8 и 12,5%) и МП (11,2 и 18,7%). Весьма ограниченно приказанские мастера используют медь ЕУ (елеовско-ушкатинская), которая вообще неизвестна у поздних срубников Закамья, но значительна в межовской коллекции — 16,2%. Проблематична приказанская принадлежность ряда орудий из меди ТК (ташказганская). В их числе кельт сейминского типа из III Бозяковского могильника и топор синташтинского типа с навершием из Малиновского могильника [8, рис. 55, 59—60; 1, рис. 47,30 и 50,4]. Не исключено, что они оставлены инокультурным населением, связанным с памятниками типа Соколовского могильника в устье р. Камы [23].

Изделия группы ВК доминируют на протяжении всей деятельности приказанского очага. Инвентарь ряда позднейших могильников [V Ново-Мордовский, II Полянский, III Маклашеевский) изготовлен только из этого металла. Его преобладание сохраняется в Волго-Камье и в ананьинскую эпоху [4, с. 89; 2, с. 16]. Аналогичная картина с преобладанием металла группы ВК наблюдается у срубных племен как на сейминском горизонте, так и на прединаньинском. В Приуралье металл ВУ доминирует как в ранних, черкаскульских памятниках (например, могильник Такталачук), так и в поздних, межовских.

Типологическое развитие основных форм приказанского металла на сейминском горизонте недостаточно ясно вследствие отсутствия документированных комплексов. А. Х. Халиков [8, с. 252—253, 357] и Е. Н. Черных [1, с. 115] отмечают, что продукция приказанского очага на этом этапе связана с формами изделий таких более мощных очагов металлообработки, как срубный, баланбашский, Турбино и Сеймы. Наиболее глубокое

влияние на металлообработку приказанского очага на сейминском горизонте оказала срубная металлообработка, которая питала его не только новыми типами изделий, но и сырьем уральских и более восточных центров.

Справедливо мнение о расцвете приказанского очага в предананьинский период [1, с. 116; 24, с. 75; 8, с. 308—314, 365]. Импульсом этого расцвета послужили переориентация преобладающих восточных связей волго-уральских очагов металлообработки на западные с поднепровскими очагами металлообработки: ингуло-красномаяцким, кардашинским и, главным образом, с завадово-лобойковским [10, с. 178—194], и формирование на обширных пространствах евразийской степи и лесостепи общности культур с «валиковой» керамикой со специфичным набором орудий и оружия. Начальные импульсы этого влияния были восприняты приказанцами, на наш взгляд, через призму мастеров позднесрубной (валиковой) культуры [22], которые, по мнению Е. Н. Черных, этнокультурно были связаны с литейщиками завадово-лобойковского очага [10, с. 192].

Активное воздействие этого очага на срубную металлообработку Волго-Камья [10, с. 192—193] выразилось в замене серпов срубного типа дербеденевскими, появлении ножей-кинжалов с кольцевым упором на черенке, наконечников копий с широкими прорезями, втульчатых тесел и крюков, оригинальных ножей с фигурным лезвием. Втульчатые широковислообушные топоры заменяются двуушковыми кельтами и кельтами с лобным и боковыми ушками. На основе двуушковых кельтов с прямоугольной фаской завадово-лобойковского очага (К-52 по номенклатуре Е. Н. Черных) позднесрубными мастерами Среднего Поволжья изготовляются своеобразные кельты, известные под названием дербеденевских [6, с. 44—45; 1, с. 58; 8, с. 281], которые несут все детали завадово-лобойковских кельтов, но имеют одно ушко. Впрочем, единичные экземпляры кельтов дербеденевского типа из Северного Причерноморья опубликованы еще А. М. Тальгреном [25].

Весьма примечательным промежуточным звеном завадово-лобойковско-срубных связей является клад из с. Терешково в бассейне Среднего Дона [10, с. 190; 22, рис. 10], оставленный, по мнению Е. Н. Черных, литейщиками завадово-лобойковского очага [10, с. 193]. Он состоит из трех серпов-секачей, двух кельтов и ножа с фигурным лезвием. Серпы и нож-бритва находят полные аналогии в Дербеденевском кладе [20, табл. VII, 1—4, VI, 8]. Аналогичные серпы и в Кармановском кладе. Дербеденевские одноушковые кельты [20, табл. VI, 1—2] несут все детали кельтов из Терешковского клада. Кельт, тождественный завадово-лобойковским и терешковским, известен из с. Борма на севере Куйбышевской области [26, рис. 7,1] и может быть связан более всего со срубными мастерами.

Однако влияние очагов юго-западных областей СССР не

ограничивалось изменениями позднесрубной металлообработки Волго-Уралья, активизацией приказанского очага. Оно выразилось в более широких и глубоких изменениях всей позднебронзовой металлообработки в степной и лесостепной полосе от западных границ СССР до Алтая и связано с культурами (общностью) «валиковой» керамики [27].

Именно в этой связи следует рассматривать изменения позднесрубной и приказанской металлообработки Волго-Камья. Стремление объяснить замену типологических форм орудий и оружия приказанской культуры с началом предананьинского горизонта дальнейшим развитием только форм сейминско-турбинских прототипов [8, с. 266, 280, 281], на наш взгляд, неоправдано. Подобным образом реконструируется развитие кельтов с лобным ушком и орнаментом по верхней части [8, с. 266], двуушковых так называемых «киммерийских» кельтов* [8, с. 280] и дербеденевских [6, с. 45; 8, с. 281]. Неправомерно также утверждение, что серпы-секачи дербеденевского типа более присущи для приказанской культуры, чем для других районов [8, с. 283]. Волго-камские экземпляры этого типа являются производными от завадово-лобойковских [10, с. 193; 6, с. 69] и более характерны для позднесрубных древностей. Изготовление приказанскими мастерами указанных выше типов кельтов также имело южный, степной импульс. Широко отливавшиеся в приказанском очаге наконечники копий с умеренными прорезями и выпуклым бортиком вокруг них [6, с. 34—36; 8, с. 283] своим происхождением связаны с наконечниками с широкими прорезями и такими же бортиками, бытовавшими у позднесрубных племен (пример — Кармановский клад).

Сейминско-турбинская линия развития сохранилась, очевидно, в производстве непрорезных наконечников копий и дротиков и некоторых типов кельтов. Волго-камские постсейминские наконечники [6, с. 28; 8, рис. 63,1,2, с. 283, с. 313; 1, с. 53, рис. 46, 8] меньших размеров и, как правило, с ушком у края или на середине втулки. Кельты сохраняют пропорции сейминско-турбинских, однако имеют массивный валик-ободок вокруг втулки [5, табл. XXXVI, 19]. Большинство же кельтов эпохи поздней бронзы Волго-Камья имеет иные, степные истоки. Возрождение сейминско-турбинской линии развития в производстве этих орудий происходит в раннеананьинское время [3].

Кроме юго-западной линии связей приказанского очага, намечается также юго-восточная и восточная с культурами эпохи поздней бронзы Урала и Западной Сибири. Наиболее отчетливы они с межовской культурой Приуралья [9, с. 354—373; 18; 19; 28, с. 82—83], что выразилось в распространении в первую оче-

* Предполагается даже, что орнаментированные кельты Северного Причерноморья этого типа попали в южные районы из Среднего Поволжья, что не согласуется с данными спектрального анализа.

редь однотипных прорезных наконечников копий, кинжалов с упором на черенке, втульчатых орнаментированных тесел, выпуклых бляшек с массивными глухими ушками. Этот круг связей распространяется далее на памятники еловско-ирменского [29] и карасукского [30] круга. Однако распространение в Волго-Камье и Приуралье, на Урале и в Западной Сибири близких форм орудий, оружия и украшений неправомерно было бы связывать только с воздействиями от Уральского хребта на запад или на восток. В этих лесных областях, очевидно, имеет место оформление сходных форм орудий, оружия и украшений на общей основе, связанной с сейминско-турбинскими традициями, и воздействием культур (или общности) «валиковой» керамики по пограничью леса и степи всего евразийского пояса от Карпат до Алтая.

В предананьинское время, особенно после ухода срубников из Закамья и правобережья Волги, начинается расцвет приказанского очага [1, с. 116], что выразилось в богатом ассортименте отливаемых изделий и значительном территориальном распространении продукции этого очага. Изготовляются разнообразные типы кельтов с боковыми ушками и кельтов с лобным ушком [6, с. 46—48, 50—51; 8, с. 279—282]. Типологическое развитие последних привело к появлению орудий, несущих пропорции ананьинских кельтов с овальной втулкой, с треугольной, арковидной и трапециевидной фасками с характерными ананьинскими орнаментальными поясками, но снабженных еще лобным ушком [31, с. 28, табл. 1,22; 6, с. 48, 49]. Эта группа кельтов непосредственно предшествует ананьинским. Два поздних типа двуушковых кельтов представлены единичными находками [32, табл. XIX, 6; 9, рис. 23,6,7; 33, с. 152, рис. 1,2,4] и, очевидно, являются импортами с Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Претерпевают изменения дербеденевские кельты. Их позднейшие варианты не имеют валика-ободка вокруг втулки [6, с. 45] и, очевидно, предшествуют некоторым типам акозинско-мелярских кельтов начала железного века.

Изменения коснулись и наконечников копий. Непрорезные экземпляры «потеряли» ушки на втулке и еще более уменьшились в размере [8, рис. 63,2]. Их трансформация с началом ананьинской эпохи проходит обратный путь: увеличение размеров, возрождение сейминско-турбинских традиций. Значительные типологические изменения, претерпевают прорезные наконечники копий [5, с. 95—97], прежде чем вылиться в характерное ананьинское оружие.

В приказанском очаге отливаются разнообразные типы втульчатых тесел, ножей, шильев и игл, рыболовных крючков. Весьма специфичны и приказанские украшения, многие из которых получают дальнейшее развитие в ананьинскую эпоху [8, с. 313—314].

1. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— МИА, 1970, № 172.

2. *Кузьминых С. В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.).— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.

3. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза).— М.: Наука, 1983.

4. *Кузьминых С. В.* О преемственности цветной металлургии и металлообработки эпохи бронзы и раннего железного века в Среднем Поволжье и Приуралье.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

5. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.

6. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 1960, № 90.

7. *Халиков А. Х.* Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры.— Уч. зап. Пермского университета, Пермь, 1967, № 148.

8. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья.— М.: Наука, 1969.

9. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.

10. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.— М.: Наука, 1976.

11. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии.— София, 1978.

12. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.

13. *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы.— Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.

14. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.— Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.

15. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям).— Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1979.

16. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.

17. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, т. I.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.

18. *Обыденнов М. Ф.* Новые стоянки черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы в Башкирии.— СА, 1976, № 4.

19. *Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф.* Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии.— СА, 1980, № 3.

20. *Булычев Н. И.* Древности из Восточной России.— М., 1902, вып. 1.

21. *Хузин Ф. Ш.* Кармановская стоянка срубной культуры.— В кн.: Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974.

22. *Кузьминых С. В.* Металлообработка срубных племен Закамья.— В кн.: Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Казань, 1981, вып. 3.

23. *Кузьминых С. В.* О химическом составе металла Соколовского могильника.— СА, 1977, № 4.

24. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.

25. A. M. Tallgren. La Pontide Prescythique apres l'introduction des metaux.— ES'A, II. Helsinki, 1926.

26. *Кореневский С. Н.* О древнем металле бассейна р. Самары.— В кн.: Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

27. *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии. См. наст. сборник.

28. *Обыденнов М. Ф.* Памятники черкаскульской культуры на территории Башкирии.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, Куйбышев, 1976.

29. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного

Приобья (неолит и бронзовый век). Часть четвертая. Еловско-ирменская культура.— Томск: Изд-во Томского университета, 1974.

30. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи.— МИА, 1972, № 182.

31. *Штукенберг А. А.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Евразийской России.— Казань, 1901.

32. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— Тр. Марийской археологической экспедиции, т. II Йошкар-Ола, 1962.

33. *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад.— МИА, 1965, № 130.

М. К. Кадырбаев

ШЕСТИЛЕТНИЕ РАБОТЫ НА АТАСУ

В 70-е годы в исследований многих проблем истории племен эпохи бронзы, начиная с вопросов хронологии, происхождения андроновской культуры и кончая проблемами трансформации в позднейшие культуры раннежелезного века, наступил сложный и противоречивый период смены парадигм — устоявшихся положений. Это, как известно, нормальный, объективный процесс совершенствования наших знаний, которому в равной мере противопоказаны как бездумная погоня за любыми новациями, так и слепая неприязнь к новым идеям и гипотезам. Дискуссии, естественно, не могли миновать Казахстан с его богатыми и разнообразными памятниками андроновской культуры и поздней бронзы [1; 2; 3, с. 100—184; 4]. Как известно, имеющийся в распоряжении науки материал не может дать однозначного ответа на многие из поставленных вопросов. Надо полагать, что ответы следует искать на путях детального и комплексного сбора массовой информации по андроновской проблеме в местах наибольшей концентрации разнотипных памятников интересующей нас эпохи. К числу таких крупнейших в Центральном Казахстане микрорайонов сосредоточения древностей развитой бронзы и ее заключительного этапа относится территория верховий реки Атасу в Агадырском районе Джезказганской области.

Ядро Атасуского микрорайона составляют три поселения — Атасу I, Атасу II (Ак-Мустафа) и Мыржик—, серия некрополей Сангру I—III, Атасу I—III, Ак-Мустафа, Мыржик I—II и горные выработки Сары-Булак, Дарат, Огузтау. Планировка поселений различна. 23 постройки Атасу I обрамляют по кругу площадку с большим «домом» и тремя круглыми хозяйственными помещениями в центре. 37 жилых и подсобных сооружений поселения Мыржик, расположенных на площади 40 000 кв. м, разделены на две половины широкой улицей, проходившей через центральную часть поселка. Планировочную основу 49 построек на Атасу II, занимающих площадь в 11 600 кв. м, составляют два ряда жилищ, вытянутых вдоль берега реки.

За 1975—1980 гг. в центральной части поселения Атасу I

был вскрыт и изучен культурный слой на площади 3588 кв. м глубиной от 0,8 до 1,2 м (начальник отряда Ж. К. Курманкулов). На самом крупном поселении Мыржик заложен раскоп площадью 584 кв. м на глубина 0,6—1,2 м (начальник отряда А. С. Загородний). Тремя небольшими раскопами охвачены центральный и южный участки поселения Атасу II (раскопки З. С. Самашева, Т. И. Кулик). В целом, археологическими исследованиями на трех поселениях вскрыта площадь почти в 4500 кв. м, изучены в общей сложности остатки 21 жилых и хозяйственных построек, пять крупных комплексов меднолитейного производства, свыше 40 больших и малых зольников на межжилищных участках. Вещевой материал с поселений представлен фрагментами более чем от 3000 сосудов, каменными, костяными и роговыми орудиями всевозможного назначения, насчитывающими почти 400 экземпляров, десятками других предметов. Среди них выделяются находки каменных и глиняных форм для отливки кельта, тесел, наконечников стрел, матриц для чеканки ювелирных изделий, несколько экземпляров костяных псалий, «коньков», подобных садчиковским и чаглинским находкам [5, рис. 15; 6, с. 59, рис. 10], всевозможные керамические штампы и костяные инструменты наподобие рейсмусов, для разметки орнаментальных лент на керамике.

Поисковыми группами 1977—1978 гг. и 1980 года обследован ряд древних горных выработок Успенской зоны и Саякского меднорудного участка. Сняты топопланы одиннадцати выработок Босаги и Сарыбулака, 98 разносов Саяка, крупных карьеров Кенказгана и Огузтау. Произведены раскопки трех древних выработок Сарыбулака, в отвалах которых найдены фрагменты керамики, сходной с посудой поселения Атасу I. Крупные работы проведены и на некрополях. В шести больших могильниках: Сангру II, Мыржик I—II, Атасу I, Ак-Мустафа, Шет — раскопана 41 ограда, вскрыты 96 каменных ящиков, цист и грунтовых ям. Среди вещевых находок — 111 керамических сосудов атасуского и нуринского типов и другие вещи из металла, кости и т. д.

Наиболее интересные данные получены на поселении Атасу I (рис. 1). Детальной инструментальной съемкой и последующими раскопками установлены три основные формы построек поселка. Первая — прямоугольный контур строений площадью от 150 до 250 кв. м, с глубиной котлованов от 0,3 до 1 метра. От второй группы построек остались западины круглой формы, площадью от 80 до 100 метров при незначительной глубине в 0,1—0,3 м. Третья группа — малозаметные впадины разной конфигурации: прямоугольной, круглой, овальной. Они концентрируются в восточной и западной окраинах поселка, некоторые из них пристроены к жилым помещениям. На площади поселка выделяются контуры сорока больших и малых зольников в виде невысоких бугров. Крупные зольники диаметров 3—5 м тяготеют, как правило,

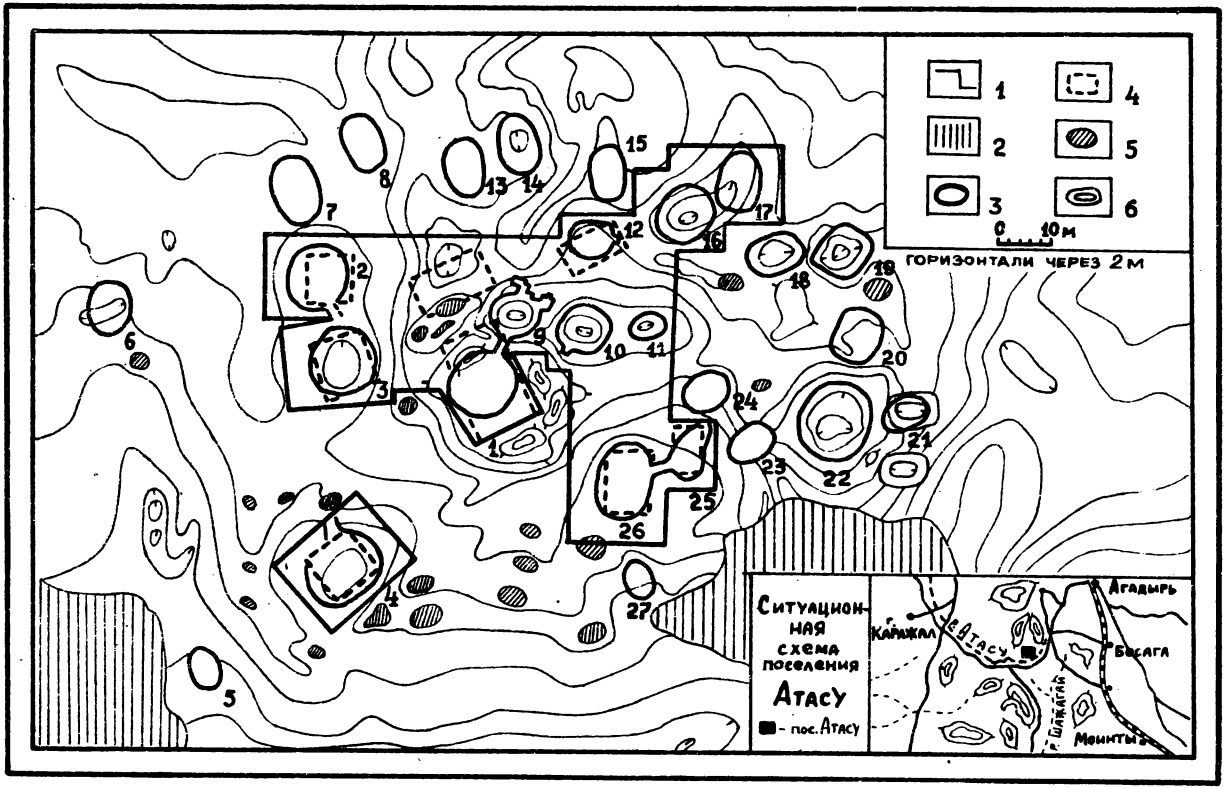

Рис. 1. План поселения Атасу:

1 — границы раскопов, *2* — отвалы, *3* — котлованы горизонта круглых жилищ, *4* — постройки гозонта прямоугольных строений, *5* — зольники, *6* — разведочные шурфы 1955 года

к большим домам прямоугольной и круглой форм. Каждое крупное жилище имеет в среднем по четыре зольника. В некоторых местах замечены ходы от жилища к зольнику. Ходы зафиксированы и между большими зольниками.

В результате исследований выявлена разновременность культурного слоя поселения Атасу, что позволило выделить по крайней мере два строительных периода, или этапа.

Первоначально поселение Атасу состояло из крупных прямоугольных построек, столбовые конструкции которых делили помещение на жилую и хозяйственную части. Характерной особенностью таких домов была сложная и многоцелевая по своему хозяйственному назначению система в виде огневой камеры с длинными дымоходами или заменяющая эту конструкцию яма с двумя или тремя секциями. Длинные дымоходы в виде канавок с каменно-глиняным покрытием сверху, отходили от огневой камеры по всему периметру стен помещений. Встреченные в большом количестве конструкции для медеплавильного дела и связанные с ними орудия труда указывают на большой удельный вес этого направления деятельности в первобытном производстве жителей раннего периода. Наряду с металлургией, люди горизонта прямоугольных домов занимались и другими промыслами: земледелием, скотоводством, гончарством. Так, постройка 4 условно названа «домом гончара», поскольку здесь, в центре помещения, сохранилась примитивная гончарная печь в виде куполообразного сооружения из глины с камнем, покрывавшего яму, внутри которой находился невысокий глинобитный столик на каменных плитах. В другом помещении (№ 24) — это грунтовая яма, обмазанная слоем огнеупорной глины и покрытая каменными плитами. Специализированное назначение обеих построек подтверждается находками небольшого ларя с хорошо отсортированной глиной для лепки посуды, керамического шлака вокруг печей и большого количества каменных лощил для обработки внешней поверхности посуды. Жилище 9 по концентрации здесь каменных мотыг и находке бронзового серпа можно назвать «домом земледельца».

Второй, более поздний период обживания поселения, связан с иной формой помещений, которые своими круглыми котлованами врыты в толщу культурного слоя предшествующего времени. Эти жилища легкого юртообразного наземного типа не имели каких-либо сложных столбовых перегородок внутри. В отличие от мощных отопительных систем предшествующего периода здесь имелись лишь легкие каменные очаги открытого типа да колодцы, выложенные в технике цистовой кладки. Во многих случаях круглые жилища возводились на прямоугольных старых помещениях, разрушая при этом их стенки. Так было в строениях 1—4,25.

Жители горизонта круглых построек были по преимуществу скотоводами. Такую хозяйственную ориентацию поздних поселен-

цев подтверждают массовые находки орудий труда, связанных с переработкой шерсти, кожевенного сырья и других видов животноводческой продукции.

О двуэтапности заселения Атасу свидетельствует и керамика. Все разновидности форм керамики разделяются на три типологически разные группы. В перую входит керамика, украшенная желобками в несколько рядов, прямоугольными и равнобедренными треугольниками, полосой меандра, широкого горизонтального зигзага, орнаментом в виде пирамидок и флажков, выполненных в технике мелкозубчатой гребенки. Этот нуринский тип керамики, распространенный в погребениях Центрального Казахстана, имеет широкое сходство с федоровской посудой других районов андроновской культуры [7, рис. 44].

Ко второй группе относится керамика атасуского типа. Ведущими узорами, нанесенными резьбой и гладким штампом являются: косые и равнобедренные заштрихованные треугольники, меандр, горизонтальная и вертикальная елочки, горизонтальные линии и широкий зигзаг. Некоторые сосуды имеют остроребернуюю форму. Встречены банки и горшки с поддоном. Вторая группа керамики находит прямые аналогии в материалах могильников Шет и Ак-Мустафа. Датировка могильника Шет, давшего при раскопках 1978—1979 гг., удивительно устойчивый тип алакульской керамики и хорошую коллекцию из шести крупных втульчатых двуперых листовидных наконечников стрел (из них три ланцетовидных длиной от 8,5 до 11 см.), укладывается в рамки развитого алакульского периода середины или начала второй половины II тысячелетия до н. э. [8, с. 27—60].

Горизонту прямоугольных помещений, как показали планиграфическая и стратиграфическая раскладки материалов, соответствует керамика I и II групп, причем керамики чисто алакульского (атасуского) типа сравнительно немного и основу коллекции составляет посуда I группы.

Третья группа керамики объединяет валиковую посуду. Сюда относятся сосуды с формованными и налепными валиками и без них. Элементы узоров — наклонные или прямые отрезки, ромбическая сетка, грубая горизонтальная елочка, большие треугольные фестоны вершинами вниз, овальные вдавления и прочее. Есть здесь и фрагменты посуды бегазинского типа с высокой шейкой и узорами из крупных фестонов. Посуда III группы во многом сходна с ильинским или саргаринским типом керамики поздней бронзы и так называемой алексеевской группой керамики одноименного поселения в Кустанайской области [9, с. 39—40; 10, с. 12—14]. Она синхронизируется с горизонтом круглых помещений. Вместе с ней встречается и керамика I типа, что свидетельствует о сравнительно длительном бытовании, в отличие от алакульской, посуды федоровского типа. В соответствии с изложенным датировка раннего горизонта Атасу определяется концом третьей четверти II тысячелетия до н. э., в то время как

существование горизонта круглых жилищ — началом I тысячелетия до н. э.

Поселение Атасу с полным правом можно считать единственным из исследованных поселений эпохи бронзы, где так хорошо сохранились остатки древнего медеплавильного производства — главной отрасли первобытной экономики II тысячелетия до н. э. Помещения для обработки и плавки руды группировались в центре поселка и представляли собой небольшие наземные постройки облегченной конструкции на невысокой платформе.

Одна часть конусовидных ям-печей возводилась в пристройках-тамбурах, другая — непосредственно в помещениях, третья — на межжилищных площадках. Обращают на себя внимание широкий размах меднолитейного дела и сложность производственных конструкций. С ними могут лишь сравниться замечательные памятники соседнего Джезказгана — поселения Милыкудук, Айнаколь, Соркудук, информация о которых, к сожалению, фрагментарна, а сами поселения уже исчезли под современными карьерными разработками [11; 4, с. 235—237, 250—254].

Многочисленными исследованиями не раз подтверждалось, что металлургия андроновских племен базировалась на легкоплавких окисленных рудах [12; 13]. В то же время высказывались предположения о возможности использования уже в эпоху бронзы таких сернистых руд, как халькозин, халькопирит [14, с. 128; 1, с. 128; 15, с. 198], что подтверждается и нашими материалами. Атасуские месторождения, по определению геологов, представляют собой свинцово-цинковые и железо-марганцевые руды с наложенным боритовым оруденением [16; 17, с. 116—124]. Древние рудокопы использовали из этих руд жилы с медной минерализацией, причем отличительной особенностью руд атасуского типа является повышенная пиритность поверхностной зоны. Все это усложняло процесс выплавки меди, требовало дополнительных трудоемких операций, начиная с искусственного окисления и предварительного обжига сернистых минералов.

Печи Атасу имели разное назначение: для получения древесного угля, обжига сырой руды, плавки обожженной руды на штейн и шлак, выплавки черновой меди и последующего ее рафинирования в тиглях. По конструкции и технологии они существенно отличаются от уральских печей более позднего времени, интересная реконструкция которых дана Е. М. Берс [18, рис. 22, 24]. Обжиг совершался в больших ямах двухметрового диаметра и полутораметровой глубины. В ямах, обмазанных толстым слоем огнеупорной глины, имелся воздуходувный канал, углубленный в стены и спиралью охватывавший огневую камеру. К выходящей на край ямы фурме воздуходувного канала присоединялись меха для поддува воздуха. В одной из таких ям сохранилось не менее 30 кг дробленой руды.

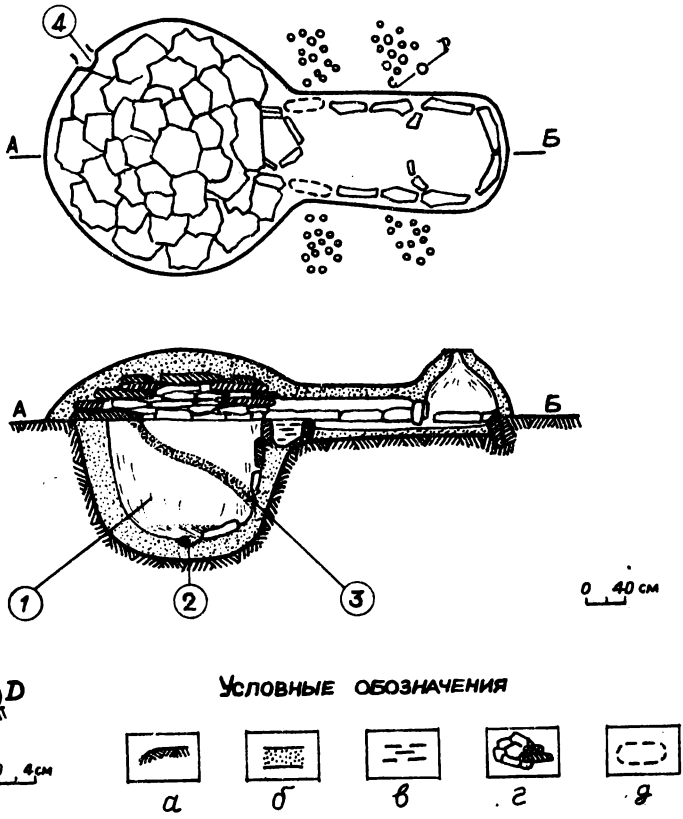

Рис. 2. Поселение Атасу. Реконструкция плавильной печи:
1 — огневая камера, *2* — летниковая лунка, *3* — воздуходувный канал, *4* — выход воздуходувного канала, *а* — материк, *б* — слой огнеупорной обкладки, *в* — плавильная полость, *г* — каменные плиты, *д* — съемные плиты для доступа в плавильную полость

Вторым этапом плавильного дела было получение штейна — промежуточного медно-железисто-сернистого вещества. Для этой цели, видимо, использовался второй тип атасуских ям-печей с литниковой лункой-углублением на дне. Выплавка черновой меди, вероятнее всего, производилась в печах третьего типа, рядом с которыми возводились глиняные платформы со множеством лунок разового пользования для слива ошлакованного металла (рис. 2). Основу такой печи составляла большая огневая камера-яма с воздуходувным каналом, обмазанная слоем огнеупорной глины. Она покрывалась каменными плитами в виде ложного свода и сверху — глиняной обмазкой. Фурма воздуходува выходила у основания свода, соединяясь с мехами для поддува воздуха. В точке максимального температурного режима, приходившегося на край ямы, устраивалась тигельная емкость и далее отходил дымоход, заканчивавшийся, как об этом говорят глино-

битные остатки, невысокой трубой. Дымоход в некоторых случаях имел протяженность 8—12 м и представлял собой вырытый в земле и обмазанный глиной канал глубиной 15—20 см, шириной до 40 см, покрытый сверху в виде двускатной крыши небольшими каменными плитами. Вся эта конструкция, вплотную примыкавшая к огневой камере, обмазывалась глиной. Столь необычную длину дымоходов логичнее всего можно объяснить стремлением увеличить дистанцию выброса ядовитого сернистого газа из помещений, где производились производственные операции по обжигу и плавке руды. Загрузка печи топливом осуществлялась через верхнюю пригрузочную плиту каменного свода. Установка и выемка тигля проводились через боковую разборную плиту.

Помимо описанных сложных конструкций, на поселении существовали и более простые печи восьмеркообразной формы с камерой для тигля и устьем-поддувалом, уже известные по материалам Хакассии и Тувы. Такие печи на Атасу применялись, скорее всего, для плавки меди из окисленной руды или для рафинирования черновой меди.

В отличие от Атасу I, основной период функционирования которого падает на последние века II тысячелетия до н. э. (горизонт прямоугольных помещений), раскопки поселения Мыржик дают материал, синхронный с третьей группой атасуской керамики. Дату поселения началом I тысячелетия до н. э., помимо керамики, подтверждают бронзовые двуперые наконечники стрел предсакского времени. Такой же материал получен и на поселении Атасу II (Ак-Мустафа), хотя здесь известны отдельные находки и более раннего времени, аналогичные вещам могильника Ак-Мустафа.

Исследованные некрополи Атасу I, Сангру II, Ак-Мустафа, Мыржик I, II датируются различными периодами андроновской культуры. Особенно важными для уточнения хронологии являются материалы могильников Шет и Ак-Мустафа, имеющие между собой много общих черт, включая погребальный обряд, формы керамики, одинаковую композицию и технику выполнения узоров, а также сходные предметы вооружения. Могильники Шет и Ак-Мустафа с их керамикой ярко выраженного алакульского типа, крупными бронзовыми втульчатыми двуперыми листовидной формы наконечниками стрел типологически взаимосвязаны с такими некрополями, как Айшрак, Жаман-узен, и датируются началом второй половины II тысячелетия до н. э.

Совокупность материалов по поселениям и некрополям приводит к выводу о необходимости корректировки существующей периодизации андроновской культуры, поскольку имеющиеся материалы противоречат федоровско-алакульской (нуринско-атасуской) хронологической иерархии. Собранные данные указывают, по меньшей мере, на хронологическую одновременность памятников атасуского и нуринского типов и в то же время остав-

ляют реальной перспективу поиска более ранней подосновы алакульских (атасуских) памятников в Центральном Казахстане.

1. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.

2. *Маргулан А. Х.* Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1966.

3. История Казахской ССР, т. I.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.

4. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.

5. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21.

6. *Агапов П. В., Кадырбаев М. К.* Сокровища древнего Казахстана.— Алма-Ата: Жалын, 1979.

7. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.

8. *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.— В кн.: Материалы по археологии Узбекистана. Тр. Самаркандского университета, нов. серия, вып. 270. Самарканд, 1975.

9. *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол.— СА, 1975, № 1.

10. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.— Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.

11. *Валукинский Н. В.* Древняя добыча медной руды в Джезказгане.— Архив ИИАЭ АН КазССР, рукопись № 177.

12. *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине.— М.: Наука, 1975.

13. *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди и олова.— М.: Наука, 1980.

14. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21.

15. *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе.— СА, 1977, № 4.

16. *Щерба Г. Н.* Месторождения атасуского типа.— Геология рудных месторождений, 1967, № 5.

17. *Кузнецова Э. Ф.* Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу /по данным спектрального анализа/. В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977.

18. *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей.— Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963.

О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов

ПОСЕЛЕНИЕ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема федоровских поселений в настоящее время является едва ли не самой сложной и запутанной проблемой федеровской культуры Зауралья. Ее суть можно изложить предельно кратко — нет чистых поселений, т. е. нет однослойных поселений только с классической федоровской керамикой, известной по материалам могильников (Федоровский, Смолино, Сухомесово, Кинзерский и др.). Как правило, она встречается на поселениях в небольшом количестве вместе с алакульской, замараевской или черкаскульской [1, с. 132] и почти всегда не вычленяется стратиграфически [1, с. 72—80, 96—105]. Следует добавить, что в лесостепном Зауралье таких поселений уже сейчас известно достаточно много и что количество их постоянно увеличивается, но общая картина не меняется.

На наш взгляд, данную ситуацию можно решить только при одном условии: необходимо отказаться от попыток искать чистые федоровские поселения. Оригинальность федоровских поселенческих комплексов, по-видимому, заключается в органическом сочетании различных типов керамики, имеющих подчас мало общего между собой. Правомерность такой гипотезы доказывают материалы поселения Дуванское XVII, исследованного Уральской археологической экспедицией в 1978—1979 гг.

Памятник находится в 30 км к востоку от г. Тюмени на правом берегу р. Дуван, вытекающей из Андреевского озера и впадающей с левой стороны в р. Пышму. Поселение занимает участок невысокой гривы, ограниченной с севера и запада заболоченной поймой реки и с юга — также заболоченной ложбиной, В раскопке (702 кв.м) выявлены следы двух периодов обитания древнего человека на площади данной гривы. К эпохе энеолита относятся жилище № 1, несколько ям, чрезвычайно напоминающих могильные, и ряд углублений, назначение которых не вполне ясно. Кремень и керамика энеолитического облика тяготеют к центру, северному и западному краям раскопа.

Культурный слой в юго-восточной части раскопа содержал в

большом количестве находки эпохи поздней бронзы. В это время на поселении было сооружено жилище № 2, с этим периодом следует связывать несколько углублений и ям, расположенных вблизи жилища и на некотором удалении от него. В толще культурного слоя, сильно насыщенного органикой, и на полу жилой постройки найдено около 300 костей животных, вне всякого сомнения, имеющих отношение именно ко второму периоду функционирования поселения. Мы особо выделяем этот факт потому, что обычно кость на памятниках Нижнего Притоболья не сохраняется.

Котлован жилища № 2, очертания которого были зафиксированы на глубине 0,7 м от поверхности, имел подпрямоугольную форму с выступом в северо-восточном углу. Длинными стенами сооружение ориентировано по лини СЗ—ЮВ. Середина юго-западной стены прорезана коридорообразным выходом, обращенным на З. Длина котлована — 10,5 м, ширина в средней части — 5 м, глубина — 0,3—0,5 м, длина раскопанной части коридора — 3 м при ширине 1,5 м. Дно коридора полого понижается в сторону котлована жилища. В центре постройки находился очаг, представлявший собой заполненное золой очажное «блюдце» овальной формы размером 0,6×0,45 м и толщиной 0,1 м, которое было углублено в грунт на 0,1—0,15 м.

В жилище и рядом с ним обнаружено много столбовых ямок, в расположении которых четкой системы нет. В 5 м к В от жилища № 2 находился еще один очаг, представлявший собой линзу прокаленного песка неправильной формы размером 1,15× ×0,8 м и мощностью до 0,2 м. В нем обнаружены остатки обгоревшего дерева, рядом найдены развалы двух сосудов и фрагменты глиняных кирпичиков.

Многочисленные следы жизнедеятельности обитателей поселка* обнаружены в центральной и восточной части раскопа — это скопления костей животных, рыбьей чешуи, развалы сосудов, скопления глиняных рыболовных грузил (до пяти экземпляров вместе).

Вещевой материал, относящийся к эпохе поздней бронзы, не отличается большим разнообразием. Изделия из камня представлены тремя пестами и несколькими обломками точильных плиток, есть костяные предметы — три черешковых наконечника стрел и проколка или провертка, среди глиняных изделий больше всего рыболовных грузил (24 экз.) — овально-уплощенных с двумя пересекающимися желобками и округло-уплощенных с одним глубоким желобком. В коллекции имеются пряслица, обломок тигля и фрагмент глиняной плоской пластины, украшенной с обеих сторон зигзагами и горизонтальными прочерченными линиями.

---

* Есть основания предполагать, что в раскопе вскрыта только часть позднебронзового поселка.

Наиболее представительной категорией находок на поселении является керамика. По форме и ее деталям, тщательности обработки поверхности, мотивам и технике декора вся посуда может быть разделена на две условные группы.

Группа А (свыше 200 экз., около 74% от общего количества сосудов (включает плоскодонные сосуды неразвитой горшечной формы, создаваемой за счет легкого отгиба верхней части стенок (60%), сосуды горшечно-баночной формы (12%) и банки (около 1%). Диаметр устья сосудов группы А колеблется от 13 до 35 см, но ввиду фрагментарности керамики говорить о том, каких размеров посуда преобладает, трудно. Венчики округлые или несколько уплощенные, поверхность обрабатывалась тщательно и аккуратно. В свою очередь, посуда группы А подразделяется на две подгруппы.

К первой мы относим сосуды, украшенные по боковой поверхности однообразными узорами, выполненными обычно оттисками гладкого или гребенчатого штампа. Наиболее распространены горизонтальные пояски косопоставленных оттисков, часто воспроизводящие елочные узоры (47%, рис. 1,5, 13), часты желобки или прочерченные линии, опоясывающие весь сосуд (около 11%), ряды вдавлений (углом палочки и др., около 13%). Иногда оттиски штампов, скомпонованные в группы из 3—5 линий и разделенные небольшими интервалами, образуют поясок «незавершенных» ромбов (около 2%). Среди способов нанесения орнамента преобладает техника гладкого штампа и резная (42%), высок удельный вес гребенчатой техники (25%), много вдавлений различной формы (около 20%), реже употреблялись прочерчивание (4,3%) и желобчатая техника (свыше 7%).

Несколько особняком в первой подгруппе стоит небольшая группа сосудов довольно больших размеров горшечно-баночной формы с уплощенным венчиком. Для них характерна грубость отделки и небрежность в нанесении узоров из крупных насечек, зигзагов, широких неровных желобков (рис. 1, 12).

Во вторую подгруппу объединены сосуды, украшенные таким специфическим элементом, как валик. Количество данной посуды на поселении составляет 20%. Валики имеют различную степень выпуклости, преобладают формованные, есть и налепные (рис. 1, 2,6,9,11). Располагаются они обычно на переходе от шейки к тулову и в большинстве случаев орнаментированы разнонаклонными оттисками штампов, елочкой, угловыми вдавлениями. Оригинален сосуд баночной формы, украшенный налепным валиком со сферическими налепами (рис. 1,6).

Во всем остальном посуда второй подгруппы ничем не отличается от керамики первой подгруппы. Форма сосудов, ограниченный набор элементов узора, однообразие и простота орнаментальных композиций, сходные технические приемы орнаментации указывают на единство данных типов керамики.

К группе Б отнесено около 70 сосудов (24—25% от общего

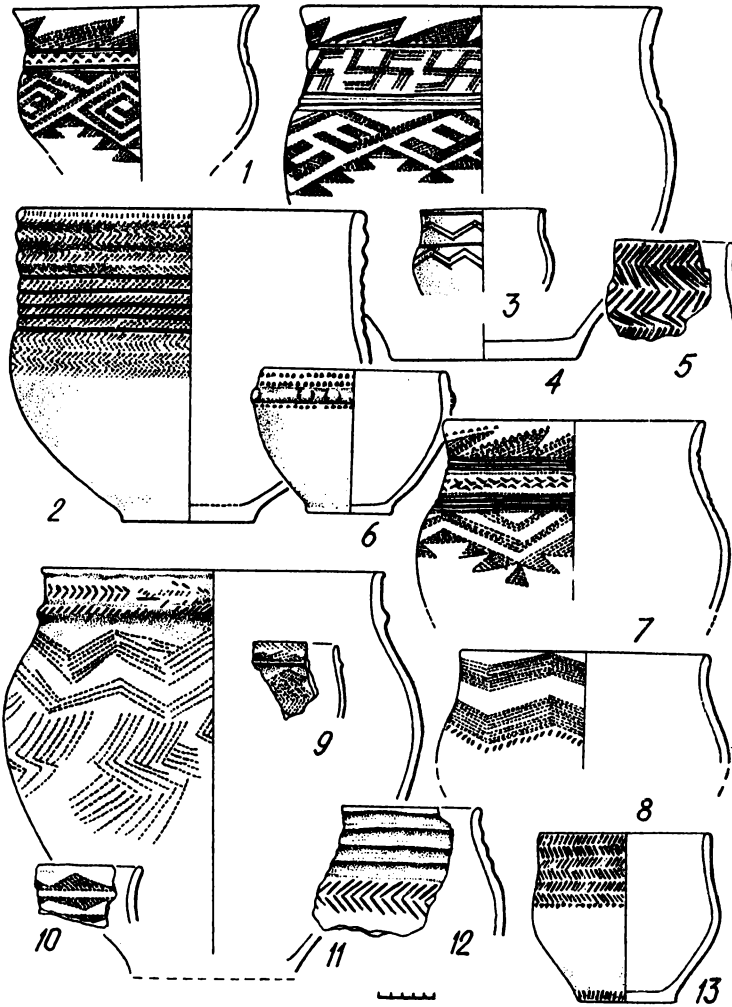

Рис. 1. Поселение Дуванское XVII. Керамика:
3,5,12,13 — группа А подгруппа I; *2,6,9,11* — группа А подгруппа II; *1,4,7,8,10* — группа Б

количества сосудов). Это нарядные плоскодонные горшки с плавно профилированным туловом и слегка отогнутой шейкой (рис. 1, 1,4,7) или сосуды горшечно-баночной формы со слабо раздутым туловом и нечетко выраженной шейкой. В данной группе преобладают экземпляры средних и небольших размеров, хотя есть и очень крупные. Форма венчика округлая или уплощенная. Сосуды этой группы отличает тщательная обработка внутренней и внешней поверхности, в ряде случаев она подвергалась лощению. Следы обработки поверхности гребенчатым штампом встречаются редко. Все сосуды украшены, причем характерна богатая орнаментация. Шейка украшалась косыми или прямоугольными треугольниками (15%; рис. 1, 1,4,10), часто обрамленными бахромой, поясками из разнонаклонных оттисков гребенчатого штампа (9,8%), рядами горизонтальных зигзагов (рис. 1,8). Горловина сосудов обычно оформлена широкими желобками (8,3%) или рядами глубоких подтреугольных вдавлений (3,0%; рис. 1, 1,7). Реже эта зона украшена узором из раздвинутых треугольников (косых или равнобедренных; 1,5%). На плечики орнамент переходит также через ряд желобков или вдавлений, тулово часто украшалось меандровидными узорами. Встречаются сосуды, полностью покрытые желобками, но чаще этот элемент играет роль, подчиненную нарядному гребенчатому узору.

Орнамент наносился преимущественно гребенчатым штампом (43%), много вдавлений (27,4%), высок удельный вес желобчатой техники (19%), совершенно нехарактерна для группы Б резная техника (1,7%).

Для ответа на вопрос о культурной принадлежности поселения Дуванское XVII следует обратиться к анализу прежде всего керамики, поскольку из всех имеющихся в нашем распоряжении материалов только она содержит необходимую информацию.

Начнем с посуды группы Б. По форме (мягкий плавный профиль), орнаментации (косые треугольники, свастика, меандр, бордюры из мелких треугольников и др.), технике нанесения орнамента (мелкая изящная гребенка), тщательности обработки поверхности, сложному составу формовочной массы и многим другим показателям сосуды группы Б сопоставимы с лучшими образцами федоровской керамики. Аналогии дуванским федоровским сосудам можно найти и на соседних территориях (могильники Федоровский, Смолино, Сухомесово, поселения Боборыкино II, Кипель и мн. др.), и в комплексах, значительно удаленных от района Тюмени (на Ишиме, Иртыше, Енисее, в Центральном Казахстане и др.).

Вместе с тем, федоровская посуда поселения Дуванское XVII обладает некоторым своеобразием. Для нее как будто в большей степени характерны такие элементы, как пояски противолежащих уголковых вдавлений (рис. 1, 1,7), наряду с продольной штриховкой лент меандра встречается поперечная, довольно много в коллекции сосудов, поверхность которых покрыта гори-

зонтальными гребенчатыми зигзагами, образующими широкие полосы (рис. 1, 8).

Желобки между полосами меандра, представленные всего на 3—4 сосудах, можно оценивать как свидетельство контактов с населением черкаскульской культуры, но назвать эти контакты тесными или глубокими, по-видимому, нельзя.

Сложнее обстоит дело с керамикой группы А. Она неоднородна, и поэтому сопоставление ее с известными в литературе комплексами в целом невозможно.

Ряд сосудов этой группы (рис. 1, 12) находит аналогии в керамике бишкульского типа [2, с. 36, 37, рис. 5; 3, с. 121]. Их объединяют горшечно-баночная форма, орнамент из поясков наклонных линий, широких желобков, горизонтальных зигзагов, преимущественно резная техника нанесения узоров. Бишкульская керамика известна пока только по материалам поселений [2, с. 36]. Интересно, что совершенно бишкульские по облику сосуды были найдены в очаге на поселении Қипель рядом с федоровскими горшками [1, с. 66, рис. 25, с. 97, 98].

Часть дуванской посуды группы А по ряду признаков сопоставима с керамикой так называемого замараевского типа. Замараевскую керамику, по К. В. Сальникову, характеризует орнамент в виде поясков из косых насечек, елочки, ромбической сетки, выполненный почти исключительно нарезкой, грубо и небрежно [4, с. 285, 348, рис. 55]. Одним из отличительных признаков замараевской посуды считается валик, рельефный или налепной, часто украшенный. Все это (за исключением ромбической сетки) характерно и для некоторых дуванских сосудов, разве что орнаментированы они более аккуратно, да поверхность обработана не так грубо (рис. 1,2,9,11). Из этого совершенно не следует, что их можно называть замараевскими. Мы считаем, что многие проблемы замараевской культуры в свою очередь нуждаются в основательном пересмотре, поскольку в свете новых фактов теория позднего возникновения валиковой керамики выглядит в настоящее время неубедительно. Но это предмет особого разговора. Напомним, что так называемая замараевская керамика также известна только по материалам поселений [1, с. 89, 90].

Большое количество сосудов группы А относится к тому «безымянному» типу керамики, которая встречается на многих поселениях из разных областей андроновской культурно-исторической общности и характеризуется простым орнаментом: пояски косых насечек и оттисков гребенчатого штампа, елочка, ряды уголковых вдавлений и др. (рис. 1, 5, 13). Иногда она встречается в погребениях, преимущественно в восточных районах — на Енисее, Оби, Иртыше [5, табл. XI, VIII, I, II и др.; 6, с. 11—13]. Показательно, что такая керамика почти всегда присутствует в тех комплексах, где есть федоровская посуда. В коллекции керамики поселения Дуванское XVII полностью отсутствуют алакульские сосуды.

На первый взгляд весь комплекс дуванской керамики выглядит неоднородным и разнокультурным. Тем не менее, это единый культурно-хронологический комплекс, его целостность подтверждается рядом фактов и наблюдений.

1. В большом количестве имеются сосуды смешанного облика (например, валиковые сосуды с федоровским орнаментом), выделяется серия элементов узора, одинаково характерных для керамики обеих групп (желобки, зигзаги, уголковые вдавления, пояски косопоставленных оттисков и др.). Из комплекса выпадают лишь очень немногие экземпляры, свидетельствующие о контактах с населением сопредельных территорий.

2. Технологический анализ показал полное сходство обеих групп дуванской керамики. При изготовлении сосудов как группы А, так и группы Б использовалась одинаковая рецептура формовочной массы: в качестве примесей добавлялись крупный шамот, экскременты животных, белая крошка (67%), либо к ним примешивался тальк (33%). Посуда обеих групп вылеплена из глины всего двух замесов (42% — глина с песком до 0,3 мм; 58% — с песком от 0,6 до 1,2 мм).

3. Тщательная фиксация всех типов керамики в полевых условиях показала, что она стратиграфически не расчленяется. Найдено несколько скоплений раздавленных сосудов (в жилище, около очага № 2, в углублении Е), где лежали фрагменты от нарядных федоровских горшков, сосудов с валиками и др. Удалось выявить лишь одну закономерность в планиграфическом распределении материала — на полу жилища и в придонных слоях численно преобладали сосуды группы Б и первой подгруппы группы А. За пределами котлована жилища это соотношение меняется в сторону преобладания посуды группы А. Наблюдается концентрация фрагментов валиковых сосудов на участках, прилегающих к очагу № 2. Мы считаем, что подобное распределение керамики разных типов на площади поселения может свидетельствовать о функциональном назначении посуды.

4. После пяти лет работы на Дуване, сопровождавшихся планомерными раскопками 15-ти памятников дуванского куста и ежегодными стационарными разведками, можно утверждать, что Дуванское XVII является единственным памятником своего времени на площади в несколько квадратных километров. Зная это, чрезвычайно трудно допустить, чтобы один и тот же ограниченный участок дюны мог заселяться неоднократно, причем точность совпадения культурных напластований была бы абсолютной. Ссылки на хозяйственную целесообразность в нашем случае неубедительны.

Приведенные аргументы позволяют считать весь комплекс керамики Дуванского XVII поселения единым в культурном и хронологическом плане. Поскольку основу рассматриваемого комплекса составляет керамика федоровского типа и ей сопутствующая, культурную принадлежность дуванских остатков мож-

но определить как федоровскую. Отсутствие на Дуванском XVII алакульской керамики и ничтожно малое количество сосудов с черкаскульскими элементами в орнаменте делают это поселение наиболее чистым из всех ныне известных андроновских поселений в Зауралье. Вероятно, это обусловлено локальными причинами, так как Дуванское XVII является пока самым северным поселением федоровской культуры.

Чрезвычайно сложен вопрос о дате поселения. Состояние изученности федоровских памятников в Зауралье и на Южном Урале не настолько благополучно, чтобы можно было — при отсутствии датирующих вещей — установить возраст Дуванского XVII поселения путем сравнительного анализа. Тем не менее, мы берем на себя смелость датировать данное поселение последней третью II тыс. до н. э. (может быть, XIII—XII вв. до н. э.) и считаем, что это не самое раннее федоровское поселение в Зауралье. К сожалению, обосновать и аргументировать этот вывод в ограниченных рамках статьи не представляется возможным, поскольку наша хронологическая схема построена на материалах, большей частью не опубликованных*.

Полученный в процессе раскопок палеофаунистический материал дает основания говорить о некоторых направлениях хозяйственной деятельности обитателей этого поселка.

Вид животного	В жилище**	Всего на поселении**
Крупный рогатый скот	31/3	192/11
Мелкий рогатый скот	5/1	27/5
Лошадь	2/1	33/4
Лось	3/1	3/1
Косуля	—	3/1
Северный олень	—	2/2 (?)
Canis	2/1	5/1

Судя по соотношению домашних и диких животных, скотоводство играло ведущую роль. Примечательно явное преобладание в домашнем стаде крупного рогатого скота. Состав диких животных свидетельствует о том, что охота являлась дополнительным источником получения мяса. Кроме того, охотились на птиц, кости которых также найдены на поселении. Частые находки грузил и скоплений рыбьей чешуи указывают на серьезное значение рыболовства среди прочих занятий. Река и ее пойма создавали вполне благоприятные условия для скотоводства, охоты и рыболовства. Можно предположить, что отдельные плодо-

* В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное число особей.

** Пос. и гор. Черноозерье I, пос. Инберень IV, мог. Черноозерье II, мог. Лихачевский, пос. Пахомовская Пристань, пос. Ново-Шадрино II, VII и др. Раскопки Уральской археологической экспедиции, коллекции хранятся в КА УрГУ.

родные участки поймы и пойменные возвышенности могли использоваться под посевы сельскохозяйственных культур.

Таким образом, поселение Дуванское XVII мы считаем памятником федоровской культуры*. В многообразии типов керамики на этом поселении мы видим проявление характерной для всех зауральских (и не только зауральских) федоровских поселений закономерности, суть которой заключается в существовании определенной зависимости между функциональным назначением посуды и ее формой, орнаментом, техникой орнаментации и т. д. Для хранения припасов, приготовления и принятия пищи, совершения каких-либо ритуалов и иных действий употреблялась — с точки зрения формальной типологии — различная посуда. Наиболее полно эту зависимость отражает погребальная посуда (хотя и здесь есть исключения), на поселениях она проявляется в несколько ослабленном виде.

1. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья.— М.: Наука, 1972.

2. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, № 12.

3. *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973.

4. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.

5. *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее.— Л.: Наука, 1978.

6. *Троицкая Т. Н.* Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции).— В кн.: Из истории Западной Сибири. Научные труды НГПИ, Новосибирск, 1969, вып. 31.

* Из этого следует, что на Дуване или Андреевском озере нужно ожидать нахождения федоровских погребений с классической федоровской посудой.

Ю. А. Мотов, К. М. Карабаспакова

МОГИЛЬНИК БИЙЛИКУЛЬ — ПАМЯТНИК РАННЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Эпоха бронзы Южного Казахстана изучена еще очень слабо. Она представлена в основном материалами исследованных в разное время могильников Каракудук [1], Тау-Тары [2] и Куюкты [3].

В связи с недостаточной изученностью темы особый интерес вызывает материал могильника, открытого Ю. А. Мотовым в районе озера Бийликуль на юге Джамбулской области, в предгорье Каратау. В засушливый период 1975—1977 гг. озеро сильно обмелело. В 1977 г. на обнажившейся полосе в 200 м от восточной береговой линии был обнаружен могильник. Местность, на которой он расположен, представляет собой ровную, с небольшим уклоном поверхность солончака, покрытую редкими кустиками травы и гребенщика.

Могильник вытянут с запада на восток и занимает неширокую полосу длиной около 100 м. Всего выявлено 15 погребений. Два из них имеют внешние признаки в виде насыпей высотой 5—10 см. Одна насыпь прямоугольная (2,6×2,0 м), другая — «Г»-образной формы (2,6×1,0×1,3 м). Остальные погребения определяются по более светлому или темному пятну на фоне светло-желтого суглинка. Зачастую над могильной ямой отмечается понижение поверхности. Вероятно, в древности все могилы имели индивидуальные небольшие земляные насыпи, которые с течением времени исчезли.

Раскопано 2 погребения в западной (нижней) части могильника.

Погребение 1. На поверхности прослеживалось темное пятно подпрямоугольной формы и обнаружены фрагменты горловины сосуда. Грунтовая прямоугольная яма (195×110 см, глубина 22—24 см) ориентирована продольной осью с запада на восток с некоторым отклонением к северу. На дне могильной ямы вдоль восточной стенки найдены 5 сосудов, один из них лежал на боку. Ближе к центру ямы стоял еще 1 горшок, возле которого обнару-

жены 4 зуба взрослого человека и 8 бараньих астрагалов. Под сосудами — темно-серое зольное пятно. В юго-западном углу лежали два мелких фрагмента трубчатых костей, возможно от костей ног погребенного. Здесь же обнаружено темное пятно (3×5 см) перегнивших органических остатков. В углах у западной стенки выше дна на 2—3 см найдены два медных наконечника стрел.

Погребение 2. Находится в 1,5 м к юго-западу от первого. Обнаружено по светлому пятну подпрямоугольной формы, расположенному ниже уровня дневной поверхности на 2—3 см. Под-

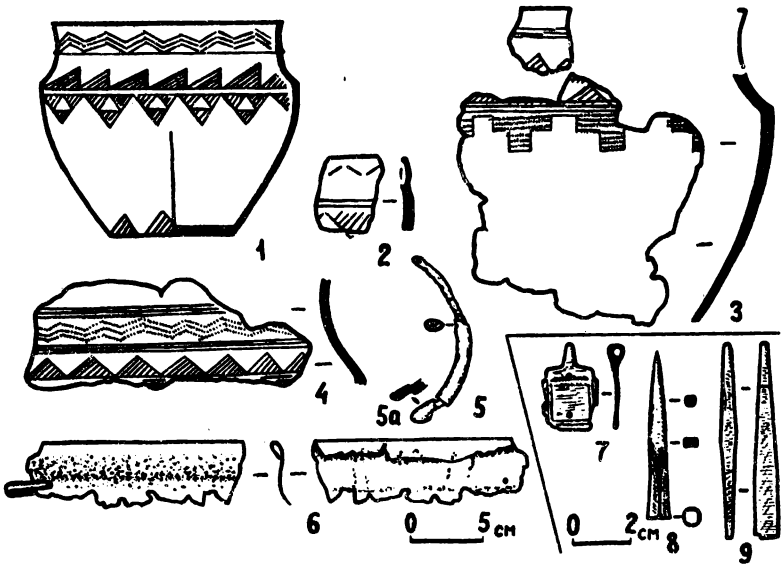

Рис. 1. Могильник Бийликуль. Керамика и изделия из бронзы:
1, 3, 4, 8, 9 — погребение I; *2, 5, 6, 7* — подъемные материалы; *1—4* — глина; *5—9* — бронза

прямоугольная грунтовая яма (185×120 см, глубина 34 см) ориентирована по линии север-юг. У северной стенки ямы стояли 3 горшковидных сосуда, по обе стороны от них лежали 2 удлиненные, овальные в сечении гальки. На одной из них видны риски, конец другой покрыт выбоинами. Следов погребения человека не обнаружено.

Сосуды, обнаруженные в погребении I, плохой сохранности. Удалось восстановить лишь один горшок полностью и два частично. Посуда изготовлена ручной лепкой из теста с примесью песка. Черепки в изломе черного цвета. Целый сосуд имеет горшковидную форму с уступчиком, четко отделяющим шейку от тулова (рис. 1,1). По середине шейки проходит ребро, в результате чего ее профиль состоит как бы из двух дуг. Поверхность сосуда желто-серого цвета, местами лощеная. Резной орнамент

нанесен тремя зонами. Верхняя часть шейки украшена тремя линиями горизонтального зигзага. Вдоль основания шейки располагается ряд прямоугольных треугольников. Верхняя часть тулова, ниже уступчика, орнаментирована двумя резными линиями и свисающими пирамидками из трех равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вниз. Придонная часть тулова украшена также равнобедренными треугольниками. Треугольники во всех поясах имеют косую штриховку. Общая высота сосуда — 14 см, высота шейки — 4 см, диаметр тулова — 16,5 см, диаметр венчика — 15,4 см, дна — 7—8 см, толщина стенок — 0,4—0,5 см.

Второй сосуд представлен фрагментом крупного горшковидного сосуда с уступом (рис. 1,3). Его наибольший диаметр около 33 см. Толщина стенок — 0,6—0,8 см. Поверхность серого цвета. Орнамент резной и гребенчатый. В верхней части шейки прочерчены три линии. Ниже располагаются два пояса резных косо заштрихованных равнобедренных треугольников, вершинами вверх. Верхнюю часть тулова ниже уступа опоясывают ступенчатые пирамидки, обращенные вниз. Они заштрихованы горизонтальными оттисками мелкозубчатого штампа. Придонная часть украшена резными заштрихованными треугольниками.

От третьего сосуда сохранился лишь фрагмент горловины (рис. 1,4). Поверхность лощеная, орнамент резной и гребенчатый. По середине шейки проходит горизонтальный зигзаг из трех линий, нанесенных мелкозубчатым штампом. На плечиках располагаются косо заштрихованные равнобедренные треугольники, выполненные резной техникой. Орнаментальные пояски разделены горизонтально прочерченными линиями. Верхняя часть тулова украшена ступенчатыми пирамидками, заполненными оттисками гребенчатого штампа.

Сосуды из погребения 2 аналогичны описанным по форме, но отличаются более разнообразным орнаментом на шейке. В верхней части тулова размещаются ступенчатые прямоугольные или треугольные пирамидки. Придонную часть обычно опоясывают заштрихованные треугольники.

В погребальный инвентарь входят 2 медных наконечника стрел. Один из них в виде квадратного в сечении остроконечника, с раскованным и свернутым во втулку концом. Общая длина его — 5,4 см, длина втулки — 1,1 см (рис. 1,8). Второй наконечник — в виде стержня, одна половина которого имеет подквадратное сечение и тупой конец, другая — уплощена. Вероятно, для соединения его с древком на обеих гранях основания имеются насечки. Длина наконечника — 6,4 см, ширина основания — 0,7 см (рис. 1,9). Н. А. Аванесова определяет подобное изделие как наконечник стрелы с уплощенным основанием и тупым ударным концом. Такие наконечники предназначались для специализированной охоты [4, с. 42].

На поверхности в западной части могильника найдено еще

несколько предметов. Среди них фрагмент керамического баночного сосуда, орнаментированного гладким штампом (рис. 1,2), и фрагмент горловины сосуда из листовой меди толщиной 0,3—0,5 мм, диаметр по венчику — 20—22 см (рис. 1,6). Изделие еще в древности было повреждено, о чем свидетельствует ремонтная скрепка. Возможно, что предмет являлся обкладкой деревянного сосуда. Здесь же были найдены: небольшой фрагмент каменного навершия булавы, фрагмент гривны, состоящий из откованного медного стержня и оболочки (рис. 1,5). К случайным находкам относится литая подвеска подпрямоугольной формы с ушком (рис. 1,7). Украшена она чеканным орнаментом в виде двух вписанных прямоугольников.

Фрагменты гривны и горловины сосуда по химическому составу близки наконечникам из погребения 1 и, очевидно, вместе с другими подъемными вещами входят в комплекс могильника. Исключение составляет бронзовая подвеска, имеющая иной, сложный состав (см. приложение).

Могильник Бийликуль значительно отличается от уже известных могильников эпохи бронзы Южного Казахстана. Здесь полностью отсутствуют какие-либо дополнительные погребальные сооружения в виде каменных оград, ящиков и цист. Захоронения совершались исключительно в грунтовых ямах, имевших лишь небольшие насыпи. Это, вероятно, указывает на особенность обрядового ритуала населения, оставившего данный могильник.

Собранный материал имеет много общего с памятниками типа Алакульского могильника. Это особенно проявляется в форме и орнаментации керамики, которая находит ближайшие аналоги в памятниках Северного, Центрального, Западного Казахстана и Урала [5, табл. VI, рис. 8; 6, с. 27—29, рис. 3,1,36, табл. IV; 7, табл. III, рис. 1,2,5,6; табл. VII, рис. 1—4; 8, табл. XLV, рис. 14—18; 9, с. 64; 10, табл. XII, рис. 6,8; 11, рис. 36, 1—3, 5,6,16]. Сосуды, имеющие подобный орнамент, часто встречаются также в памятниках срубной культуры и в тазабагъябских комплексах Средней Азии [11, рис. 19,1; 12, рис. 63, рис. 65].

Наконечник с откованной втулкой не имеет прямых аналогий, но по технологии изготовления насада близок к наконечникам копий с несомкнутой втулкой так называемого балановско-верхнекизильского типа, хорошо известных на Урале и в Поволжье. Наиболее древние наконечники копий с подобной втулкой происходят из фатьяновских памятников — поселений Ош-Пандо [13, рис. 17], Балановского могильника [14, рис. 3]. Эту группу наконечников Б. Г. Тихонов датирует второй четвертью — серединой II тыс. до н. э. [15, с. 30—31]. Аналогичные по форме втулки копья входят в состав Коршуновского, Верхнекизыльского [15, табл. II, 7; табл. XXV, 2] и Куш-Тауского кладов [16, рис. 3, 6,1]. Верхнекизыльский клад относится к абашевской культуре и по аналогиям датируется XIV—XII вв. до н. э. [15, с. 32]. Подобные копья имеются в Покровском могильнике [17,

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ БИЙЛИКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА*

№№ пп.	№№ лаб.	Наименование предмета	Содержание элементов, %										
			медь	олово	свинец	цинк	мышьяк	сурьма	золото	хром	никель	железо	висмут
1	1 Дж (а)	Горловина сосуда	осн.	—	0,01	—	—	—	—	0,007	сл.	0,003	—
2	1 Дж (б)	Скрепка металлическая	осн.	—	0,001	—	—	—	—	0,008	сл.	0,4	—
3	2 Дж (а)	Оболочка гривны	осн.	0,006	0,01	—	0,02	—	—	0,008	0,003	1,0	—
4	2 Дж (б)	Стержень гривны	осн.	сл.	сл.	—	0,09	—	—	0,003	сл.	0,08	0,002
5	3 Дж	Подвеска	осн.	10—20,0	≈10,0	0,04	0,4	0,2	сл.	0,003	0,01	0,3	0,4
6	4 Дж	Наконечник стрелы черешковый	осн.	0,008	0,1	—	0,01	сл.	—	0,005	—	0,003	—
7	5 ДЖ	Наконечник стрелы втульчатый	осн.	0,002	0,006	—	сл.	—	—	0,002	—	0,003	—
8	6 Дж	Скрепка	осн.	0,01	—	—	0,01	—	—	0,003	—	0,003	—

* Анализ произведен в спектральной лаборатории ИИАЭ АН КазССР канд. техн. наук Э. Ф. Кузнецовой.

рис. 14,8] и в кургане у с. Мазур [15, табл. XVII, 11], которые датируются ранним периодом срубной культуры [17, с. 63].

Этот технологический прием нашел свое отражение и в изготовлении втульчатых наконечников стрел, найденных на поселениях Мирный II и Тасты-Бутак, датируемых соответственно XVI—XIV вв. до н. э. и XVI—XV вв. до н. э. [4, с. 57, табл. 4], и могильника Увак, относящегося к началу XIV—XII вв. до н. э. [18, с. 19, рис. 5, с. 20].

Таким образом, способ образования втулки путем расковки черешка наблюдается на очень широкой территории и указывает на древность формы. И, вероятно, не следует датировать этот наконечник позднее XIV вв. до н. э., поскольку на территории срубно-андроновской культурной общности в это время распространяются более совершенные по своим техническим и баллистическим характеристикам стрелы.

Второй наконечник стрелы с черешковым насадом имеет аналогии в могильнике Амангельды в Северном Казахстане [4, с. 56, табл. 3] и в памятниках Средней Азии — Дальверзин и Ован-Депе [19, табл. VI, 34, 35]. Н. А. Аванесова датирует наконечник из Амангельды XIV—XIII вв. до н. э. [4, с. 56]. Е. Е. Кузьмина справедливо считает, что примитивность техники их изготовления и формы позволяет предполагать, что этот тип сложился в глубокой древности [19, с. 31—32].

Таким образом, оба наконечника отличаются простотой формы (отсутствие баллистических усовершенствований), технологии (ковка), химического состава (медь), что позволяет относить их к архаичным формам стрелкового оружия.

Могильник Бийликуль по комплексу вещей, найденных в погребениях, и по приведенным выше аналогиям следует считать наиболее ранним из исследованных до настоящего времени могильников в Южном Казахстане, и он может быть датирован серединой II тыс. до н. э.

Исследование могильника завершить не удалось, поскольку к весне 1978 г. он вновь оказался затопленным на глубину 1,5—2 м водами озера Бийликуль.

---

1. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961, т. 12.

2. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962, т. 14.

3. *Ахинжаков С. М., Акишев А. К.* Могильник Куюсы — новый памятник эпохи бронзы.— Изв. АНКазССР, серия общественных наук, Алма-Ата, 1979, № 2

4. *Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.— В кн.: Материалы по археологии Узбекистана.— Тр. Самаркандского университета, новая серия. Самарканд, 1975, вып. 270.

5. *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958, т. 5.

6. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.

7. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1966.

8. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА, 1962, № 120.
9. *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль.— МИА, 1952, № 24.
10. *Сорокин В. С.* Андроновская культура.— САИ, вып. В3-2, 1966.
11. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала.— М.: Наука, 1967.
12. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.).— М.: Наука, 1977.
13. *Степанов П. Д.* Фатьяновские поселения на Средней Суре.— КСИИМК, 1950, № 32.
14. *Бадер О. Н.* Археологические исследования Центрального Чувашского музея.— Советский музей, 1937, № 5.
15. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 1960, № 90.
16. *Ахмеров Р. Б.* Новые археологические находки, в Башкирии.— КСИИМК, 1951, № 39.
17. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1954, № 46.
18. *Федорова-Давыдова Э. А.* Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области.— ВАУ, 1962, вып. 2.
19. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. А4-9, 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ	— Антропологический журнал
АКК	— Археологическая карта Казахстана
АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
БГУ	— Башкирский государственный университет
БФ	— Башкирский филиал АН СССР
ВАУ	— Вопросы археологии Урала, г. Свердловск
ИА	— Институт археологии
ИИ	— Институт истории
ИИАЭ	— Институт истории, археологии, этнографии АН КазССР
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы, истории Татарской АССР
КА УрГУ	— Кабинет археологии Уральского государственного университета
КНИИ ИФЭ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, философии и экономики
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛО ИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ	— Московский государственный университет
НГПИ	— Новосибирский государственный педагогический институт
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
Сб. МАЭ	— Сборник музея антропологии и этнографии
СКОМ	— Северо-Казахстанский областной музей, г. Петропавловск
Тр. ГИМ	— Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИИАЭ	— Труды Института истории археологии и этнографии
Тр. ИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
Тр. КНИИЯЛИ	— Труды Калмыцкого научно-исследовательского Института языка, литературы и истории
ФАН	— Филиал Академии Наук СССР
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
SECBK	— Symposium über der Entstehung und Chronologie der Badener Kultur — Bratislava, 1973

СОДЕРЖАНИЕ

Косарев М. Ф. (Москва, ИА АН СССР). Андроноидные культуры Зауралья и Западной Сибири 3
Потемкина Т. М. (Москва, ИА АН СССР). О происхождении алакульской культуры в Притоболье 8
Членова Н. Л. (Москва, ИА АН СССР). Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа 22
Евдокимов В. В. (Караганда, государственный университет). Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья 35
Зданович Г. Б. (Челябинск, государственный университет). Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) 48
Зданович С. Я. (Челябинск, государственный университет). Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) 69
Черных Е. Н. (Москва, ИА АН СССР). Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии 81
Березанская С. С., Гершкович Я. П. (Киев, ИА, АН УССР). Андроновские элементы в срубной культуре на Украине 100
Пятых Г. Г. (Москва, ИА АН СССР). Общие компоненты сложения алакульской и срубной культуры Поволжья 111
Арсланова Ф. Х. (Калинин, государственный университет). Археологические находки в Казахстане 119
Кузьминых С. В. (Казань, ИЯЛИ Татарской АССР). Преданаиьинская металлообработка Волго-Камья 126
Кадырбаев М. К. (Алма-Ата, ИИАЭ АН Каз. АССР). Шестилетние работы на Атасу 134
Корочкова О. Н., Стефанов В. И. (Свердловск, государственный университет). Поселение федоровской культуры 143
Мотов Ю. Л., Карабаспакова К. М. (Алма-Ата, ИИАЭ АН Каз. АССР) Могильник Бийликуль — памятник ранней бронзы Южного Казахстана . . 152

Список сокращений 159

Темплан 1983, поз 285

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ УРАЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Редактор С. Я. Зданович
Технический редактор М. Ф. Лушникова
Оформление художника А. М. Федорова

Сдано в набор 14.06.83. Подписано к печати 30.11.83. ПО3706. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000 экз. Заказ № 1776. Цена 1 руб. 50 коп.

Областная типография Челябинского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 454000, г. Челябинск, ул. Творческая, 127.

1 руб. 50 коп.